

ISSN 0235-1188 (Print)
ISSN 2618-8961 (Online)

65(2) 2022

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

**RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

- ◆ *ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ*
- ◆ *ДЕСТРУКТИВНОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ*
- ◆ *ПАТОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ*
- ◆ *ПРИНУЖДЕННЫЙ ИНДИВИД*
- ◆ *АНТРОПОЛОГИЯ ЖЕРТВЫ*
- ◆ *САМОДОВЛЕЮЩЕЕ СОЗЕРЦАНИЕ*
- ◆ *ФИЛОСОФИЯ ПАНЭРГОНИЗМА*

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

MOSCOW
HUMANIST PUBLISHING HOUSE

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 65. № 2/2022

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
**ВИНИТИ РАН, Российский индекс научного цитирования,
EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«Ulrich's Periodicals Directory»

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амплеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США); **Бараш Дж.Э.**, д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция); **Брес И.**, проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция); **Даллмайр Ф.Р.**, д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Дени М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтея (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой истории зарубежной философии РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Кашников Б.Н.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Клюев А.С.**, д.филос.н., проф. РГПУ им. А.И. Герцена; **Лепский В.Е.**, д.психолог.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Розин В.М.**, д.филос.н., г.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-кор. РАО, президент МГПУ; **Северикова Н.М.**, к.филос.н., заслуж.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степаняц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Главный редактор Дубровский Д.И.

Научный редактор Винник Д.В.

Редактор отдела культурологии и религиоведения Дуркин Р.А.

Литературный редактор Тукузова Т.М.

Верстка: Топилина В.М.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

THE MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 65. No. 2/2022

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), **Russian Index of Science Citation, EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

The information about the journal is published annually
in the international information system on serial publications

Ulrich's Periodicals Directory

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chili); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Apressyan R.G., D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Dubrovsky D.I.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell. IPhRAS, Ph.D.; **Gubin V.D.**, D.Sc., Head of the Department of the History of Foreign Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Kashnikov B.N.**, D.Sc., Prof., NRU HSE; **Klujev A.S.**, D.Sc., Prof., Herzen University; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen.Res. Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Scientific Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, Ph.D., Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Main Editor Dubrovsky D.I.

Scientific Editor Vinnik D.V.

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

Literary editor Tukuzova T.M.

Page Layout: Topilina V.M.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief **Marinosyan Kh.E.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ.
СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Социум.

В поисках новых измерений ■

<i>А.Ю. НЕСТЕРОВ (Самара),</i> <i>А.В. ДОРОШИН (Самара),</i> <i>А.В. НИКОНОРОВ (Самара),</i> <i>В.А. СОЙФЕР (Самара)</i>	Эволюция общества в свете философии техники	7
---	---	---

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Философская Самара
в исторической динамике ■

<i>А.Н. ОГНЕВ (Самара)</i>	Проблема соотношения онтологии и теории познания в трудах самарских философов позднего советского периода	33
<i>Е.А. ТЮГАШЕВ (Новосибирск)</i>	Исследования труда в самарской философии	67
<i>Т.В. ФИЛЛАТОВ (Самара)</i>	О метафилософской концепции Г.Е. Корявко	81
<i>М.А. КОРЕЦКАЯ (Самара),</i> <i>А.Е. СЕРИКОВ (Самара)</i>	Проблемное поле антропологии жертвы: опыт исследования	99

Культура в цифровом мире ■

<i>О.А. ЖУРАВЛЕВА (Самара),</i> <i>Н.Б. САВХАЛОВА (Самара),</i> <i>А.В. КОМАРОВ (Самара),</i> <i>Д.А. ЖЕРДЕВ (Самара),</i> <i>А.И. ДЕМИНА (Самара),</i> <i>Э. МИХАЭЛЬСЕН (Эттинген, Германия),</i> <i>А.В. НИКОНОРОВ (Самара),</i> <i>А.Ю. НЕСТЕРОВ (Самара)</i>	Задача численного анализа эстетического содержания живописного текста	120
---	---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, семинары, круглые столы ■

<i>А.Ю. НЕСТЕРОВ (Самара),</i> <i>А.И. ДЕМИНА (Самара)</i>	«Лемовские чтения»: обзор регулярной международной научной конференции, посвященной научной фантастике	141
<i>А.С. КОСТОМАРОВ (Самара),</i> <i>И.В. ПАХОЛОВА (Самара)</i>	Семинар как практика формирования философского сообщества: теоретический семинар «Философия культуры» кафедры философии Самарского университета	151

CONTENTS

THE REALITY AND THE PROSPECTS OF CIVILIZATION.
STRATEGY OF PHILOSOPHICAL COMPREHENSION

Society. In Search for New Dimensions ■

<i>A.Yu. NESTEROV (Samara),</i> <i>A.V. DOROSHIN (Samara),</i> <i>A.V., NIKONOROV (Samara),</i> <i>V.A. SOIFER (Samara)</i>	Evolution of Society in the Light of the Philosophy of Technology	7
--	--	---

PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT

**Philosophical Samara
in Historical Dynamics ■**

<i>A.N. OGNEV (Samara)</i>	The Problem of the Relationship between Ontology and Theory of Knowledge in the Works of Samara Philosophers of the Late Soviet Period	33
<i>E.A. TYUGASHEV (Novosibirsk)</i>	Labor Studies in Samara Philosophy	67
<i>T.M. FILATOV (Samara)</i>	On the Metaphilosophical Conception of G.E. Koryavko	81
<i>M.A. KORETSKAYA (Samara),</i> <i>A.E. SERIKOV (Samara)</i>	The Problem Field of the Anthropology of Sacrifice: A Research Experience	99

Culture in the Digital World ■

<i>O.A. ZHURAVLEVA (Samara),</i> <i>N.B. SAVKHALOVA (Samara),</i> <i>A.V. KOMAROV (Samara),</i> <i>D.A. ZHERDE (Samara)</i> <i>V, A.I. DEMINA (Samara),</i> <i>E. MICHAELSEN (Ettlingen, Germany),</i> <i>A.V. NIKONOROV (Samara),</i> <i>A.Yu. NESTEROV (Samara)</i>	Computational Analysis Problem of Aesthetic Content in Fine-Art Paintings	120
--	--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Conferences, Seminars, Round Tables ■

<i>A.Yu. NESTEROV (Samara),</i> <i>A.I. DEMINA (Samara)</i>	Lem Readings: A Summary of the Regular International Scientific Conference on Science Fiction	141
<i>A.S. KOSTOMAROV (Samara),</i> <i>I.V. PAKHOLOVA (Samara)</i>	Seminar as a Practice of Creating a Philosophical Community: Philosophy of Culture Seminar at the Philosophy Department of Samara University	151

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Социум. В поисках новых измерений

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-7-32

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Эволюция общества в свете философии техники

*А.Ю. Нестеров, А.В. Дорошин, А.В. Никоноров, В.А. Сойфер
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара, Россия*

Аннотация

В представляемой статье сформулирован общий взгляд философов, ученых и инженеров, возглавляющих ряд институтов и центров Самарского университета, на проблемы научно-технического прогресса, на задачи управления социумом в условиях становящейся цифровой реальности, на функции человека в новых искусственных средах обитания. В классическом смысле техника понимается как удовлетворение потребностей человека за счет способности применять знание законов природы или космоса в широком смысле слова. Сразвитием техники возникает искусственная среда обитания человека, метакосмос. Она формируется технологиями: машинами по переработке энергии, машинами по переработке информации, в настоящее время – искусственным интеллектом. Эволюция искусственной среды, вызываемая научно-техническим развитием, влечет социальные трансформации, изменение целей и способов организации управления в человеческих сообществах. В наши дни накопленная сумма противоречий информационного общества свидетельствует о необходимости поиска новой формы организации общественного устройства, новых целей, которые включали бы в себя задачи развития человека, его творческого потенциала, усиления роли человека в научно-техническом развитии. Авторы статьи задаются вопросом о том, какими должны быть создающие новую искусственную среду обитания человека технологии искусственного интеллекта (ИИ), чтобы они удовлетворяли этим целям. В статье анализируется влияние четвертой промышленной революции на трансформацию общества. Ставится вопрос

о том, с каких философских позиций следует понимать человека, общество, технику, общественное развитие и его цели. На фоне анализа ключевых для философии техники понятий человека, космоса, эволюции, технологии, искусственной природы показаны принципы общества 5.0, сформулированные Норицугу Уэмура. В завершение делается вывод, что развитие технологий ИИ позволяет последовательно раскрывать потенциал человека, создавать пространство личностного роста и в конечном итоге – преодолевать кризис технико-гуманитарного баланса, характеризующий текущее информационное общество.

Ключевые слова: общество 5.0, суперинтеллектуальное общество, общество творцов, социальная философия, искусственный интеллект.

Нестеров Александр Юрьевич – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, директор социально-гуманитарного института Самарского национального университета имени академика С.П. Королева.

aynesterow@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

Дорошин Антон Владимирович – доктор физико-математических наук, доцент, директор Центра коммерческого космоса Самарского национального университета имени академика С.П. Королева.

doroshin@ssau.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6310-0963>

Никонов Артем Владимирович – доктор технических наук, директор Института искусственного интеллекта Самарского национального университета имени академика С.П. Королева.

artniko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4292-2049>

Сойфер Виктор Александрович – доктор технических наук, профессор, академик Российской академии наук, президент Самарского национального университета имени академика С.П. Королева.

soifer@ssau.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4239-4389>

Для цитирования: *Нестеров А.Ю., Дорошин А.В., Никонов А.В., Сойфер В.А.* Эволюция общества в свете философии техники // Философские науки. 2022. Т. 65. № 2. С. 7–32.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-7-32

Evolution of Society in the Light of the Philosophy of Technology

*A. Yu. Nesterov, A. V. Doroshin, A. V. Nikonorov, V. A. Soifer
Samara National Research University, Samara, Russia*

Abstract

The article provides the general opinion of philosophers, scientists, and engineers heading institutes and centers of Samara National Research University regarding the issues of scientific and technological progress, social management problems under the condition of digital reality, human functions in new artificial environments. The technology is classically understood as satisfaction of human needs through the ability to apply knowledge of the laws of universe or nature in the broad sense. With advances in technology, the artificial human environment, the metacosmos, emerges. It is formed by technologies: by energy conversion machines, information processing machines, and presently by artificial intelligence. The evolution of the artificial environment, caused by scientific and technological development, entails social transformations, changes in the goals and methods of management system in human communities. Nowadays, the accumulated amount of contradictions of the information society testifies to the need of the search for a new form of organization of social structure, for new goals that would include human development, its creative potential growth, increase of the role of man in scientific and technological development. The authors discuss what the artificial intelligence technologies creating a new artificial human environment should be like to meet those goals. The article analyzes the impact of the fourth industrial revolution on the transformation of society. The question is raised from what philosophical positions one should understand man, society, technology, social development, and its goals. Analyzing the fundament for the philosophy of technology concepts of human, space, evolution, technology, artificial nature, the principles of the society 5.0 are introduced, which were formulated by Noritsugu Uemura. The authors conclude that the development of the artificial intelligence technologies provides opportunities for consistent unlocking the human potential, for advancement in personal growth, and finally for overcoming the crisis of the imbalance between the technological and the human, which characterizes contemporary information society.

Keywords: society 5.0, superintelligent society, society of creators, social philosophy, artificial intelligence.

Alexander Yu. Nesterov – D.Sc. in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University.

aynesterow@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

Anton V. Doroshin – D.Sc. in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of the Center of Commercial Space Industry, Samara National Research University.

doroshin@ssau.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6310-0963>

Artem V. Nikonorov – D.Sc. in Technology, Director of the Institute of Artificial Intelligence, Samara National Research University.

artniko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4292-2049>

Viktor A. Soifer – D.Sc. in Technology, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of Samara National Research University.

soifer@ssau.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4239-4389>

For citation: Nesterov A.Yu., Doroshin A.V., Nikonorov A.V., & V.A. Soifer (2022) Evolution of Society in the Light of the Philosophy of Technology. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 2, pp. 7–32. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-7-32

Введение

«Человеческая цивилизация вступила в период эпохальных перемен», – этот не вызывающий ни у кого сомнения тезис был зафиксирован в совместном заявлении Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла по итогам встречи, состоявшейся 12 февраля 2016 году в Гаване (Куба)¹. Перемены обусловлены техническим прогрессом и экспоненциальным ростом возможностей человечества удовлетворять свои потребности и желания на фоне ограниченных ресурсов Земли. Развертывающаяся в наши дни пандемия *COVID-19*, ее научно-технические и социальные последствия заставляют вновь задуматься не только о роли научно-технического прогресса в обществе, но и о его цели, о соотношении уровней технического и духовного развития человечества [Назаретян 2015], о меха-

¹ Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла 13 февраля 2016 // Официальный сайт Московского Патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html>

низмах управления переменами. Переход от информационного, или постиндустриального, общества к интеллектуальному и суперинтеллектуальному обществу требует обсуждения содержания ключевых понятий научного-технического развития – понятий человека, техники, эволюции, космоса, развития – как на уровне их философского осмысления, так и на уровне их конкретного инженерного использования.

Человек и космос

Общество изменяется в силу того, что люди ставят себе цели и достигают их. Но кто такой сам человек? Никто из нас не обладает полным знанием о самом себе, каждый, говоря словами профессора Д.И. Дубровского [Дубровский 1994], находится одновременно в четырех ситуациях: незнания о незнании, знания о незнании, незнания о знании и знания о знании. Человек – это тайна, объем знания о незнании которой увеличивается вместе с ростом научного знания о физических и информационных процессах. Путь познания человека – это путь рефлексии, т.е. путь самоанализа, самопознания, путь обнаружения себя в исследовании природы. Человек в качестве человека появляется тогда, когда он научается самопознанию, научается видеть себя на фоне тех процессов, которые происходят в его окружении.

Способ задания объективности мироздания фиксируется в понятии космоса. Начиная с Фалеса, задавшего вопрос «откуда все?», философы используют понятие космоса, понимая под ним универсальный порядок, объективно, независимо от человека функционирующую реальность, для определения человека и его места в мире. После изобретения научного метода Галилео Галилеем, после того, как человек Нового времени научился задавать вопросы космосу, получая в измерительном эксперименте истинностные ответы, понятие космоса раскрывается в виде законов природы. Процесс самопознания человека осуществляется путем применения к себе законов природы, выявления их иерархии и границ.

Влиятельные мыслители XX века определяют человека как способ соединения и взаимодействия «миров», или «слоев бытия», т.е. определенных не сводимых друг к другу групп законов природы. Например, немецкий классик философии техники Фридрих Дессауэр в работе «Человек и космос» пишет: «С позиции опытных наук я определяю человека как такое существо, в котором слои бытия соединены в индивидуальное единство» [Dessaue 1948, 113–114].

Это слои физических, растительных, животных и психических законов, над которыми у Дессауэра надстраивается слой духа, выраженный в царствах разума, рассудка, этоса и эстетизиса. Каждый из слоев автономен, т.е. существует как объективная система законов. Сходную позицию относительно определения человека как способа взаимодействия миров занимает методолог науки Карл Раймунд Поппер, выделяя миры физических, ментальных и языковых сущностей [Popper 1972].

С помощью понятий космоса и природы человек собирает всю сумму чувственных впечатлений в некое целое, и даже не осознавая, что это целое, он пытается его определить, объективировать, т.е. занять по отношению к этому целому, полученному из своих же впечатлений, некоторую внешнюю позицию. Человек определяется как то, что способно объединять в себе некоторое количество противоречий, разных типов правил. И современная наука в лице системного анализа, в лице максимально общего, но тем не менее научного философского подхода говорит о том, что человек – это такое индивидуальное единство, которое возникает при соединении в одном пространстве, в одном поле, по одной линии множества из двух, трех, четырех и более миров. В этом смысле как определить, например, развитие человека на фоне космоса, как ответить на вопрос, с развитым мы человеком имеем дело или с неразвитым? Критерий развития человека, формулируемый в ответе на этот вопрос, прост: уровень развития определяется по количеству тех миров, которые человек способен привести во взаимодействие и относительно которых он способен осознать правила этих миров и в целом тот факт, что они в нем взаимодействуют.

Техника и эволюция

Каким образом человек узнает о том, что именно он приводит законы природы во взаимодействие, соединяет миры? В техническом действии, в технике. Создатель отечественной философии техники Петр Климентьевич Энгельмейер [Энгельмейер 2010] разделял два способа употребления интеллекта, два вектора применения «способности достигать сложных целей» [Энгельмейер 2010, 129]: субъективацию и объективацию, или познание, направленное на выявление истинного положения дел, и технику, направленную на достижение пользы. Переход от неосознаваемой субъективации к рациональному действию маркирует рождение собственно субъекта преобразующей,

научно-технической деятельности, каким его знает история, начиная с XVII века. Техника есть «реальное бытие из идей посредством финалистского преобразования и обработки из данного природой инвентаря» [Дессауэр 2017, 149]; в поэтическом выражении Макса Айта «техника есть всё, что дает человеческой воле телесную форму» [Дессауэр 2017, 146; Eyth 1924]. В техническом действии символы, извлеченные познанием из окружающей среды, превращаются в инструменты преобразования среды, так что, например, вопрос о понимании означает уже не только абстрактный переход от знака к значению, или индуктивное обобщение, но включает в себя задачу технического воссоздания понимаемой сущности [Рополь 1989].

Техника как способность человека удовлетворять свои желания за счет законов природы – высшее проявление человеческой сущности, выраженное в способности, создавая орудия труда, изменять окружающий мир, природу, среду своего обитания. При взаимодействии человека и космоса в инженерном режиме, в режиме технической деятельности человек создает новое, и это новое носит характер не умозрительных теорий, но артефактов, новых технических объектов, входящих в нашу жизненную среду и изменяющих ее.

Эволюция жизни тесно связана с техникой. Например, концептуальная схема эволюции, предложенная нашим современником, физиком и философом техники Максом Тегмарком, строится на разделении трех типов жизни: «Жизнь, определяемая как процесс, который обладает способностью к самовоспроизводству при сохранении сложности, может проходить в своем развитии через три этапа: биологический (Жизнь 1.0), где “хард” живых организмов и их “софт” развиваются эволюционным путем, культурный (Жизнь 2.0), где “софт” может проектироваться (благодаря обучению), и технологический (Жизнь 3.0), где проектироваться может и “хард”, и “софт”, в результате чего жизнь получает власть над своей судьбой» [Тегмарк 2019, 81]. Саму идею обретения власти над судьбой, возможности перестроить физико-биологический субстрат жизни, еще в 60-е годы XX века очень точно сформулировал Станислав Лем, поставив задачу «превосхождения» естественного искусственным: «Как понимать превосходство [искусственного над естественным]? Оно означает реализацию с помощью Природы того, что для Природы невозможно» [Лем 2004, 255–256].

Уровень самосознания человека, выраженный в знании законов природы и способности посредством техники изменять окружающую среду, задает способы объединения человеческих сообществ в общество. Общество – это самоорганизованные группы людей, выработавшие в актах рефлексии механизмы самоуправления: целеполагания и целереализации. После К. Маркса невозможно отрицать, что именно уровень развития техники определяет типы общественных отношений. Создавая искусственные объекты, человечество в рамках исторического процесса строит неестественную, техническую среду обитания, по мере постижения законов природы и роста способности их применения возникают машины, заменяющие сначала мускульный труд, а затем и некоторые операции рассудка. Человеческие сообщества, живущие в естественной среде обитания, – это общества охотников и собирателей. С развитием ремесел и ростом городов возникает первая искусственная природа, характеризующаяся применением машин по переработке энергии, от рычага и насоса до ядерного реактора. Устройство человеческого общества в искусственных средах обитания задается трансформационным потенциалом промышленных революций. Развитие кибернетики после Великой Отечественной войны создает вторую искусственную природу, в которой действуют машины по переработке информации, осуществляя в общественном пространстве ту же трансформацию, что и машины по переработке энергии, только теперь уже в сфере умственного труда и вычислительной деятельности [Nesterov 2021]. Более конкретно технологическое развитие последних веков отражено в классической модели циклов Кондратьева [Кондратьев 2020], в актуальных работах одного из авторов четвертой промышленной революции – моделях Клауса Шваба [Schwab 2017].

В XXI веке техническое развитие определяется технологиями искусственного интеллекта (ИИ), задачей создания автономных машин, способных независимо от человека соединять в себе действие машин по переработке энергии и по переработке информации, т.е. выполнять без человеческого участия функции познания и технической деятельности. Это переход к третьей искусственной природе, среде обитания, в которой появляются интеллектуальные машины, выполняющие за человека работу по рефлексии. В 2021 году этот переход был анонсирован Марком Цукербергом в задаче построения «метавселенной» [Zuckerberg 2021], фактически, в задаче практической реализации идеи фантаста и

визионера Нила Стивенсона, изложенной в его романе 1992 года «Лавина» [Stephenson 1992]. Какой тип общественных отношений соответствует текущему состоянию развития техники? Каково место в нем человека, человеческой личности? Каковы насущные задачи общественной деятельности?

Роль наблюдателя

Что возникает вместе с новыми возможностями, с появлением новых технических средств, цифровых инструментов, квантовых технологий, с появлением ИИ? В этих новых технологических условиях стоит взглянуть на человека как на центр его собственных устремлений, смыслов и даже как на центр его космологии, его активной позиции в собственных решениях, его воли.

На протяжении всего своего существования социумы и государства рисуют географические карты, ставя себя в центр. Человек рисует карты вселенной, ставя в центр Землю (а значит, себя). Понятно, что взгляд человека движется вокруг него самого, а его цель – использовать все возможности окружающего мира, взять все под свой контроль. Человек – центр всех собственных ценностей, устремлений, смыслов, самоцель. И сегодня, когда сделаны великие научные открытия, когда принята и признана картина мира с однородной и изотропной вселенной, для человека главным по-прежнему остается человекоцентризм, а его субъективная вселенная – это вселенная, основанная на антропном принципе, которая не существует без него, человека, без его фиксации своих наблюдений за ней, своих измерений ее свойств. Новые технологические устройства, космическая техника, космические телескопы, формирующие новые карты вселенной, по-прежнему рисуют эти карты вокруг нашего собственного центра и из этого центра наблюдают за вселенной. Созданы карты окружающей вселенной в оптическом и иных частотных диапазонах, создана карта реликтового излучения, а уже сегодня человек перешел к построению карты распределения древнего водорода, т.е. самых древних сигналов от самых удаленных объектов [Wisotzki et al. 2018]. Новые технические возможности и новые данные, однако, не изменяют самоцентризма человека, они лишь только повышают уровень его материального благополучия и господства над естественными процессами. Вся космология в субъективном восприятии человека – это по-прежнему сфера вокруг человекоцентра с увеличивающимся радиусом «ареала» обитания, знаний

и возможностей. По-видимому, подобное самоцентричное отношение к миру останется актуальным и для последующих типов социумов.

Еще один важный момент состоит в том, что человек не просто самоцентр, сегодня он еще и единственный разумный наблюдатель вселенной (о других наблюдателях нам ничего не известно). Наблюдения и физические измерения атрибутируют и даже инициализируют свойства этой вселенной, по крайней мере, на квантовом уровне.

Только в момент его наблюдения по сути и возникают конкретные свойства частиц, неопределенные до акта наблюдения – эти вопросы ставит и изучает современная квантовая механика, причем не только изучает посредством теоретического математического моделирования, но уже и верифицирует это моделирование экспериментально. Так, экспериментально доказано, что принципиально имеют место вероятностный характер описания мира, принцип неопределенности Гейзенберга, невыполнение неравенств Белла при разрешении парадокса Эйнштейна – Подольского – Розена. Упрощая до предела вывод, следующий из этих экспериментальных данных и их осмысления, можно сказать, что выявленные путем лабораторных измерений (а попросту – путем наших наблюдений) свойства элементарных частиц на самом деле не существовали до самого момента этих наблюдений. Значит, наши измерения, наши наблюдения на базовом квантовом уровне бытия не выявляют predetermined объективных свойств реальности: этих свойств просто не было до их измерения, наблюдения.

Подобные открытия современной физики снова возвращают нас к вопросам классическим: что есть реальность, насколько она «локальна»; был ли мир до наблюдения, пока на него не посмотрел наблюдатель, а если был, то какой; самостоятелен ли сам наблюдатель в своей воле и проактивности; что он измеряет и влияет ли на это факт наличия его сознания – вопросы те же, но на более высоком уровне знаний и уже по другим основаниям (не столько философским, сколько физическим). Другими словами, наличие человека как наблюдателя, по-видимому, является принципиальным неотъемлемым механизмом природы, существенно влияющим на саму реальность как таковую [D'Espagnat 1989]. Развитие техники, появление новых экспериментальных данных, новых качеств коммуникации, транспорта, да и искусственной

среды обитания в целом, скорее всего, будет только укоренять человеческий самоцентризм с устойчивым ростом его «радиуса влияния».

Новый аспект вопроса о центризме новых социумов возникает при рассмотрении возможного технологического прорыва по ветке информационных технологий, оперирующих идеальными представлениями (идеями, смыслами, элементами сознания) – развитие этого технологического направления уже стартовало и в предельном своем результате порождает так называемый «сильный» ИИ. Будет ли что-либо меняться в центрированном взгляде человека-наблюдателя с появлением ИИ? Способен ли ИИ стать альтернативным наблюдателем и, следовательно, своим наблюдением и измерениями дополнительно влиять на сам мир? Чем становится человек с появлением ИИ?

Сегодня ИИ – это всего лишь инструментарий по поддержке логики вырабатываемых решений, некий советник, сложный алгоритм, интеллектуальный удаленный сервис, беспилотный космический аппарат на пути к дальним планетам и т.д.

Все эти новые возможности никак не смещают центр взглядов и смыслов с человека, наоборот – делают человека еще более свободным в своем самоцентрировании: он видит еще больше и еще дальше без собственных перемещений. Возможно ли, что версия так называемого «сильного» ИИ сможет занять проактивную позицию и даже заменить собой актора решений, сместив человеческую проактивность, человеческие желания, человеческую волю своими решениями («желаниями») в форме своей собственной воли, возникающей (если возникающей) вместе с новой версией сознания (ИИ-сознанием)?

Хочется предположить, что технологические успехи по созданию ИИ приблизят наш социум к пониманию вопросов духа, сознания, воли. По-видимому, с новыми технологиями ИИ появится новая специализированная эмпирика, которая будет способна в ограниченном смысле формулировать и экспериментально проверять некие ответы на идеалистические вопросы. Станет ли возможным при развитии ИИ эмпирическим путем подтвердить/отвергнуть/определить наличие границы качественного перехода сложных алгоритмов в некие дискреты сознания, воли, духа – квантуется ли это вообще? Какую часть воли или даже одушевленности можно тогда передать ИИ? Возьмет ли ИИ эту волю без спроса – возможно ли это?

Перспективы приближения к горизонтам этих ответов появляются с развитием информационных технологий, по крайней мере, в части эмпирических построений и проб. Проведем мысленный эксперимент. Например, отталкиваясь от гипотезы антропного принципа, представим, что наличие наблюдателя есть «обязательное требование» развивающейся вселенной. В разрезе такого анализа наблюдатель, рисующий весь мир вокруг себя, ставящий себя в центр, становится просто неким атрибутом самой вселенной, а наличие либо отсутствие его воли скрадывается и размывается внутри общей систематики правил. В этом ракурсе появляется ли что-то «противоправное» для системы «вселенная – наблюдатель» при появлении иного наблюдателя в лице «сильного» ИИ, также атрибутирующего это свойство? По-видимому, на системном уровне подобного запрета не появляется, даже с учетом новых бесконечных уточнений роли человека, его самостной воли. Человек есть внутренний элемент, допускаемый правилами этой системы, и он сам в свою очередь допускает своими правилами наличие сложного автономного ИИ – это вложенные правила, не опровергающие исходных правил наличия наблюдателя. В этом смысле для самой системы, возможно, будет иметь место некое равноправие ролей наблюдателя, будь то человек, либо диада «человек – ИИ» (Ч–ИИ), либо ИИ без человека. Скорее всего, в рамках взятой гипотезы для системы нет различия, кто будет тем самым эволюционирующим/«итоговым» наблюдателем, стоящим «в центре новой карты», имеющим самостную волю и рефлексирующим над собой и внешним миром. А раз нет этой разницы, значит, это нормальный эволюционный переход в развитии наблюдателя, и переход этот обязательно пройдет стадию от человека (Ч) к диаде Ч–ИИ: уже сегодня мы видим старт реализации этой стадии на многочисленных примерах сопряжения людей с электронными гаджетами и высокотехнологичными «умными» протезами разного функционала. Все это представляет собой эволюционный процесс в своем новом качестве, это уже технологически-эволюционный процесс, и он неизбежно смещает описанный выше центр карты «в сторону от» классического понимания человека. Подобная искусственная эволюция, заменяя естественную, неизбежно пойдет в сторону диады Ч–ИИ, туда же пойдет и новая социальная среда усовершенствованных акторов.

Возвращаясь к анализу «роли наблюдателя», на текущем этапе мы однозначно можем констатировать тот факт, что эту роль ис-

полняет человек, даже если он использует высокотехнологичные и, более того, автономные приборы с элементами ИИ. Так в любом случае результаты измерительных манипуляций (даже автономных) либо докладываются человеку (в качестве измеренных величин), либо в совокупности с запрограммированной им логикой используются прибором для продолжения своего автономного функционирования в соответствии с запрограммированными алгоритмами. Другими словами, имеет место либо прямой акт наблюдения со стороны человека, либо опосредованное его участие в качестве наблюдателя для продолжения автономного функционирования измерительного прибора. Таким образом, пока логика автономного функционирования прибора и его взаимодействия с окружающим миром программируется человеком, то роль наблюдателя в любом случае будет принадлежать человеку, даже если он не будет далее обращаться к этому прибору, а прибор продолжит мониторинг-наблюдение в соответствии с логикой, определенной ранее с позиций человека. Возможно, что даже когда (если) появится «сильный» ИИ, способный программировать свое поведение и реагирование на внешний мир, наблюдая за ним инструментами и приборами, запрограммированными им самостоятельно, в роли наблюдателя по-прежнему будет выступать человек. Поскольку самостоятельное программирование ИИ своего функционирования и своих последующих действий все равно базируется на логике-видении, заложенной человеком в форме базисных правил для программирования реакций на более высоких уровнях автономии ИИ – в основе по-прежнему будет лежать базис наблюдений и реакций человека, пусть и как опосредованного наблюдателя (человек заложил логику действий в программу ИИ и опосредованно присутствует в деятельности ИИ через исполнение программы ИИ, а значит все же является опосредованным наблюдателем). Стоит подытожить, что роль наблюдателя останется, по-видимому, за человеком и при возникновении сильного ИИ, автономно изучающего мир, но при этом реализующего базовое видение человека, даже если последующего взаимодействия его с ИИ не будет, например, если человек по каким-то причинам исчезнет совсем. В любом случае сохранится либо сам человек-наблюдатель, либо «его тень внутри ИИ», функционально продолжающая эту роль.

В рамках вопроса о воле и возможности возникновения ее в рамках ИИ можно начать размышления с того, что она (воля) в

первом приближении могла бы быть описана как непреклонное стремление к чему-либо, т.е. выполнение заданной цели. Если посмотреть на компьютерную программу, то, безусловно, исполняя себя, программа обязательно (если не произойдет непредвиденного сбоя) выполнит все свои шаги и достигнет поставленной своим программистом цели. Если представить сильный ИИ, то сначала он тоже создавался бы для исполнения определенных человеком целей, которые далее своими сложными алгоритмами декомпозировались бы автономно (самостоятельно со стороны ИИ) на вложенные цели. При этом самим ИИ выявлялись бы новые цели, способствующие исполнению базовой цели, которые бы пошагово и непреклонно достигались бы, как выполнение любой программы, а при невозможности выполнения (в случае заикливания) адаптивно заменялись бы на новые скорректированные цели. Можно ли интерпретировать подобное стремление к исполнению выявленных, декомпозированных и дополнительных целей как наличие, либо действие некоей непреклонной воли программы, воли ИИ? Реализация этой модели проста: ИИ исполнял бы базовую цель, а сложный алгоритм, который сам себя для этого программировал бы и совершенствовал бы, находясь в цикле достижения базовой цели, просто порождал бы и исполнял бы вторичные, третичные и иные вспомогательные задачи, пока не будет выполнена базовая цель. Представляется уместным поставить вопрос о воле, особенно если бы была поставлена действительно сложная исходная базовая цель ИИ (например, обеспечение исполнения цели человека по продолжению его вселенской экспансии) и порожденные от нее уровни декомпозиций сложились бы в комплексную сложную систему сильного ИИ. Возможно ли то, что мы сами интерпретируем волей человека, могло бы возникнуть обратным образом («от программного»): человек – интеллект естественный – появился путем усложнения текущего уровня программы, инициированной природной эволюцией с базовой целью для первого живого существа как «выжить» (и сразу же следует «выжить в изменяющихся условиях, размножиться, диверсифицироваться, развиваться, распространиться во вселенной...»), с последующим выполнением все усложняющихся декомпозированных вложенных целей? Так, в соответствии с базовой целью программы жизни и ее исполнением современный человек породил множество вложенных, сопряженных и вспомогательных целей, которые и пытается непреклонно

реализовать уже «по собственной воле». Создание ИИ – как раз одна из таких вспомогательных вложенных целей человека, и он ее постепенно реализовывает. Вышеупомянутые размышления и декомпозиции по типу «от программного» окажутся важным слагаемым сложного понятия, которое мы интерпретируем как «воля» вообще, и как воля человеческая или воля ИИ, в частности. В этом смысле воля ИИ оказывается «дополнительной степенью свободы» воли человека.

Новая трансгуманитарная социальная среда, обогащенная инструментально, будет сдвигать центры смыслов и ценностей, что человеку сегодняшнему не видится понятным и безопасным процессом – это современная проблема и даже вызов. По-видимому, новый транссоциум должен будет асимптотически включать исходный первообраз человека, от которого, как минимум, в качестве непреложного базиса потребуется реализация его «самости», его исходной воли, его роли наблюдателя. В этой логике человек (трансчеловек) может даже перестать быть источником идей (они будут генерироваться высокоинтеллектуальной составляющей внутри диады Ч–ИИ), но источником воли, желаний, морали он оставаться должен. Другими словами, возможно, что предназначением человека (в диаде Ч–ИИ) впоследствии будет не генерация идей, а генерация целей, генерация актов воли.

Что будет представлять собой это новоэтрагуманитарное общество, оснащенное высокоинтеллектуальной техникой и технологиями? Какие опасности оно будет видеть перед собой, и насколько опасным видится нам подобный путь сейчас? Это комплекс новых вопросов, еще не получивших своей проработки.

Конечно же, здесь имеет место опасение развития систем ИИ до такого уровня сложности и автономии, который может быть интерпретирован как возникновение полной независимости ИИ, наличия самостной его воли, проявления атрибутов наблюдателя, особенно при сбоях «базовой программы». За этим обязательно последует опасение, связанное с возможностью полного свержения человека с активной позиции принятия решений, а в пределе даже его физического устранения. Эти вопросы и угрозы ИИ не лишены смысла и значения, но сегодня это, безусловно, лишь умозрительная ситуация.

Человеческая независимость в принятии решений на текущем этапе не просто не находится под угрозой со стороны современных средств ИИ, а даже наоборот, скорее требует своей логической коррекции для устранения нелепых, алогичных и жизненно вред-

ных решений. На текущем этапе ИИ является мощным инструментом для выработки и подготовки решений, вся логика которых, безусловно, запрограммирована человеком (где правильно, а где и с фатальными ошибками). Однако принципиальную возможность возникновения «самостного» сильного ИИ, меняющего собственные базовые цели, опровергать нельзя, поэтому обществу стоит уделять больше внимания этому вопросу и его своевременной проработке, включая постоянное обновление-программирование защитных механизмов. Это, конечно, технолого-социальная проблематика дня послезавтрашнего, сегодня перед нами стоят более скромные и более близкие к нам вопросы текущей жизни, требующие интенсивного введения средств ИИ во все сферы современной деятельности.

Искусственный интеллект как новая научная революция

Ключевым драйвером трансформации общества к формации 5.0 (*Society 5.0*, или *Super Smart Society*) является развитие машинного обучения и ИИ. Отправной точкой ИИ можно считать различные события в истории науки: от сочинений Рене Декарта и Томаса Гоббса в XVII веке, работ Паскаля и Лейбница, до семинара в Дартмут-колледже в 1955 году, организованного Джоном МакКарти, Марвином Мински, Натаниэлем Рочестером и Клодом Шенноном [McCarthy et al. 2006], на котором был предложен термин «искусственный интеллект». Не менее интересно проследить историю ИИ по теоретической базе, лежащей в его основе, а именно по истории теорем, на которых основан современный взлет ИИ как методологии глубокого машинного обучения и нейронных сетей.

Эта история начинается с 13-й проблемы Гильберта, сформулированной в 1900 году [Hilbert 1902]. Она касается представимости функций нескольких переменных, в частности, решения уравнения седьмой степени как функции от коэффициентов в виде суперпозиции нескольких функций двух переменных. Для случая непрерывных функций задача была решена В.И. Арнольдом совместно с А.Н. Колмогоровым в виде теоремы о представлении, в которой было показано, что любую непрерывную функцию многих переменных можно представить с помощью операции суперпозиции (сложения) функций двух переменных [Арнольд 1957; Колмогоров 1957]. Интересно отметить, что в 2019 году ряд математиков обозначил 13-ю проблему Гильберта как нерешенную,

подразумевая, что в постановке Гильберта имелись в виду алгебраические, а не непрерывные функции [Farb, Wolfson 2019]. Тем не менее теорема о представлении легла в основу универсальной теоремы об аппроксимации Дж. Цыбенко, фактически утверждающей, что нейронная сеть прямого распространения с одним скрытым слоем может аппроксимировать произвольную непрерывную функцию с любой заданной точностью [Cybenko 1989].

Универсальная теорема об аппроксимации заложила основу для очередного взлета интереса к ИИ в 90-х годах прошлого века. Всего выделяют шесть этапов развития ИИ и интереса к этой области². В настоящее время мы находимся на вершине шестого, самого значительного взлета ИИ, связанного с парадигмой больших данных и глубокого обучения. Основа этого взлета была заложена в работе Яна ЛеКуна, в которой в 1998 году была предложена концепция сверточных нейронных сетей (СНС) [LeCun et al. 1998]. Однако только в 2012 году группа ученых под руководством Дж. Хинтона смогла на основе концепции СНС получить архитектуру нейронной сети *AlexNet*, первой глубокой нейронной сети, с большим отрывом обошедшей другие методы в решении задачи классификации изображений [Krizhevsky, Sutskever, Hinton 2012]. Такой отрыв стал возможен не только за счет переосмысления многих проблемных моментов классических нейронных сетей (многослойных перцептронов) – так, например, была предложена новая функция активации, – но и за счет крайне удачного использования векторной архитектуры графических процессоров, без вычислительных мощностей которых было бы невозможно решить задачу обучения глубоких нейросетевых архитектур за разумное время.

Появление в 2012 году глубокого обучения привело к бурному развитию всей сферы ИИ. На сегодня нет ни одной прикладной области, в которой не применялся бы успешно этот подход. Это распознавание и анализ изображений, анализ медицинских изображений и данных, анализ и синтез текстов, и даже такие, казалось бы, сугубо теоретические сферы, как, например, гидродинамика или топология. Так, нейросетевая модель лаборатории *DeepMind* [Davies et al. 2021] позволяет выполнять сложные математические доказательства, предвосхищая интуицию математика-человека,

² Искусственный интеллект: между мифом и реальностью // Курьер ЮНЕСКО. 2018. № 3. – URL: <https://ru.unesco.org/courier/2018-3/iskusstvennyu-intellekt-mezhdu-mifom-i-realnostyu>

подтверждая полемический тезис В.И. Арнольда об экспериментальной природе математики [Арнольд 2018]. Научная сфера, связанная с ИИ, является наиболее бурно растущей за последние годы. Это можно проследить по индексу *CiteScore* – индексу цитирования в международной системе *Scopus* конференции *IEEE Computer Vision and Pattern Recognition (CVPR)* – ведущей международной конференции в этой сфере. Этот индекс вырос с 3,3 в 2011 году до 14,7 в 2015 и 36,3 в 2019, показав более чем десятикратный рост за 8 лет.

Несмотря на то, что в последние пару лет рост интереса к ИИ немного замедлился, поскольку происходит переосмысление связанных с ним проблем, сквозные технологии на основе ИИ не только проникли в нашу повседневную жизнь, но и существенным образом поменяли научную парадигму. В этой связи многие исследователи говорят о смене научной парадигмы в смысле Томаса Куна и его фундаментальной работы «Структура научных революций» [Zhu et al. 2020]. Более того, сама парадигма глубокого обучения, лежащая в основе ИИ, трансформируется от СНС к трансформерным архитектурам. Эти архитектуры позволяют обработать принципиально больший объем информации, чем «обычные» СНС, и существенно увеличить объем обучаемых параметров модели – с полутора сотен миллионов для СНС до 175 млрд для текстово-визуального трансформера *DALL E*. Такие архитектуры позволяют решать универсальные задачи, в том числе мультимодального ИИ, и говорить о возможном приближении универсального или сильного ИИ [Butz 2021].

От информационного общества к интеллектуальному

Человек не приспосабливается к окружающей среде так, как это делает биологическая жизнь. В модели Макса Тегмарка [Тегмарк 2019] человек относится к жизни второго порядка и, очевидно, стремится за счет техники превратить ее в жизнь третьего порядка, научившись реконструировать собственный физический субстрат. Создав за последние полтора века машины по переработке сначала энергии, затем информации, человечество в наши дни живет в условиях четвертой промышленной революции, одним из основных признаков и прорывной технологией которой является ИИ. Сейчас мы находимся в информационном обществе, иногда говорят еще об обществе постиндустриальном [Сойфер 2021].

Развитие индустрии всегда влияло на уклад общества. Если посмотреть на эволюцию общества, то оно менялось вместе с промышленными революциями, и это сопровождалось изменением степени влияния человека на происходящие события. В период общества охотников и собирателей, безусловно, были локальные личные конфликты, но уже после первой промышленной революции, когда появилась механизация и стали использоваться вода и пар для производства энергии, возникли проблемы: человек бунтовал против того, чтобы у него отнимали работу и заменяли его машиной. Вспомним, например, восстания луддитов в Англии, которые ломали ткацкие и чулочные станки, вытеснявшие из производства опытных ткачей и вязальщиц. Что касается второй промышленной революции, когда выделилась электрическая энергия и появился электрический двигатель, а затем конвейер, то ее социальные проблемы хорошо отражает фильм Чарли Чаплина «Новые времена» 1936 года. В нем показано, как человек становится простым винтиком, шестеренкой в огромной механической системе, придатком машины; в сущности, в нем не остается ничего человеческого. Еще более жестким в 1949 году предстает информационное общество, предсказанное Джорджем Оруэллом в его романе-антиутопии «1984»: в нем появляется «большой брат», который все время наблюдает за гражданином и за всеми его действиями.

Находясь в информационном пространстве, мы, конечно, активно общаемся, но проблема в том, что мы не всегда можем доподлинно знать, с кем вступаем в коммуникацию: с человеком или с роботом, не выступает ли собеседник под видом другого человека. И в этом смысле мы оказываемся заложниками ситуации растворения личности человека в информационной кислоте. Сейчас началась и активно идет четвертая промышленная революция, или индустрия 4.0 (*Industry 4.0*), ее прорывные технологии известны: это ИИ, робототехника, квантовые технологии, сенсорика и целый ряд других сквозных технологий (см.: [Головастикова, Дорожкин, Сойфер 2021]). Видение будущего, создаваемого четвертой промышленной революцией, представлено у писателей-фантастов – Уильяма Гибсона, Брюса Стерлинга, Дэна Симмонса и уже упомянутого Нила Стивенсона. На фоне невероятного прогресса технологий ИИ это видение передает самые сильные антропологические и социальные опасения.

Возникает вопрос: что будет дальше? Будет ли дальше идти спад и растворение личности в технологиях или начнется все-таки

какой-то другой процесс, в котором человеческий фактор будет основным двигателем прогресса? Здесь, конечно, можно спорить, но мы считаем, что роль человека в условиях нового общества, которое возникнет после информационного, будет возрастать.

Каковы технологические основы нового уклада общества 5.0? Если индустрия 4.0 была ознаменована автоматизацией физических процессов, то новый уклад общества 5.0 в первую очередь ориентирован на автоматизацию процессов мышления людей и сотрудничество людей и интеллектуальных систем. Базовыми технологиями развития общества 5.0 являются:

- автономные вещи: беспилотные автомобили, умная бытовая техника и дроны, программные агенты – основные тренды 2019 года (см.: [Panetta 2018]);

- базы знаний для цифровизации предметных областей в виде семантических сетей (против обычных электронных документов);

- интеллектуальные системы, обеспечивающие поддержку принятия решений и сами принимающие решения по ситуации;

- киберфизические системы на основе «цифровых двойников» людей и вещей;

- цифровые платформы и открытые эко-системы умных сервисов;

- интеллект «здорового смысла» и Интернет агентов людей, вещей, документов, энергии («всего») и некоторые другие.

Беспилотные автомобили, программные агенты, цифровизация предметных областей не в виде электронных документов, а в виде семантических графов, сетей – это то, что сейчас является предметом активного обсуждения. Много внимания уделяется развитию интеллектуальных систем, обеспечивающих поддержку решений, принимающих решения в некоторых ситуациях, как, скажем, в случае с беспилотными автомобилями, которые, несмотря на то, что находятся в стадии апробации, уже вызывают большую волну протеста. Это и умные сервисы, интеллект здорового смысла. Конечно, ИИ прекрасен, он позволяет решать задачи логистики, оптимизировать определенные финансовые операции, делать многие другие вещи, но он иногда и не делает того, что легко делает даже ребенок. Известен тест, когда человек говорит: «Я бросаю в хворост спичку». ИИ, глубоко обученная нейронная сеть отвечает алогично вместо того, чтобы ответить, что появляется огонь. Быть может, проблема здорового смысла, который присущ всякому разумному человеку, но отсутствует

в системах ИИ, и есть та основная проблема, которой нужно заниматься сейчас, чтобы ИИ стал союзником во всех действиях, производимых человеком.

О том, каким могло бы быть будущее общество, говорят очень много. Следует обратить внимание на распространенную в Японии концепцию общества 5.0 [Уэмура 2017; Salgues 2018] и работы профессора Агеева [Агеев 2021], возглавляющего Институт экономических стратегий РАН. Они описывают ключевые параметры общества, которое должно возникнуть после информационного общества. Выделяется шесть признаков общества 5.0: равенство цифрового и реального мира, возможность создания своего комбинированного мира для каждого члена общества, снижение зависимости человека от человека, превалирование цифровых коллабораций над реальными, уменьшение весовой доли человека в структуре себестоимости при производстве материальных благ при увеличении аналогичной доли в создании объектов интеллектуальной собственности, существенное возрастание количества компетенций у каждого отдельного члена общества при сокращении цикла жизни каждой компетенции в целом. К ключевым параметрам также относят пять вызовов для общества 5.0: законодательные барьеры, бюрократическая инертность и сопротивление, технологическая отсталость (неготовность), недостаток квалифицированных кадров, неприятие обществом перемен; четыре слагаемых для общества 5.0: «умное» законодательство, «умная» бюрократия, «умные» технологии, «умное» общество; три результата построения общества 5.0: улучшение качества жизни членов общества, увеличение продолжительности жизни членов общества, повышение конкурентоспособности и устойчивости общества в целом.

Это общество, которое может показаться идеализированным. Важно, с одной стороны, компетенции каждого члена общества возрастают, но, с другой стороны, они очень быстро устаревают. О чем это говорит? О том, что человек должен постоянно совершенствоваться: если раньше мы, окончив университет, получали образование на всю жизнь, то сейчас один из самых важных компонентов нового цифрового уклада общества – непрерывное образование, или «образование через всю жизнь». Можно полагать, что общество, которое возникнет после информационного, будет суперинтеллектуальным, обществом творцов, акторов, т.е. людей, которые активно действуют и ведут за собой других. Если сейчас автоматизация касается в основном киберфизических систем

управления, аддитивных и других технологических методов производства, то благодаря ИИ эти цифровые технологии позволят в будущем человеку лучше раскрываться, самореализовываться, повышать продуктивность и эффективность собственной творческой деятельности.

Иными словами, концепция общества 5.0 – это взаимодействие цифровых технологий и человека с целью его полного личностного раскрытия и самореализации. К основным характерным чертам парадигмы общества 5.0 относят:

- изучение процессов принятия решений активными личностями – акторами, способными к творческому познанию и созиданию;

- развитие систем ИИ на основе поддержки деятельности акторов, раскрытие талантов и полноценное использование знаний и умений людей;

- коммуникация – как движущая сила прогресса – управляется потребностями и возможностями актора и обеспечивается средствами ИИ;

- развитие моделей и методов выявления и разрешения конфликтов на основе систем ИИ для достижения консенсуса участников («баланса интересов»).

В концепции общества 5.0 в центре внимания находится человек как личность и основной источник производимых благ. При этом человек не занят непосредственным производством материальных благ, но создает новые идеи и таким образом является движущей силой прогресса.

Заключение

Наиболее существенные опасения технофобии связаны с тем, что в результате НТП исчезают рабочие места, а личность растворяется в бездушной машинерии. Однако мы видели в истории, видим это и сейчас, что техническое развитие создает новые рабочие места, а высвобожденные ресурсы личного времени человека направляются на освоение новых сред жизнедеятельности, новых компетенций, создают новые возможности. Существенной проблемой общественной жизни, обостряющейся вследствие технического развития, является запаздывание социальной мысли на фоне научно-технической, отсутствие широкой дискуссии по вопросам общественного развития, в целом технико-гуманитарный дисбаланс. Обсуждение в контексте НТР концепции общества 5.0, или обще-

ства творцов, в социо-гуманитарных сообществах и философских дискуссиях, способно не только улучшить общее понимание этой проблемы, но и существенно приблизить нас к ее решению.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Агеев 2021 – *Агеев А.И.* Ойкумена искусственного // Экономические стратегии. 2021. Т. 3. № 4 (178). С. 1–5.

Арнольд 1957 – *Арнольд В.И.* О функции трех переменных // Доклады Академии наук СССР. 1957. Т. 114. № 4. С. 679–681.

Арнольд 2018 – *Арнольд В.И.* Экспериментальная математика. – М.: МЦНМО, 2018.

Головастиков, Дорожкин, Сойфер 2021 – *Головастиков Н.В., Дорожкин П.С., Сойфер В.А.* Интеллектуальные технические системы на основе фотоники // Онтология проектирования. 2021. Т. 11. № 4. С. 422–436.

Дессауэр 2017 – *Дессауэр Ф.* Спор о технике. – Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2017.

Дубровский 1994 – *Дубровский Д.И.* Взаимозависимость знания и незнания // *Дубровский Д.И.* Обман: философско-психологический анализ. – М.: РЭИ, 1994. С. 85–98.

Колмогоров 1957 – *Колмогоров А.Н.* О представлении непрерывных функций нескольких переменных в виде суперпозиций непрерывных функций одного переменного и сложения // Доклады Академии наук СССР. 1957. Т. 114. № 5. С. 953–956.

Кондратьев 2020 – *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Академический проект, 2020.

Лем 2004 – *Лем С.* Сумма технологии. – М.: АСТ, 2004.

Назаретян 2015 – *Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. – М.: Аргмак-Медиа, 2015.

Рополь 1989 – *Рополь Г.* Является ли техника философской проблемой? // Философия техники в ФРГ / сост. и пер. с нем. и англ. Ц.Г. Арзаканяна, В.Г. Горохова. – М.: Прогресс, 1989. С. 191–202.

Сойфер 2021 – *Сойфер В.А.* Human factor // Онтология проектирования. 2021. Т. 11. № 1. С. 8–19.

Тегмарк 2019 – *Тегмарк М.* Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху ИИ. – М.: АСТ, CORPUS, 2019.

Уэмура 2017 – *Уэмура Н.* Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 122–131.

Энгельмейер 2010 – *Энгельмейер П.К.* Теория творчества. – М.: Либроком, 2010.

Butz 2021 – *Butz M.V.* Towards Strong AI // *Künstliche Intelligenz*. 2021. Vol. 35. P. 91–101.

Cybenko 1989 – *Cybenko G.* Approximation by Superpositions of a Sigmoidal Function // *Mathematics of Control, Signals, and Systems*. 1989. Vol. 2. No. 4. P. 303–314.

Davies et al. 2021 – *Davies A., Veličković P., Buesing L., Blackwell S., Zheng D., Tomašev N., Tanburn R., Battaglia P., Blundell C., Juhasz A., Lackenby M., Williamson G., Hassabis D., Kohli P.* Advancing Mathematics by Guiding Human Intuition with AI // *Nature*. 2021. Vol. 600. No. 7887. P. 70–74.

D’Espagnat 1989 – *D’Espagnat B.* Reality and the Physicist: Knowledge, Duration and the Quantum World. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1989.

Dessauer 1948 – *Dessauer F.* Mensch und Kosmos. – Olten: Otto Walter Verlag, 1948.

Eyth 1924 – *Eyth M.* Lebendige Kraefte. Sieben Vortraege aus dem Gebiete der Technik. – Berlin: Springer, 1924.

Farb, Wolfson 2019 – *Farb B., Wolfson J.* Resolvent Degree, Hilbert’s 13th Problem and Geometry // *L’Enseignement Mathématique*. 2019. Vol. 65. No. 3–4. P. 303–376.

Hilbert 1902 – *Hilbert D.* Mathematical Problems // *Bulletin of the American Mathematical Society*. 1902. Vol. 8. P. 461–462.

Krizhevsky, Sutskever, Hinton 2012 – *Krizhevsky A., Sutskever I., Hinton G.* ImageNet Classification with Deep Convolutional Neural Networks // *Advances in Neural Information Processing Systems*. 2012. Vol. 25. No. 2. P. 1097–1105.

LeCun et al. 1998 – *LeCun Y., Bottou L., Bengio Y., Haffner P.* Gradient-Based Learning Applied to Document Recognition // *Proceedings of the IEEE*. 1998. Vol. 86. No. 11. P. 2278–2324.

McCarthy et al. 2006 – *McCarthy J., Minsky M.L., Rochester N., Shannon C.E.* A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955 // *AI Magazine*. 2006. Vol. 27. No. 4. P. 12–14.

Nesterov 2021 – *Nesterov A.Y.* Clarification of the Concept of Progress Through the Semiotics of Technology // *Knowledge in the Information Society (Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 184)* / ed. by D. Bylieva, A. Nordmann, O. Shipunova, V. Volkova. – Cham: Springer, 2021. P. 3–11.

Panetta 2018 – *Panetta K.* Gartner Top 10 Strategic Technology Trends for 2019 // *Gartner*. 2018. October 15. – URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/gartner-top-10-strategic-technology-trends-for-2019>

Popper 1972 – *Popper K.R.* Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. – Oxford, UK: Oxford University Press, 1972.

Salgues 2018 – *Salgues B.* Society 5.0: Industry of the Future, Technologies, Methods and Tools. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2018.

Schwab 2017 – *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. – New York: Penguin Random House, 2017.

Stephenson 1992 – *Stephenson N.* Snow Crash. – New York: Bantam Spectra, 1992.

Wisotzki et al. 2018 – *Wisotzki L., Bacon R., Brinchmann J., Cantalupo S., Richter P., Schaye J., Schmidt K.B., Urrutia T., Weilbacher P.M., Akhlaghi M., Bouché N.* Nearly All the Sky is Covered by Lyman- α Emission Around High-Redshift Galaxies // *Nature*. 2018. Vol. 562. No. 7726. P. 229–232.

Zhu et al. 2020 – *Zhu Y., Gao T., Fan L., Huang S., Edmonds M., Liu H., Gao F., Zhang C., Qi S., Wu Y.N., Tenenbaum J.B., Zhu S.C.* Dark, Beyond

Deep: a Paradigm Shift to Cognitive AI with Humanlike Common Sense // Engineering. 2020. Vol. 6. No. 3. P. 310–345.

Zuckerberg 2021 – Zuckerberg M. Mark Zuckerberg on Why Facebook is Rebranding to Meta // The Verge. 2021. October 28. – URL: <https://www.theverge.com/22749919/mark-zuckerberg-facebook-meta-company-rebrand>

REFERENCES

Ageev A.I. (2021) The Ecumene of Artificial. *Economicheskije strategii*. Vol. 3, no. 4, pp. 1–5 (in Russian).

Arnold V.I. (1957) On Functions of Three Variables. *Doklady Akademii Nauk SSSR*. Vol. 114, no. 4, pp. 679–681 (in Russian).

Arnold V.I. (2018) *Experimental Mathematics*. Moscow: Moscow Center for Continuous Mathematical Education (in Russian).

Butz M.V. (2021) Towards Strong AI. *Künstliche Intelligenz*. Vol. 35, pp. 91–101.

Cybenko G. (1989) Approximation by Superpositions of a Sigmoidal Function. *Mathematics of Control, Signals, and Systems*. Vol. 2, no. 4, pp. 303–314.

Davies A., Veličković P., Buesing L., Blackwell S., Zheng D., Tomašev N., Tanburn R., Battaglia P., Blundell C., Juhasz A., Lackenby M., Williamson G., Hassabis D. & Kohli P. (2021) Advancing Mathematics by Guiding Human Intuition with AI. *Nature*. Vol. 600, no. 7887, pp. 70–74.

D’Espagnat B. (1989) *Reality and the Physicist: Knowledge, Duration and the Quantum World*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Dessauer F. (1948) *Mensch und Kosmos*. Olten: Otto Walter Verlag (in German).

Dessauer F. (1956) *Streit um die Technik*. Frankfurt am Main: Joseph Knecht (Russian translation: Samara: Samara Academy of Humanities, 2017).

Dubrovsky D.I. (1994) Interdependence of Knowledge and Ignorance. In: Dubrovsky D.I. *Deception: Philosophical and Psychological Analysis* (pp. 85–98). Moscow: REY (in Russian).

Engelmeyer P.K. (2010) *Theory of Creativity*. Moscow: Librokom (in Russian).

Eyth M. (1924) *Lebendige Kraefte. Sieben Vortraege aus dem Gebiete der Technik*. Berlin: Springer.

Golovastikov N.V., Dorozhkin S.P., & Soifer V.A. (2021) Intelligent Systems Based on Photonics. *Ontologiya proyektirovaniya*. Vol. 11, no. 4, pp. 422–436 (in Russian).

Farb B. & Wolfson J. (2019) Resolvent Degree, Hilbert’s 13th Problem and Geometry. *L’Enseignement Mathématique*. Vol. 65, no. 3–4, pp. 303–376.

Hilbert D. (1902) Mathematical Problems. *Bulletin of the American Mathematical Society*. Vol. 8, pp. 461–462.

Kolmogorov A.N. (1957) On the Representation of Continuous Functions of Many Variables by Superpositions of Continuous Functions of One Variable and Addition. *Doklady Akademii Nauk SSSR*. Vol. 114, no. 5, pp. 953–956.

Kondratiev N.D. (2020) *Big Cycles of Business and the Theory of Foresight: Selected Works*. Moscow: Akademicheskij projekt (in Russian).

Krizhevsky A., Sutskever I., & Hinton G. (2012) ImageNet Classification with Deep Convolutional Neural Networks. *Advances in Neural Information Processing Systems*. Vol. 25, no. 2, pp. 1097–1105.

LeCun Y., Bottou L., Bengio Y., & Haffner P. (1998) Gradient-Based Learning Applied to Document Recognition. *Proceedings of the IEEE*. Vol. 86, no. 11, pp. 2278–2324.

Lem S. (2004) *Summa Technologiae*. Moscow: AST (Russian translation).

McCarthy J., Minsky M.L., Rochester N., & Shannon C.E. (2006) A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955. *AI Magazine*. Vol. 27, no. 4, pp. 12–14.

Nazaretyan A.P. (2015) *Nonlinear Future. Megahistory, Synergetics, Cultural Anthropology and Psychology in Global Forecasting*. Moscow: Argamak-Media (in Russian).

Nesterov A.Y. (2021) Clarification of the Concept of Progress Through the Semiotics of Technology. In: Bylieva D., Nordmann A., Shipunova O., & Volkova V. (Eds.) *Knowledge in the Information Society* (pp. 3–11). Cham: Springer.

Panetta K. (2018) Gartner Top 10 Strategic Technology Trends for 2019. *Gartner*. Retrieved from <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/gartner-top-10-strategic-technology-trends-for-2019>

Popper K.R. (1972) *Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Ropohl G. (1989) Is Technology a Philosophical Problem? In: Arzakanian Ts.G. & Gorokhov V.G. (Comps.) *Philosophy of Technology in Germany* (pp. 191–202). Moscow: Progress (Russian translation).

Salgues B. (2018) *Society 5.0: Industry of the Future, Technologies, Methods and Tools*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

Schwab K. (2017) *The Fourth Industrial Revolutio*. New York: Penguin Random House.

Soifer V.A. (2021) Human Factor. *Ontologiya proyektirovaniya*. Vol. 11, no. 1, pp. 8–19 (in Russian).

Stephenson N. (1992) *Snow Crash*. New York: Bantam Spectra.

Tegmark M. (2017) *Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence*. New York: Knopf (Russian translation: Moscow: AST, CORPUS, 2019).

Uemura N. (2017) Society 5.0: A Vision of Mitsubishi Electric. *Ekonomicheskie strategii*. No. 4, pp. 122–131.

Wisotzki L., Bacon R., Brinchmann J., Cantalupo S., Richter P., Schaye J., Schmidt K.B., Urrutia T., Weilbacher P.M., Akhlaghi M., & Bouché N. (2018) Nearly All the Sky is Covered by Lyman- α Emission Around High-Redshift Galaxies. *Nature*. Vol. 562, no. 7726, pp. 229–232.

Zhu Y., Gao T., Fan L., Huang S., Edmonds M., Liu H., Gao F., Zhang C., Qi S., Wu Y.N., Tenenbaum J.B., & Zhu S.C. (2020) Dark, Beyond Deep: a Paradigm Shift to Cognitive AI with Humanlike Common Sense. *Engineering*. Vol. 6, no. 3, pp. 310–345.

Zuckerberg M. (2021) Mark Zuckerberg on Why Facebook is Rebranding to Meta. *The Verge*. Retrieved from <https://www.theverge.com/22749919/mark-zuckerberg-facebook-meta-company-rebrand>

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТ УРА В КОНТ ЕКСТ Е ВР ЕМЕНИ

Философская Самара
в исторической динамике

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-33-66

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Проблема соотношения онтологии и теории познания в трудах самарских философов позднего советского периода

А.Н. Огнев

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается проблема соотношения онтологии и теории познания в трудах самарских философов позднего советского периода. Целью исследования является выявление локальной специфики самарской философской мысли в раскрытии системообразующей значимости проблемы условного единства бытия и мышления на уровне дистинктивного разграничения онтологических предпосылок и гносеологических перспектив методологической рефлексии в научном познании. Задачи исследования: 1) установить характерные признаки взглядов самарских философов на общеметодологическое значение проблемы соотношения онтологии и теории познания, 2) продемонстрировать методологическую востребованность теоретических установок в контексте философии науки, 3) обосновать применимость последних в режиме деятельностного подхода к социальной рецепции результатов. В ходе исследования применяются метод дистинкций, сформированный в онтогносеологии М.А. Лифшица, методы функционального анализа, диахронической реконструкции и нормирования мировоззренческой легитимации частнопредметного теоретического формата. Показывается локальная специфика самарской философии эпохи развитого социализма. Предлагается анализ программы оптимизации научного познания на основе борисовско-духанинской методологии, привязанной к материалистическому решению основного вопроса философии (ОВФ). Исследуется значение теории стиля научного мышления, предложенной В.Т. Салосиным. Выявлены мето-

дологические основания и уровни рецепции социально-философской концепции М.С. Кветного. Делаются выводы о продуктивности самарского прецедента взаимодействия мировоззренческого и методологического аспектов в философии. Специфика решения самарскими философами проблемы единства бытия и мышления на основе марксистского понимания ОВФ заключается в том, что она рассматривается как методологическая проблема достижения логической непротиворечивости для выражения баланса между онтологическими предпосылками и теоретико-познавательными перспективами.

Ключевые слова: методология, гносеология, логика, бытие, мышление, философия науки, марксизм, философская рефлексия.

Огнев Александр Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.
ognev.ssau@mail.ru

Для цитирования: *Огнев А.Н.* Проблема соотношения онтологии и теории познания в трудах самарских философов позднего советского периода // *Философские науки.* 2022. Т. 65. № 2. С. 33–66.
DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-33-66

The Problem of the Relationship between Ontology and Theory of Knowledge in the Works of Samara Philosophers of the Late Soviet Period

A.N. Ognev

Samara National Research University, Samara, Russia

Abstract

The article discusses the issue of the relationship between ontology and theory of knowledge in the works of Samara philosophers of the late Soviet period. The purpose of the study is to identify the local specifics of Samara philosophical thought by revealing the system-forming significance of the problem of the conditional unity of being and thinking at the level of a distinctive separation between ontological premises and epistemological prospects of methodological reflection in scientific knowledge. The objectives of the article are (1) to establish the characteristic features of the views of Samara philosophers on the general methodological significance of the problem of the relationship between ontology and the theory of knowledge, (2) to demonstrate the methodological relevance of their theoretical principles in the context of the philosophy of science, (3) to substantiate the applicability of the latter for the activity approach to the social interpretation

of theoretical results. In the course of the study, the author uses the method of distinctions, formed in onto-epistemology by M.A. Lifshitz, methods of functional analysis, diachronic reconstruction and rationing of the worldview legitimation of a particular subject theoretical entity. Thus, the article reveals the local specificity of the Samara philosophy of the era of developed socialism. The author analyzes the program for optimizing scientific knowledge based on the Borisov–Dukhanin methodology, tied to the materialistic solution of the “main question of philosophy” (i.e., the issue of the relationship of the being and consciousness). The article pays attention to the theory of the style of scientific thinking, proposed by V.T. Salosin, to the methodological foundations and reception of the socio-philosophical theory of M.S. Kvetnoy. The author examines the productivity of the Samara precedent of the interaction of worldview and methodological aspects in philosophy. The article concludes that the specificity of the Samara philosophers’ solution of the problem of the unity of being and thinking on the basis of the Marxist understanding of the the main question of philosophy lies in the fact that it is considered as a methodological problem of achieving logical consistency to express the balance between ontological premises and epistemological perspectives.

Keywords: methodology, epistemology, logic, being, thinking, philosophy of science, Marxism, philosophical reflection.

Alexander N. Ognev – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University.
ognev.ssau@mail.ru

For citation: Ognev A.N. (2022) The Problem of the Relationship between Ontology and Theory of Knowledge in the Works of Samara Philosophers of the Late Soviet Period. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 2, pp. 33–66.
DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-33-66

Введение

Темой настоящего исследования является соотношение онтологии и теории познания в трудах самарских философов позднего советского периода в ключе дисциплинарного консенсуса двух названных дисциплин, обеспечивающих системное единство философского знания в качестве общеметодологического фундамента, легитимирующего по меркам марксистских мировоззренческих установок нормативную базу частнопредметного знания. Проблема соотношения онтологии и теории познания выступала в философии диалектического и исторического материализма необходимым системным королларием принятого в марксизме

решения основного вопроса философии (ОВФ), что гарантировало ей центральный контекстообразующий статус. Тематическое решение ОВФ образовывало в советской философии идеологический форматив с целым комплексом инвариантных признаков, однако их реальное исполнение в материале теоретических программ допускало определенную вариабельность в диапазоне от догматического официоза до сциентистских адаптаций и дискурса критического марксизма. Перевод ОВФ в плоскость дисциплинарного опосредствования онтологии и теории познания представлял собой первый робкий, но очень важный шаг в освобождении советской философской мысли от гнета идеологической цензуры. Он был совершен в самарской философии позднего советского периода целой плеядой представителей тогдашней академической традиции, сформировавшейся в высших учебных заведениях города Куйбышева. Актуальность исследования самой этой темы обусловлена как необходимостью выяснения региональной специфики в развитии отечественной философии советского периода, так и прямым и косвенным влиянием этих мыслителей на формирование интеллектуального контекста в традиции самарского философского сообщества. Говоря о степени разработанности проблемы, следует отметить тот факт, что в отечественной и зарубежной литературе большое внимание уделяется теоретической специфике нескольких общесоветских философских дискуссий, тогда как их методологические последствия и характер локальной рецепции пребывают в доксографической тени.

Цель исследования соотношения онтологического и гносеологического аспектов в методологическом наследии самарских философов состоит в раскрытии релевантной системообразующей значимости проблемы условного единства бытия и мышления на уровне дистинктивного разграничения онтологических предпосылок и гносеологических перспектив методологической рефлексии в научном познании, на основе чего выявляется локальная специфика самарской философской мысли. Такое видение цели определяет характер задач, значимых с точки зрения логики развертывания материала: 1) установить характерные признаки взглядов самарских философов на общеметодологическое значение проблемы соотношения онтологии и теории познания, 2) продемонстрировать методологическую востребованность теоретических установок в контексте философии науки, 3) обосновать применимость последних в режиме деятельностного под-

хода к социальной рецепции результатов. Решение поставленных задач требует дифференциации методов, задействованных в ходе контекстуальной реконструкции. Если системное ядро составляет метод дистинкций, сформированный в онтогносеологии М.А. Лифшица, то поле исторической компарации требует методов функционального анализа, диахронической реконструкции и нормирования мировоззренческой легитимации частнопредметного теоретического формата.

Тезис о единстве онтологии, логики и теории познания представлял собой основополагающий постулат советской версии догматического марксизма, посредством которого утверждался мировоззренческий статус материалистического решения ОВФ. По своему буквальному пониманию это требование было неисполнимым, будучи лишенным теоретического смысла, поскольку невозможно отождествить дисциплинарно онтологию и теорию познания, коль скоро бытие и мышление пребывают в состоянии системного антагонизма, а логика представляет собой только часть гносеологического комплекса, которая не может фигурировать в качестве самостоятельной системообразующей единицы, соизмеримой по своей значимости с двумя первыми дисциплинарными образованиями. Советский идеологический официоз трактовал при этом логику не формально-аналитически, а как материалистическую диалектику, составляющую методологический фундамент диалектического и исторического материализма, сообразно догматике ленинской «теории отражения». Предполагалось, что это удвоение логики гарантирует закрепление материалистического решения ОВФ в универсальном мировоззренческом статусе, делегируя позитивному знанию адаптивный узус аналитики в режиме формализации конкретного материала, посредством чего достижения частных наук подтверждали заранее известный методологически правильный результат. Такого рода трансцендентальная подтасовка допускала известную «свободу» частных наук в плане выбора метода решения своих внутренних задач, требуя от них унификации результатов в идеологически-корректной форме. Подобная институциональная структура обеспечивала идеологическое присвоение результатов познавательных процессов в различных областях научного знания в режиме методологического администрирования со стороны марксистской догматики. Этот порядок регламентации интеллектуальной деятельности обеспечивал марксизму статус диалекта

господствующего сознания. От философии требовалось только аксиоматизировать его теоретическую идиоматику, чем сама философия легитимировалась в виде рефлексии *sui generis*, отражающей меру соответствия теоретических обобщений уровню развитости наличных общественных отношений.

Кардинальный мировоззренческий цинизм этой схемы отнюдь не был очевиден для статистов историко-философского процесса, воспроизводивших ритуализмы идеологической мистерии, но лучшие марксистские умы того времени, сознававшие истинное «существо дела» (*die Sache Selbst*), предпочитали трактовать сложившееся положение в духе гегелевской «хитрости Разума» (*List der Vernunft*). Это вполне соответствовало марксистскому представлению об «иронии истории», согласно которому все великие мировые события подчинены фатуму парных случаев. Советская философия по этому фабульному конструкту была обречена состояться в качестве фарсовой фазы исполнения гегелевской диалектики. Это хорошо понимал основоположник «полемиического марксизма» М.А. Лифшиц, видевший в догматизации принципа «теории отражения» эвристический прием, соответствующий требованиям времени. Исходя из нормативного смысла принципа конкретного историзма, образующего реалистическую презумпцию философской рефлексии, М.А. Лифшиц считал исторически оправданным и неизбежным говорить о действительности на диалекте господствующего в ней сознания. В этих целях им в рамках онтогносеологии была разработана особая «теория дистинкций», в соответствии с которой «бытие и мышление тождественны не в бытии, не фактически, а в логике, в разумном содержании того и другого, в бытии же они различны и грань между ними есть» [Лифшиц 2010, 20]. Это позволяло позиционировать логику как метод разграничения онтологических предпосылок и гносеологических перспектив, переводя идеологическое решение ОВФ в режим условного единства бытия и мышления, что должно было стать гарантией реализуемости смысла самой марксистской доктрины. Находясь между Сциллой идеологической ортодоксии и Харибдой критического ревизионизма, М.А. Лифшиц учил: «Смысл только не внешний, а внутренний, и он существует. Существование его в том, что все отдельное имеет всеобщее содержание, то есть не является в познании прибавлением безусловно нового, синтезом без априори, а известным сведением, возвращением к первооснове, и чем больше нового, тем яснее этот всеобщий смысл»

[Лифшиц 2004, 427]. В предложенной им онтогносеологической концепции «сведение» сохраняло известную двусмысленность: на мировоззренческом уровне оно представлялось редукцией к догматике ленинской «теории отражения», а в методологическом плане представало в форме рефлексии, субъект которой мыслился таковым в той мере, в какой он не обнаруживал на уровне рефлексивного опосредствования признаков гегелевского «несчастливого сознания». В марксизме исторический оптимизм самого познания вмещался в праведность. Самарская философия позднего советского периода являет собой весьма характерный образец перевода этой установки в понятийную плоскость, где исходные противоречия марксистского формата представляются снятыми в логике понятийного опосредствования (*Vermittlung*) тематической коллизии конфликта между бытием и мышлением в самом материале научного познания.

Борисовско-духанинская программа логической оптимизации соотношения онтологии и гносеологии

В самарской философии позднего советского периода проблема единства онтологии и теории познания нашла свое разрешение в концепции логической оптимизации научной методологии, разработанной В.Н. Борисовым и развитой В.Н. Духаниным. Борисовско-духанинская методология представляет собой вершинное достижение самарской философской мысли. На ее основе сложилась научная школа с особой системой теоретических приоритетов и с характерными стилевыми признаками. В рамках борисовско-духанинской методологии происходило освоение проблемного поля логического позитивизма путем перевода его контекстообразующих коллизий в понятийную идиоматику диалектического материализма. Исходный сциентистский акцент сохранялся, выступая в качестве контекстуальной коннотации, необходимой для включения чужеродных установок в логику марксистского идеологического формата. Наличие самого проблемного комплекса с выраженной сциентистской интенцией воспринималось как необходимый момент в развитии логики научной мысли, который не мог быть отброшен, а нуждался в новом методологическом «освящении» на основании диалектико-материалистической методологии. В советской философии такого рода подход легитимировал П.В. Копнин: «Проблемы вырастают из предшествующих результатов как своеобразное логическое

следствие» [Копнин 1973, 200]. Это взгляд оправдывал переключение внимания с идеологической точки зрения на методологическую объективной логикой развития научного познания, взятого *in abstracto*. Опираясь на авторитет П.В. Копнина, В.Н. Борисов легитимировал логический поворот необходимостью включения самого акта рефлексии в методологию научного познания на правах особого системного момента: «Анализ внутренних форм рефлексии и конституирует проблему рефлексии в качестве особого предмета гносеологического исследования» [Борисов 1983, 10]. При этом онтологический аспект ленинской «теории отражения» не ставился под сомнение, получая свое развертывание в ключе традиционного классического онтологического гилеморфизма: «Логика различает в каждой мысли содержание и логическую форму. Содержание мысли рассматривается как совокупность образующих мысль элементов, материал, из которого она состоит» [Борисов 1976б, 57]. Этот шаг позволяет установить отношение принципиальной координации между принципом материального единства мира и проблемой «элементарной философии» в том ее качестве, в каком она ставилась после И. Канта его продолжателем К.Л. Рейнгольдом, исторически-адаптивной редакцией которой суждено было стать марксистскому ОВФ. Суть этой проблемы, симптоматически тематизируемой в тезисе о непознаваемости кантовской вещи-в-себе, состоит в несоизмеримости единиц бытия и мышления, вследствие чего синтез нового знания на основе взаимно-однозначного соответствия оказывался теоретически-неисполнимым. Появление метафизического призрака «проблемы Рейнгольда» в теоретическом горизонте неизменно становилось источником методологической паники в немецкой классической философии: Ф.В.Й. Шеллинг выставил против него идею взаимообратимости порядков обобщения в натурфилософии и в системе трансцендентального идеализма, а Г.В.Ф. Гегель встал на путь ревитализации теологических рецидивов в ключе жесткого онтологического монизма. В.Н. Борисов в призраков не верил, считая их появление всего лишь побочным продуктом неразвитости научного мышления: «Рассматривая развитие научных теорий, нужно учитывать не только различие эмпирического и теоретического уровней исследования, но также наличие различных логических структур в системе знания и процессов их формирования и функционирования» [Борисов 1977, 5]. Речь идет о разграничении эмпирического и трансцендентального узуса категорий, на чем

в свое время настаивал И. Кант. В.Н. Борисов придает этой дистинкции статус универсального методологического норматива: «Наличие в структуре задачи двух уровней – предметного и рефлексивного – затемняется тем обстоятельством, что формулировка задачи содержит обычно эти уровни в нерасчлененном виде» [Борисов 1986, 146]. Следовательно, наличие слепых пятен в методологии обусловлено отнюдь не реальной метафизической угрозой, а всего лишь несовершенством примененной дидактики.

Важнейшей заслугой В.Н. Борисова стало его обращение к теме категориального знания, требующей анализа его гносеологической природы. Вопрос о том, имеет ли его форматив онтологический эквивалент, был бы равнозначен пробуждению к жизни схоластической проблемы универсалий, а потому в борисовско-духанинской методологии речь идет только о верифицируемых в социуме функциях категориального знания как гаранта общезначимости рецепции результатов познавательного процесса. Проблема онтологического статуса этого гаранта по определению считается разрешенной в рамках диалектико-материалистического ответа на ОВФ. Потому этот момент может быть вынесен за скобки научного исследования, будучи элиминирован в качестве методологически-иррелевантного аспекта. В.Н. Борисов учил, что «философские категории, как нами и отмечалось, формируются не как непосредственное отражение всеобщих сторон действительности, а как обобщение категориального содержания человеческого мышления» [Борисов 1988, 10]. Самарский классик избегает постановки вопроса о реальности опосредствования (*Vermittlung*), поскольку в этом случае порядок рассуждения потребовал бы постановки вопроса о критериях осуществимости «истинной середины» (*die wahre Mitte*), на чем неизменно настаивал М.А. Лифшиц. Но В.Н. Борисову был чужд полемический пафос, который становился востребованным в фазе критического эксцесса философского эссенциализма, в котором нуждалась онтогносеология. Борисовский взгляд обращен не к пафосу мировоззренческой полемики, а к Логосу, принизывающему ткань методологически-автономного научного познания: «Гносеологический анализ охватывает все стороны познания, в том числе его формы, ступени и методы, но под определенным углом зрения, а именно: в плане отношения их к внешнему объективному миру и человеку как субъекту познавательной деятельности» [Борисов 1976а, 7]. Такой подход, связанный с ограничением

любой философской проблемы рамками субъектно-объектного отношения, в целом характерен для борисовско-духанинской методологии. Предполагается, что адекватность познавательного процесса сущностному содержанию действительности достигается интегрируемостью всех отдельных моментов познавательного процесса, каждый из которых характеризуется истинностью в своем роде. С общефилософской точки зрения такой подход следует считать спорным, поскольку реальность невозможно получить путем простого суммирования установочных моментов ее идеации. Но в борисовско-духанинской методологии вопрос о реальности как таковой не затрагивается, ибо она ограничивается только действительной модальностью данного в содержании опыта: «чтобы решить проблему соотнесения знаний с действительностью и определять степень тождества, необходимо исследовать специфику каждого аспекта, уровня и элемента знания в отношении их соотносимости с действительностью» [Борисов, Духанин 1974а, 67]. За этой формулировкой стоит криптономиналистическое предпочтение принципов необходимости и достаточности реалистической полноте и предельности, что возводится в ранг канона образования понятийной структуры и выстраивания продуктивной в познавательном плане дефиниции: «понятие в теории предстает всегда как свернутое определение предмета, т.е. как знание признаков предмета, необходимых и достаточных для его определения» [Борисов, Хазова 1977, 30]. Ни о каком реальном развитии знания как сущностной тотальности в рамках борисовско-духанинской методологии не может быть и речи, поскольку в этой системе координат такого рода *desideratum* познания будет табуирован по причине своей логической избыточности, затрудняющей операциональную дифференциацию функционально-значимых референций в научном познании, на основе которых происходит идеация предмета *in concreto*.

Всякая методологическая стратегия обнаруживает свою продуктивность в той мере, в какой она оказывается способной решить или хотя бы теоретически локализовать в системе своих приоритетов проблему идеального, не порождая при этом метафизических рецидивов. С этим вызовом столкнулся советский марксизм на излете своего исторического существования. В поздней советской философии симптоматическую значимость приобрела проблема идеального. Суть связанных с ней дискуссий, ее фигуры и их аргументация хорошо известны и детально

изучены в историко-философской литературе применительно к общесоветскому идейно-теоретическому контексту, но в локальной оптике эти процессы имели свою уникальную специфику в связи с теоретическими запросами самарских методологов, имевшими выраженную сциентистски-ориентированную коннотацию. В самарских региональных философских декорациях проблема идеального воспринималась не столько как стимул к дискуссиям, сколько как повод к консолидации перед лицом опасности метафизического рецидива. Парадоксальным образом проблема идеального стала моделью своеобразного методологического консенсуса, обеспечивающего прецедент исключения метафизических проблематизаций. Самарские методологи приняли за основу подход П.В. Копнина: «В идее знание достигает высшей степени объективности, и это создает условия для синтеза предшествующего знания» [Копнин 1974, 249]. Если уж от проблемы идеального невозможно избавиться, то следует ограничить ее знанием эффекта гистерезиса, распознаваемого по правилам реалистической типизации. Следуя этому подходу, В.Н. Духанин обнаружил семиотическое измерение теоретической адаптивности проблемы идеального, развивая подходы борисовской научной методологии: «Любой элемент знаковой системы становится знанием только тогда, когда в структуру значения этого элемента включаются идеальные образования, репрезентирующие какую-то действительность, лежащую за его пределами. Идеальная форма репрезентанты при этом должна находиться с представляемой в ней действительностью в отношении тождества, равенства или адекватности. Этим обусловлено свойство знания быть истинным или ложным» [Духанин 1983б, 21]. О том же свидетельствует ход мысли Д.И. Дубровского, когда он признает, что «такого рода субъективность явлений сознания, как информация о чем-то, не препятствует интересубъективности, наличию одной и той же информации у разных личностей» [Дубровский 1983, 130]. Релевантность комплекса интересубъективных связей при функционировании знания как знаковой системы, в границах которой происходит идеация познавательного процесса, побуждает В.Н. Духанина склонить чашу весов в дискуссии о проблеме идеального в пользу Д.И. Дубровского, когда он признает, что «верно выявляя деятельностную природу идеального, Э.В. Ильенков явно упрощает проблему, когда речь заходит о формах его существования» [Духанин 1986, 46]. Самарского методолога явно смущает

вывод о том, что идеальное приобретает свой статус только в силу того, что реальная форма материальной предметности идеализируется только в режиме обобществленной объективации сущности человека, т.к. в этом случае всякий произвольно взятый общественный факт приобретал бы автоматически и по умолчанию черты идеальной транзитивности, что следует считать неприемлемым выводом с точки зрения методологии научного познания, ибо такой ход мысли стал бы оправданием для каких угодно догматических допущений, требуя их идеальной легализации. Во избежание такого рода эксцессов следовало бы установить заранее ограничительное квалифицирующее условие для идеализации, суть которого В.Н. Духанин усматривал в том, что «процесс производства предметного знания можно изобразить в виде практической деятельности по преобразованию объекта природы в предмет потребности» [Духанин 1977, 25]. Этот критерий для осуществления возможной идеализации представляется ему более корректным, нежели простая мыслимость непротиворечивой обобществленной симплификации факта. Идеальное следует ограничить феноменом переходности в интенциональный объект потребностной диспозиции субъекта, чтобы оно могло обладать непротиворечивым функционалом в процессе познания.

Будучи нацеленной на обоснование объективного научного познания, борисовско-духанинская методологическая программа фиксировала субъектно-объектное отношение в качестве системообразующей гносеологической оппозиции. Самарские методологи настаивали: «Мыслительная деятельность вообще и в том числе познавательная всегда есть деятельность с объектом» [Борисов, Духанин 1974б, 142]. Сам объект при этом мыслится существующим независимо от познавательных усилий и гносеологических установок человека, поскольку он зиждется на определенных онтологических предпосылках, будучи локализованным в пространстве, длящимся во времени и отягощенным факторами характерного для него материального генезиса, в ходе которого он приобрел признаки, релевантные для своей тематической формализации. Совокупность этих признаков образует упорядоченную форму объекта, в которой он становится устойчивой сюжетной единицей, по поводу которой совершается отправление актов познавательной рефлексии. Она становится связующим звеном между онтологическими предпосылками бытования сущего в объективированном плане и перспективами теоретико-

познавательного приращения определенности. Эта рефлексия, однако, именно по причине соотнесенности с функцией понятийного опосредствования характеризуется амбивалентностью, на которую обращали внимание В.Н. Борисов и Н.В. Суркова: «Нужно при этом четко отличать философские представления о рефлексии и реальную рефлексивную деятельность, осуществляющуюся в процессах научного и философского познания» [Борисов, Суркова 1986, 10]. Философские представления о рефлексии, будучи взятыми в их чистом виде, образуют норму концептуального позиционирования процедур рефлексивного опосредствования в процессе научного познания, тогда как реальная рефлексивная деятельность предполагает иное отношение к ней. Будучи взятой в многообразии своих типологических характеристик в ходе процессов обобщения, рефлексия предстает не столько в виде акта нормативного регламента познавательного начинания, сколько проходным техническим эпизодом, отражающим внутреннюю связность познавательной деятельности. Именно смешение двух этих аспектов рефлексии становится источником методологических aberrаций. Если нормативная сторона рефлексии характеризует ее отношение к достоверности системного опосредствования познавательного процесса, то на исполнимость технического аспекта рефлексивной процедуры оказывают влияние преимущественно вероятностные факторы. В своей эпохальной статье «Определение знания в системе эпистемических категорий» В.Н. Борисов прибегает к уточнению значения высказываний, обращая внимание не только на оппозицию вероятности и достоверности, но и вводя в ткань познавательного процесса фактор неопределенности, оппозицию правдоподобия и ложноподобия, а также показывая эпистемическую значимость обоснованной ложности. В качестве критерия формализуемости этих оппозиций В.Н. Борисов вводит дистинкцию, основанную на частичной и полной осознанности рефлексивного акта в ходе познавательной деятельности. В.Н. Борисов приходит к следующему выводу: «Чаще всего заблуждение отождествляется с ложным и противопоставляется истинному. Однако ложное само по себе не может еще рассматриваться как заблуждение. Если ложность высказывания признается (т.е. отвергается его истинность) с достаточной степенью обоснованности и осознанности, то такое когнитивное образование представляет собой знание. Заблуждением является признание истинным объективно ложного или, наоборот, отвержение истин-

ности объективно истинного» [Борисов 1980, 38]. Руководствуясь этой установкой, можно обнаружить в составе познавательного процесса моменты с неустойчивым эпистемическим статусом, квалифицируя их в качестве убеждений, веры или мнений. Их наличие в составе эпистем допустимо, но они не обладают демонстративной значимостью с точки зрения полноценной научной аргументации. В сущности, В.Н. Борисову близка аристотелевская позиция, в соответствии с которой «иерархичность познания оказывается выражением иерархичности самого мира. Более совершенное знание является знанием более совершенного сущего» [Борисов 1996, 17]. На достижение этого идеала и должна быть ориентирована истинная методология.

Проблема стиля научного мышления в философии и методологии науки

Если борисовско-духанинская методология видела свою стратегическую задачу в обосновании логического единства онтологии и теории познания в контексте функционирования формы взаимно-однозначного соответствия бытия и мышления на уровне объективированных моделей познавательной деятельности, что предполагало различение предметного и категориального аспектов научного знания, то вопросы функционирования наук в их реальном дисциплинарном разнообразии стали предметом исследования в философии В.Т. Салосина, сформулировавшего проблему стиля научного мышления в ходе обращения к специфике различия между естественными и общественными науками. Обращение к проблеме стиля научного мышления предполагало рассмотрение вопроса о лимитах продуктивного взаимодействия между различными науками, опираясь на разработанную классификацию наук. На тот момент в советской философии этот вопрос предполагалось считать решенным, но на деле единого теоретического решения, предполагающего наличие общей базы идейных нормативов, не существовало. Это оставляло известную свободу в ходе расстановки методологических акцентов, что было обусловлено открытостью сюжетной перспективы развития самого научного знания на почве успехов научно-технического прогресса, в ходе которого, согласно марксистской догматике, знание становилось реальной силой, способной в предельных случаях оказывать обратное преобразующее воздействие на весь комплекс производительных сил. Подобного рода мировоззренческое до-

пущение, которое на системном уровне противоречило материалистическому пониманию истории в его буквальном прочтении, поскольку низводило ленинскую «теорию отражения» до уровня идеологической декларации, считалось тактико-прагматически приемлемым в качестве своеобразного функционального аналога гегелевской «хитрости Разума» (*List der Vernunft*). Допуская само понятие научной новизны в качестве критерия оценки продуктивности научной деятельности, следовало признать наличие известной меры непредрежденности в самом научном исследовании, хотя это и диссонировало с представлениями о марксизме как о единственно-верном и всепобеждающем учении. Вот почему вопрос о классификации наук пребывал в локусе приостановки прагматической санкции идеологии. Наличие репрезентативной модели, продуктивность которой находила объективное подтверждение, позволяло оставить вопрос о классификации наук условно-открытым, что нашло свое выражение в позиции И.Т. Фролова, который выдвигал тезис о том, что «моделирование уже по самой своей гносеологической природе оказывается эвристически эффективным лишь в связи с теоретическим познанием объекта» [Фролов 1989, 354]. Эта формулировка оставляла место для теоретических поисков.

Сама по себе методология, на какие бы продуманные основания она ни опиралась, заключала в себе логику согласования онтологических предпосылок и теоретико-познавательных перспектив. С точки зрения борисовско-духанинской методологической программы, настаивающей на разграничении предметного и категориального аспектов познавательного процесса, вопрос о классификации наук, находящихся в ходе развития их формата, вызванного насыщением новым предметным материалом, нельзя было решать абстрактно-метафизически, пользуясь одними только логическими критериями. Следовало выявить такие репрезентативные модели, которые вписывались бы в режим предметной оптимизации взаимодействия отдельных научных дисциплин. На решение этой теоретической задачи была нацелена концепция «взаимопроникновения наук», разработанная В.Т. Салосиным. Симптом явной понятийной дефицитности и теоретического неблагополучия в советской философии науки В.Т. Салосин усматривал в идеологических эксцессах лысенковщины, ставшей позорной страницей в истории отечественной науки. Именно критика псевдонаучного доктринерства, поставившего под угрозу су-

ществование целой области динамично развивающегося научного знания, побудила обратиться к проблеме взаимодействия частнопредметных установок и общеметодологических принципов в научном познании. Основное внимание В.Т. Салосин уделял идее взаимопроникновения естественных наук, которая должна была получить обоснование с позиций марксистской материалистической диалектики. В.Т. Салосин учил: «Анализ данных различных естественных наук с точки зрения диалектики элементов и структуры показал, что подобие структур объективно складывается в результате противоречивого развития материальных образований как результат действия законов диалектики» [Салосин 1972, 69]. Диалектическое видение материального единства мира в его реальном предметном многообразии выявляет онтологические предпосылки морфологических аналогий, аксиоматизируемых в общем методологическом фонде научного познания. Что же касается реальной гносеологической продуктивности морфологических аксиоматик, то она оказывается в актуальной познавательной деятельности детерминированной целым комплексом факторов. Это значит, что та или иная морфологическая аналогия может обладать гносеологически-легитимированным онтологическим статусом, но в конкретной динамике частнопредметного материала естествознания ее функционал может быть как ограничен, так и видоизменен под воздействием интерференций, вызванных факторами динамики данного проблемного поля. Закономерность природы может быть сведена к абстракции, но не всегда напрямую может быть выведена из нее, ибо нужно учитывать опосредствование (*Vermittlung*) на уровне отношений между структурой и входящими в нее элементами. Наличие общего списка элементов в рамках двух внешне схожих морфологических структур само по себе еще не дает права говорить об открытии закономерности, валидной для всех известных материальных образований, поскольку в рамках схожих структур элементы могут подчиняться разным нормативам сочетаемости, что предполагает наличие разных уровней проявления относительной свободы предметного материала в феноменах, гипотетически совместимых по принципу своей формализации. Этот ход мысли близок установке критической онтологии Н. Гартмана, требующей различения логической родо-видовой ступенчатости (*Stufung*) и реальной типологической сложности (*Schichtung*). Руководствуясь ленинским принципом конкретности истины, В.Т. Салосин видит в абстракции частный

момент идеализации рабочей фазы доказательства гипотезы, солидаризируясь с Э.В. Ильенковым, который полагал, что «сам объективный исторический процесс производит абстракцию, в которой удержаны лишь конкретно-всеобщие моменты развития, очищенные от исторической формы» [Ильенков 1997, 287]. В салосинской концепции философии науки этот момент приобретает целый комплекс интересных методологических импликаций.

В.Т. Салосин не был сторонником беспредпосылочного и неумного сциентистского оптимизма, нагнетающего пафос неоправданных ожиданий в связи с пресловутым «феноменом междисциплинарности», предполагающим «слияние» различных наук под аккомпанемент прогрессистской фразеологии: «Абсолютного слияния даже двух наук произойти не может. Тем более, нельзя говорить о полном слиянии всех наук» [Салосин 1983, 71]. Подлинное развитие естествознания, в ходе которого может происходить лимитированное взаимопроникновение различных методологических установок, осуществимо только на основе дифференциации понятийного аппарата, требующей строгих категориальных дистинкций. Только так можно избежать ложных аналогий и предотвратить интерференцию в предметных полях. Эти дистинкции призваны гарантировать конкретность научной истины, которая напрямую связана с различиями в темпоральной динамике отдельных областей научного знания. Далеко не все методологические установки, зарекомендовавшие себя с лучшей стороны в фазе предметного эмпирического узуса, могут напрямую конвертироваться в категориальные образования, характеризующиеся общезначимостью и достигающие эффекта универсальной логической транзитивности. В этом моменте позиция В.Т. Салосина оказывается более сдержанной, чем борисовско-духанинская методология, в которой разведение предметного и категориального уровня знания обосновывается и декларируется, но в которой абстрактные признаки логически-репрезентативных моделей даются без уточнения нормативов предметных областей знания, различающихся темпорально по факту институализации структур теоретической рефлексии. В.Т. Салосин вводит понятие «стиля научного мышления», посредством которого объясняются различия в нормативах транзитивности модельных структур научной рефлексии в различных областях научного знания: «Опорные понятия стиля мышления (вероятность, информация, управление, комплекс и др.) сами по себе не являются ни обще-

методологическими, ни философскими категориями, а многие из них и не могут быть отнесены к категориям какой-либо отдельной науки. Но на отдельных этапах научного познания они несут те же логические, гносеологические и методологические функции, что и категории» [Салосин 1988, 43]. В.Т. Салосин ограничивает устремления борисовско-духанинской методологии, требуя не столько ее теоретической корректировки как методологической концепции, сколько ограничения горизонтов ее применения, лимитированного секторальными факторами того угла зрения, который практикуется в данной конкретной дисциплине, исходя из специфики созревания рефлексивных структур обобщения в наличном предметном материале.

Общий смысл салосинского учения о стиле научного мышления состоит в том, что далеко не все методологические установки, создающие продуктивные в научном отношении репрезентативные модели, востребованные частнопредметным контекстом, могут быть легитимированы на интерсубъективном уровне научной рациональности, представленном категориальным знанием. Для В.Т. Салосина очевидно, что в борисовско-духанинской методологии с ее подчеркнутым объективизмом тема субъекта познания рассматривается как периферийный феномен, не обладающий выраженными признаками гносеологической релевантности. Между тем именно субъект образует фокус гносеологической активности и задает перечень потребностных запросов познания, определяющих силу его идейного импульса. Теория познания, строящаяся на основе субъектно-объектной оппозиции, не вправе игнорировать это обстоятельство, которое, с точки зрения эпистемологии, занимающейся вопросом транслируемости и совместимости научных теорий, оказывается индифферентным в проблемном отношении. Если бы познание исчерпывалось одной только объективацией методологической диспозиции, в нем бы никогда не возникал запрос относительно научной новизны знания, который может исходить только от субъекта познания, формы активности которого, с одной стороны, отражают степень внутренней свободы материала, а с другой – осуществляют конкретно-историческую привязку инициатив научного познания к реальности, взятой в аспекте ее развивающегося диалектического становления. Вот почему в познании следует отличать метод, соотносящийся с мерой объективируемости истины, от стиля, в средоточии которого стоит субъект с его реальным генезисом, налагающим

ограничения на обобщающий потенциал практикуемой в предметном материале рефлексии. Эти ограничения приоритетны в порядке легитимации в познавательной деятельности результатов научно-теоретического обобщения. Идейное содержание познавательного процесса определяет стиль, а не метод. Без понимания этой дистинкции разум оказывается обреченным на полную мировоззренческую слепоту. В.Т. Салосин учил: «Отличие стиля от метода проявляется еще и в том, что основу всякого развитого научного метода составляет теория, отражающая объективные закономерности предмета исследования. Вообще любая научная теория, обращенная к практике или к познанию новых явлений, выступает как метод. Но никакая теория сама по себе не есть стиль» [Салосин 2006, 111]. Понимание стиля как комплексного норматива плана выражения идейного содержания познания делает салосинское учение о стиле созвучным теории дистинкций М.А. Лифшица. Этот ход мысли ставит самарского методолога над схваткой применительно к дискуссии о проблеме идеального, поскольку салосинская «стилевая новелла» знаменует собой снятие ее проблемной коллизии. Разработанные В.Т. Салосиным подходы к классификации наук и нормативы стилистических идентичностей в разных областях научного знания не только обогатили марксистскую мысль, но и опередили запросы самой научной рефлексии, практикуемые в частнопредметном познании. Следует согласиться с мыслью Е.М. Ковшова о том, что «не всякое имеющееся знание важно для отображения данного объекта с точки зрения определения важнейших практических целей» [Ковшов 2020, 33]. Салосинское учение о стиле дает ответ на вопрос о критерии идейной релевантности в ходе познавательного процесса.

Пути самарской социальной философии

Развертывание проблемного комплекса социальной философии в самарских реалиях позднего советского периода характеризуется выдвиганием на передний план исследования темы социальной рефлексии. Это во многом было обусловлено тем, что методологический ракурс диалектического материализма предоставлял гораздо большую свободу для человеческой мысли, нежели догматика исторического материализма, замыкающая любое социально-философское теоретизирование в прокрустово ложе формационной теории. На общесоветском уровне в рамках

социальной философии наметилась тенденция к реабилитации аксиологической проблематики, взятой в контексте взаимодействия социальных факторов в ходе ценностного самоопределения человека. Провозвестником этих новых веяний выступил И.Т. Фролов: «Смысл человеческой жизни, определяемой этими факторами, также приобретает регулятивную функцию, которая играет все более решающую роль по мере личностного и общественного развития человечества в их диалектическом единстве» [Фролов 1983, 308]. Эта риторика пролагала дорогу грядущему перестроечному ревизионизму, но на момент своего озвучивания стоила совсем немного без методологических санкций диалектического материализма. Вот почему самарская философия не прибегает к камуфляжу аксиологии, а предпочитает обосновывать новые пути социальной философии в общеметодологическом ключе. Поэтому прикладной социально-философский аспект методологии, развиваемый В.Н. Духаниным, оказался в этой связи столь востребованным. То, что в контексте формационной доктрины исторического материализма смотрелось бы явной идеологической контрабандой, в рамках методологии диалектического материализма выглядело вполне безобидной гипотезой, подлежащей обсуждению в качестве логико-дидактической проблематики. Рассматривая объекты знания в структурном контексте социологической теории, В.Н. Духанин ставит вопрос о Духе: «Специфика духовной сферы (по сравнению со сферой материальной деятельности) заключается в том, что здесь применяются языковые и логические средства, а вместо материальных (реальных, эмпирических) объектов воссоздаются и применяются идеальные (теоретические, абстрактные) объекты» [Духанин 1976, 47]. О «духе» как о субъекте здесь речь не заходит, но сама постановка вопроса о специфике рано или поздно потребует и соответствующей эйдетики, следуя логике саморазвивающегося метода. Дело доходит до неявной реабилитации телеологии в актах рефлексии социального познания: «Суть ее выражается в выявлении характера и направленности целевого действия, связывающего выделенный предмет деятельности с социальной потребностью» [Духанин 1983а, 142]. В.Н. Духанин закрепляет достигнутый результат, связанный с выявлением телеологической специфики социальной рефлексии как проявления духовной жизни на уровне категориальной структуры социального познания: «обществовед, исследуя определенный фрагмент социальной действительности,

сам погружен в аналогичную или ту же социальную систему. Следовательно, он не может быть сторонним и нейтральным наблюдателем» [Духанин 1988, 96]. Рефлексия рождается из социального действия, а принцип материалистического понимания истории пребывает незыблемым в своей монументальной догматической неприкосновенности, однако за Духом закрепляется специфика на трансцендентальном уровне категориального знания, которая отныне может беспрепятственно заявлять о себе в актах социальной рефлексии по поводу целеполагания, легально реализуемого в социальной деятельности. Методологический путь эмансипации социально-философской проблематики от догматики исторического материализма, предложенный В.Н. Духаниным, оказывается более прямым и эффективным, чем практикуемый на общесоветском уровне способ аксиологических иносказаний и эзопов язык культурологического дискурса в среде адептов гуманитарного знания.

На онтологизации чисто методологического хода мысли в статусе предпосылок базируется исходный прецедент первой социально-философской концепции в г. Куйбышеве, созданный М.С. Кветным. В целом этот прецедент легендируется ильенковским тезисом: «Генетически понимаемое всеобщее существует вовсе не только в эфире абстракции» [Ильенков 2010, 276], что вполне созвучно схоластическому реализму, который выступает у М.С. Кветного в умеренно-реалистической редакции: «Теоретическое воспроизведение структуры целостного человека гносеологически связано с процедурой вычленения ее основных элементов (подсистем), рассматриваемых в их органическом единстве, взаимосвязи и сопряжении» [Кветной 1989, 4]. Обращаясь к проблеме целостности образа человека в социуме, М.С. Кветной затрагивает и ревитализирует доктрину анамнезиса, восходящую к платонизму, а также тему контракции, разработанную еще Николаем Кузанским. Соединяя в понятие «целостности» аспекты воспроизведения идеального праобраза и сопряжения их в реальной конкретике социального бытия, М.С. Кветной рассматривает подсистемы социума как условности, значимые в органическом единстве целостной человеческой жизни. Такой ракурс оказывается в высшей степени продуктивным для мировоззренческой гуманизации марксистской доктрины. Нет ничего удивительного в том, что философ обращается к ключевой как для гегельянства, так и для марксизма теме отчуждения, по-

лучившей последовательное развитие в различных версиях западного критического марксизма. Это оказывается вполне созвучным марксистской заповеди о необходимости развенчания тех идеологических мистерий, которые в социуме человек насаждает на предмет своей сущности, оказывающейся рефлексивным конгломератом всей системы общественных отношений. Согласно М.С. Кветному, проблема отчуждения возникает тогда, когда в ходе человеческой деятельности в социуме ставится под сомнение целостность человеческого образа: «В целом в обществе отчуждения в сознании людей складывается целый мир иллюзий, представлений и умонастроений, превратно выражающих действительные общественные связи и отношения» [Кветной 1974б, 152]. Для современников М.С. Кветного «общество отчуждения» однозначно тождественно капитализму как системе отношений, преодоленной практикой реального социализма. Так должно быть по неписаным правилам марксистского идеологического этикета. Но ведь всякий мыслящий человек способен обнаружить иллюзии и превратное понимание действительности и в контексте общественных реалий развитого социализма, что ставит под сомнение эффективность той практики, которая его осуществила. Следовательно, проблема отчуждения не имеет однозначной формационной локализации исключительно в интерьерах общества, где существует базовое антагонистическое противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Такого рода гипотеза представляется в условиях развитого социализма вполне определенной идеологической крамоллой. Этот вывод напрашивается сам собой, но в социальной философии М.С. Кветного его можно дезавуировать, прибегнув к ссылке на ложную аналогию, оказывающуюся следствием неправильной интерпретации эффекта системной телеологической интерференции: «Понятие целесообразности в его широком значении фиксирует особый способ поведения сложных систем, характеризующийся способностью путем саморегуляции достигать заданное конечное состояние, как бы стремиться к нему в меняющихся условиях среды» [Кветной 1974а, 28]. В ходе взаимодействия социальных подсистем, отражающих сущностные связи различных уровней, складываются обратные связи, позволяющие идеировать целеполагание социума под углом синтеза некоего избытка обратных связей, репрезентирующих антагонистическое противоречие буржуазного общества, но отсутствующую

щих в реалиях развитого социализма, где противоречия не носят антагонистического характера и затрагивают только уровень существования, будучи чуждым его внутренней сущности, его субстанциальной основе. Если саморегуляция подсистем в обществе запаздывает, то это обусловлено тем, что каждая из них по отдельности настолько развита, что не допускает однозначной реакции на стимул, исходящей от среды, в которой базовая закономерность сказывается в формационно-адекватном виде. В условиях развитого социализма телеологическая идеация сложнее тематического формационного средового эффекта, что обусловлено превосходством социалистического общества в плане потенциала отражающих подсистем, которые сложнее и многомернее, чем опыт индивида, в котором феномен отчуждения сказывается непосредственно. Его следует социализировать под знаком формационно-адекватного целеполагания, и тогда феномен отчуждения в его сознании саморазоблачится в своей иллюзорности. Этот диалектический способ аргументации, разработанный в социальной философии М.С. Кветного, обладал огромной интеллектуальной притягательностью в условиях советского идеологического двоемыслия. Его можно было исповедовать *bona fide*, а можно было практиковать в совершенно ином смысле *lege artis*. Пример первого подхода обнаруживается в телеологической концепции О.Г. Юровицкого, а второго – в философии права Р.И. Таллера. Характеризуя проблему целеполагания в последовательно марксистском ключе, О.Г. Юровицкий писал: «стержем рассматриваемого полагания, его базисной составляющей служит не что иное, как взаимодействие между целью-помыслом (Цп) и целью-метой (Цм). После того, как предмет потребности, пройдя мыслительную переработку, превращается в некоторый четко определенный конкретный ориентир, он сам становится объектом отражения» [Юровицкий 1986, 31]. Цель-мета является окказиональной аллюзией на учение Т. Гоббса о практике, в котором в духе номинализма знаки рассматриваются как «метки» приложения практикоориентированных интенций. В замысле телеологической концепции О.Г. Юровицкого, предполагающей разработанную систему категориальных оппозиций целеполагания, заключалась возможность своеобразной атеистической марксистской теодицеи, в которой вместо различных прецедентов метафизического, морального и физического зла выступал пресловутый избыток обратных связей. Сходный сюжет обнаруживался и

в онтогносеологии М.А. Лифшица. Эта программа, однако, не была осуществлена как в первом, так и во втором случае, поскольку реалии развитого социализма в непосредственной жизни деградировали быстрее, чем можно было обнаружить на практике некий идеальный форматив общественного бытия, который бы допускал всестороннюю апологетику своего содержания на уровне понятия. Суть этой коллизии была вполне очевидна для Р.И. Таллера, вставшего на путь «иронического марксизма», руководствуясь примером А.Ф. Лосева. Рассматривая в методологическом ключе аспекты правовой культуры саморазрушающегося советского социума, Р.И. Таллер подчеркивает принципиальную человеческую несвободу в плане выбора формы наличных общественных отношений *toto genere*: «Последняя детерминирована экономическими отношениями так, что все последующие отношения субординированы предыдущими» [Таллер 1989а, 126]. Если М.С. Кветной допускал возможность включения идеалистического анамнезиса в объяснение целостности человека в социуме, то Р.И. Таллер осуществляет весьма жесткую методологическую редукцию к гистерезису реальности, отбрасывая идеалистические фикции, обнаруживая при этом более последовательную приверженность марксистскому формативу. Отстаивая тезис о мировоззренческой природе философии, Р.И. Таллер отвергал возможность возникновения ее начала в ходе частнопредметного генезиса, что противоречило бы ее духовно-практической функции в социуме: «Другое дело, что это была абстрактная целостность. В результате мы пытались представить философию как конкретную целостность, каждая из сторон которой и синтез которых реализуют внеисторическую, мировоззренческую природу ее» [Таллер 1989б, 96]. Впоследствии, развивая мысль о философии как о логике, обеспечивающей критику мировоззрения, Р.И. Таллер трактовал кризис как ситуацию утраты или самофальсификации исходных онтологических оснований: «Кризис философии – это утрата ею своей природы, предмета, специфики, а значит и функций» [Таллер 1999, 70]. Советская философия не могла пережить реальность обреченного на историческую гибель общественного уклада и не могла выработать в рамках социальной теории рецепта его спасения, поскольку это противоречило бы базовым постулатам ленинской «теории отражения», но она могла отразить динамику этих процессов в специфической интеллектуальной форме, с той, однако, оговоркой, что реальные противоречия

развитого социализма могли в ней предстать через деформацию целостности самой марксистской философии, предусматривающую аберрацию комплекса ее мировоззренческой функции.

Гуманистическая сторона социально-философской рефлексии по поводу рассмотренной сюжетной коллизии представлена в наследии И.Л. Арончика, занимавшегося проблемой бытия искусства в социуме. Обращаясь к проблемам эстетики, И.Л. Арончик апеллировал не только к фундаментальным трудам немецких классиков, блестящим знатоком которых он был, но и к эстетическим концепциям Б. Кроче, Р. Ингардена и Н. Гартмана, с которыми он впервые познакомил самарскую философскую публику. Философ уделял большое внимание специфике различных видов искусств, подчеркивая, что осуществимость той или иной художественно-общезначимой идеи в реалиях общественной жизни предполагает учет объективной степени свободы материала, формализуемого в ходе художественной практики: «Продукты творческой фантазии художника становятся объективно-новыми образами, становятся фактами общественного сознания постольку, поскольку они объективируются в материале того или иного вида искусства» [Арончик 1977, 98]. Этот подход сближает его как с салосинской теорией стиля научного мышления, так и с признанием значения анамнезиса в социальной философии М.С. Кветного. При этом И.А. Арончик уделял огромное внимание проблеме эстетического идеала, в котором он усматривал отражение мировоззренческих и ценностных приоритетов наличного социума, преподнесенных в конкретных нормативах художественного обобщения: «Эстетический идеал выступает здесь как сумма художественных принципов, позволяющих с наибольшей в данных условиях полнотой и точностью выразить в искусстве мысли, чувства, настроения людей, их эстетические потребности» [Арончик 1980, 168]. Если классики делали акцент на нормативе предельности в идеале, а М.А. Лифшиц на аспекте опосредствования, то И.Л. Арончик подчеркивает нормативную значимость полноты художественного обобщения. С этих позиций самарский философ неоднократно выступал с критикой рецидивов шулятиковщины и вульгарного социологизма в понимании искусства. В этом он сходиллся с М.А. Лифшицем в плане неприятия учения М.С. Кагана об «упреждающем отражении» и о творческом характере рецепции, упраздняющем значение авторского начала в искусстве. И.Л. Арончик учил: «Художественные образы суще-

ствуют как идеальные образы только в сознании людей. Таков онтологический статус произведения искусства. Однако это не означает, что художественный образ создается, конструируется сознанием реципиента» [Арончик 1974, 88]. Полнота эстетического опосредствования не допускает произвола, поскольку предполагает гармонию формы и содержания, имеющую катарсический статус в реалиях общественного сознания. Философ приветствовал процесс Перестройки, полагая, что «необходимо создать в стране новую идейно-нравственную атмосферу, соответствующую гуманистической природе социализма» [Арончик, Нечаев 1989, 128]. Эта иллюзия в целом была характерна и симптоматична для лучших представителей той эпохи. Она вытекала из особого понимания диалектического метода, всемогущество которого не подвергалось сомнению, поскольку считалось возможным и желательным в рамках гуманизированной марксистской социальной теории «преодолеть aberrации классических интерпретаций проблемы человека» [Шестаков 1994, 34].

Заключение

Самарская методологическая школа, будучи характерным продуктом общественного сознания со всеми вытекающими типологически-значимыми признаками, обладает оригинальной локальной спецификой, проявившейся в решении проблемы единства бытия и мышления на основе марксистского понимания ОВФ. Самарские философы видели в ней не столько мировоззренческую, сколько методологическую проблему достижения логической непротиворечивости для выражения баланса между онтологическими предпосылками и теоретико-познавательными перспективами. Не вступая в конфликт с господствующей идеологией, они предложили решения этой проблемы на общеметодологическом уровне, в проблемном материале философии науки и в контексте социальной философии, в которой их теории могли функционировать с различными обобщающими коннотациями.

1. Борисовско-духанинская программа оптимизации методологии научного познания, исходящая из разграничения предметного и категориального уровней, выдвинула логическую концепцию, на основе которой принцип материального единства мира мог дать достоверные, вероятные, правдоподобные, ложноподобные и ложные результаты, отличные от заблуждения. Градус истинности

значения определялся балансом онтологических предпосылок и гносеологических перспектив с точки зрения их функциональной достаточности.

2. Салосинская теория стиля научного мышления показала значимость транзитивности репрезентативных моделей научной рефлексии с точки зрения реального развития субъекта, осуществляющего познавательную деятельность. Было обосновано теоретическое различие между понятиями стиля научного мышления и методом научного познания на основе продуманной классификации наук. Была выявлена идейная подоплека нормативности в разных стилях научного мышления.

3. В самарских обществоведческих студиях был обоснован путь перехода от догматики исторического материализма к социальной философии критического образца, фокусирующей исследовательское внимание на методологическом обеспечении социальной рефлексии, рассчитанной на различные праксиологические приоритеты. Социально-философская концепция М.С. Кветного создала прецедент диалектического узуса критической рефлексии нового типа, проявившегося в телеологическом дискурсе, в учении о мировоззренческой функции философии и в гуманизации социальной реальности путем эстетического воспитания личности.

Значение самарской философии периода «развитого социализма» состоит в создании академической атмосферы, сочетавшей строжайшую научную добросовестность и идеалы духовной свободы. На этой основе стало возможным возникновение нескольких научных школ, чьи достижения еще ожидают как общероссийского признания, так и исторического исследования с точки зрения симптоматического значения локальной философской специфики в перспективах развития философского самосознания в России. Самарская философская мысль создала прецедент неантагонистического продуктивного взаимодействия высочайшей методологической культуры и мировоззренческих приоритетов, выработанных в ходе определенной исторической эпохи. Это достижение представляет объективный интерес с точки зрения выявления цивилизационной миссии философии в современной российской действительности.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арончик 1974 – *Арончик И.Л.* Диалектика объективного и субъективного в процессе художественного воспитания // Диалектика объективного и субъективного в познании и практической деятельности.

Межвузовский сборник статей кафедр философии и научного коммунизма. Выпуск 1. – Куйбышев: Куйбышевский плановый институт, 1974. С. 83–96.

Арончик 1977 – *Арончик И.Л.* Методологическое значение термина «сотворчество» в исследовании процесса художественного восприятия // Методологические проблемы науки и культуры (Межвузовский сборник). Выпуск 2. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1977. С. 96–104.

Арончик 1980 – *Арончик И.Л.* Эстетический идеал как норма в реальном функционировании искусства // Методологические проблемы науки и культуры. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1980. С. 166–174.

Арончик, Нечаев 1989 – *Арончик И.Л., Нечаев А.В.* Нравственная культура в условиях перестройки // Культура и личность в условиях перестройки. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский университет, 1989. С. 126–132.

Борисов 1976а – *Борисов В.Н.* О специфике методологического анализа научного познания // Методологические проблемы науки и культуры. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1976. С. 4–20.

Борисов 1976б – *Борисов В.Н.* Проблемы гносеологического и методологического анализа логических форм мышления // Методологические проблемы науки и культуры. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1976. С. 57–67.

Борисов 1977 – *Борисов В.Н.* К анализу категориальной структуры процессов развития знаний // Методологические проблемы науки и культуры (Межвузовский сборник). Выпуск 2. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1977. С. 4–18.

Борисов 1980 – *Борисов В.Н.* Определение знания в системе эпистемических категорий // Методологические проблемы науки и культуры. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1980. С. 6–48.

Борисов 1983 – *Борисов В.Н.* Рефлексия в науке: гносеологическая природа, формы, функции // Проблемы рефлексии в научном познании. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1983. С. 7–13.

Борисов 1986 – *Борисов В.Н.* Соотношение структуры научного исследования и способа изложения. Дидактический аспект // Проблемы диалектики научного познания. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 143–156.

Борисов 1988 – *Борисов В.Н.* Категориальное знание: гносеологическая природа, формы, способы функционирования // Категориальные основания научного знания. Межвузовский сборник научных статей. – Куйбышев: Куйбышевский университет, 1988. С. 5–29.

Борисов 1996 – *Борисов В.Н.* Философия Аристотеля. – Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 1996.

Борисов, Духанин 1974а – *Борисов В.Н., Духанин В.Н.* Проблема соотношения субъективных форма знания с объективной действительной действительностью // Диалектика объективного и субъективного в познании и практической деятельности. Межвузовский сборник статей кафедр философии и научного коммунизма. Выпуск 1. – Куйбышев: Куйбышевский плановый институт, 1974. С. 58–68.

Борисов, Духанин 1974б – *Борисов В.Н., Духанин В.Н.* Формирование научного знания в социально-экономическом исследовании (Проблемы методологии научного познания). – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1974.

Борисов, Суркова 1986 – *Борисов В.Н., Суркова Н.В.* Философия и рефлексия // Проблемы диалектики научного познания. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 5–15.

Борисов, Хазова 1977 – *Борисов В.Н., Хазова Л.В.* Некоторые аспекты функционирования и развития понятий в системах теоретического знания // Методологические проблемы науки и культуры (Межвузовский сборник). Выпуск 2. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1977. С. 29–35.

Дубровский 1983 – *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. – М.: Мысль, 1983.

Духанин 1976 – *Духанин В.Н.* Объекты знания в структуре социологической теории // Методологические проблемы науки и культуры. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1976. С. 42–67.

Духанин 1977 – *Духанин В.Н.* Абстрактные объекты и механизмы образования научного знания // Методологические проблемы науки и культуры (Межвузовский сборник). Выпуск 2. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1977. С. 18–29.

Духанин 1983а – *Духанин В.Н.* Рефлексия в социальном познании // Проблемы рефлексии в научном познании. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1983. С. 141–147.

Духанин 1983б – *Духанин В.Н.* Формирование социального знания. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983.

Духанин 1986 – *Духанин В.Н.* Идеальное и проблема соотношения эмпирического знания с действительностью // Проблемы диалектики научного познания. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 41–51.

Духанин 1988 – *Духанин В.Н.* Категориальная структура социального познания // Категориальные основания научного знания. Межвузовский сборник статей. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1988. С. 92–99.

Ильенков 1997 – *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М.: Росспэн, 1997.

Ильенков 2010 – *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории / 3-е изд. – М.: УРСС, 2010.

Кветной 1974а – *Кветной М.С.* Феномен цели как единство субъективного и объективного в регуляции человеческой деятельности // Диалектика объективного и субъективного в познании и практической деятельности. Межвузовский сборник статей кафедр философии и научного коммунизма. Выпуск 1. – Куйбышев: Куйбышевский плановый институт, 1974. С. 26–39.

Кветной 1974б – *Кветной М.С.* Человеческая деятельность: сущность, структура, типы (социологический аспект). – Куйбышев: Изд-во Саратовского университета, 1974.

Кветной 1989 – *Кветной М.С.* К проблеме формирования целостного человека // Культура и личность в условиях перестройки. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский университет, 1989. С. 3–9.

Ковшов 2020 – *Ковшов Е.М.* Социальная рефлексия (структура, формы и функции). – Самара: Самарский государственный технический университет, 2020.

Копнин 1973 – *Копнин П.В.* Диалектика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования. – М.: Наука, 1973.

Копнин 1974 – *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974.

Лифшиц 2004 – *Лифшиц М.А.* Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира «Истинная середина». – М.: Искусство – XXI век, 2004.

Лифшиц 2010 – *Лифшиц М.А.* *Varia*. – М.: Грюндриссе, 2010.

Салосин 1972 – *Салосин В.Т.* Диалектика взаимопроникновения естественных наук. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1972.

Салосин 1983 – *Салосин В.Т.* Рефлексия и интеграция наук // Проблемы рефлексии в научном познании. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1983. С. 69–73.

Салосин 1988 – *Салосин В.Т.* Категориальные основания интеграции научного знания // Категориальные основания научного знания. Межвузовский сборник статей. – Куйбышев: Куйбышевский университет, 1988. С. 39–46.

Салосин 2006 – *Салосин В.Т.* Философия и методология науки. Курс лекций. – Самара: Самарский муниципальный университет Наяновой, 2006.

Таллер 1989а – *Таллер Р.И.* Некоторые методологические проблемы правовой культуры // Культура и личность в условиях перестройки. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский университет, 1989. С. 119–126.

Таллер 1989б – *Таллер Р.И.* Философия как логика и методология познания права. – Куйбышев: Изд-во Саратовского университета. Куйбышевский филиал 1989.

Таллер 1999 – Таллер Р.И. Заметки о системности философии И. Канта в связи с природой философии // Научные беседы с Кантом – 99. Сборник научных статей. – Самара: СамВен, 1999. С. 62–71.

Фролов 1983 – Фролов И.Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. – М.: Политиздат, 1983.

Фролов 1989 – Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. – М.: Политиздат, 1989.

Шестаков 1994 – Шестаков А.А. Онтологизм как стратегия осмысления сознания (Опыт феноменологии и философской герменевтики) // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1994. С. 32–41.

Юровицкий 1986 – Юровицкий О.Г. К рассмотрению структуры целеполагания // Проблемы диалектики научного познания. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 23–33.

REFERENCES

Aronchik I.L. (1974) Dialectics of Objective and Subjective in the Process of Artistic Personal Development. In: *Dialectics of Objective and Subjective in the Process of Personal Development and Practical Activity. Interacademic Collection of Articles of the Philosophy Department and Scientific Communism* (Issue 1, pp. 83–96). Kuibyshev: Kuibyshev Planning Institute (in Russian).

Aronchik I.L. (1977) Methodological Meaning of the Term “Co-Creation” in the Study of the Artistic Perception Process. In: *Methodological Problems of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles)* (Issue 2, pp. 96–104). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Aronchik I.L. (1980) Aesthetic Ideal as a Norm in the Real Art Functioning. In: *Methodological Problems of Science and Culture. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 166–174). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Aronchik I.L. & Nechayev A.V. (1989) Ethic Culture under the Circumstances of Perestroika. In: Aronchik I.L. & Borisov V.N. (Eds.) *Culture and Personality under the Circumstances of Perestroika (Interuniversity Collection of Articles)* (pp. 126–132). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1976a) The Characteristic Features of Methodological Analysis Concerning Scientific Knowledge. In: *Methodological Problems of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles)* (pp. 4–20). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1976b) The Problems of Gnoseological and Methodological Analysis of the Logical Reasoning Forms. In: *Methodological Problems*

of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles) (pp. 57–67). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1977) The Analysis of Categorical Structure Regarding the Knowledge Evolution Process. In: *Methodological Problems of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles)* (pp. 4–18). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1980) Interpreting Knowledge within the System of Epistemological Categories In: *Methodological Problems of Science and Culture. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 6–48). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1983) Reflexivity in Science: Gnoseological Essence, Forms and Functions. In: *Reflexivity Problem in Scientific Cognition. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 7–13). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1986) The Correlation of the Scientific Research Structure and the Way of Presentation. In: Borisov V.N. (Ed.) *Problems of Dialectics of Scientific Cognition* (pp. 143–156). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1988) The Categorical Knowledge: Gnoseological Essence, Forms and Modes of Existence. In: *Categorical Basis of Scientific Knowledge. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 5–29). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1996) *Aristotelian Philosophy*. Samara: Samara Humanitarian Academy Publishing House (in Russian).

Borisov V.N. & Dukhanin V.N. (1974a) The Correlation Problem of Subjective Knowledge Forms with Objective Actual Reality. In: *Dialectics of Objective and Subjective in the Cognition Process and Practical Activity. Interacademic Collection of Articles of the Philosophy Department and Scientific Communism* (Issue 1, pp. 58–68). Kuibyshev: Kuibyshev Planning Institute (in Russian).

Borisov V.N. & Dukhanin V.N. (1974b) *Scientific Knowledge Formation Within the Frame of Social-Economic Research (The Problem of Scientific Cognition Methodology)*. Saratov: Saratov University Publishing House (in Russian).

Borisov V.N. & Khazova L.V. (1977) Some Aspects Regarding Functioning and Development of the Notions Withing the Scope of Theoretical Knowledge Systems. In: *Methodological Problems of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles)* (Issue 2, pp. 29–35). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. & Surkova N.V. (1986) Philosophy and Reflexivity. In: Borisov V.N. (Ed.) *Problems of Dialectics Scientific Cognition* (pp. 5–15). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Dubrovskiy D.I. (1983) *The Problem of the Ideal*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Dukhanin V.N. (1976) Knowledge Objects within the Frame of Sociological Theory Structure. In: *Methodological Problems of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles)* (pp. 42–67). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Dukhanin V.N. (1977) Abstract Objects and Mechanisms of Scientific Knowledge Creation. In: *Methodological Problems of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles)* (Issue 2, pp. 18–29). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Dukhanin V.N. (1983a) Reflexivity in Social Cognition. In: Borisov V.N. (Ed.) *Reflexivity Problems in Scientific Cognition. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 141–147). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Dukhanin V.N. (1983b) *Formation of Social Knowledge*. Saratov: Saratov University Publishing House (in Russian).

Dukhanin V.N. (1986) The Ideal and the Problem of Correlation of the Empiric Knowledge and the Reality. In: Borisov V.N. (Ed.) *Problems of Dialectics Scientific Cognition* (pp. 41–51). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Dukhanin V.N. (1988) Categorical Structure of Social Cognition. In: *Categorical Basis of Scientific Knowledge. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 92–99). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Frolov I.T. (1983) *Perspective of a Human Being. Experience of the Complex Problem Statement, Discussion, Generalization*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Frolov I.T. (1989) *On Human Being and Humanism*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Ilyenkov E.V. (1997) *Dialectics of the Abstractiveness and the Certainty in Scientific-Theoretical Reasoning*. Moscow: Rosspen (in Russian).

Ilyenkov E.V. (2010) *Dialectical Logic: Essays on History and Theory* (3rd ed.). Moscow: URSS (in Russian).

Kopnin P.V. (1973) *Dialectics as Logics Within the Cognition Theory. The Experience of Logical-Gnoseological Research*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kopnin P.V. (1974) *Gnoseological and Logical Science Basics*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Kovshov E.M. (2020) *Social Reflexivity (Structure, Forms and Functions)*. Samara: Samara State Technical University (in Russian).

Kvetnoy M.S. (1974a) The Phenomenon of a Goal as the Unity of the Abstractiveness and the Certainty in Human Activity Regulation. In: *Dialectics of Objective and Subjective in the Cognition Process and Practical Activity. Interacademic Collection of Articles of the Philosophy Department and Scientific Communism* (Issue 1, pp. 26–39). Kuibyshev: Kuibyshev Planning Institute (in Russian).

Kvetnoy M.S. (1974b) *Human Activity: Essence, Structure and Types (Sociological Aspect)*. Saratov: Saratov University Publishing House (in Russian).

Kvetnoy M.S. (1989) The Problem of the Complete Human Formation. In: Aronchik I.L. & Borisov V.N. (Eds.) *Culture and Personality under the Circumstances of Perestroika. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 3–9). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Lifshitz M.A. (2004) *What is Classics? Ontognoseologics. The Meaning of the world as "The Pure Medium"*. Moscow: Iskusstvo – XXI vek (in Russian).

Lifshitz M.A. (2010) *Varia*. Moscow: Grundrisse (in Russian).

Salosin V.T. (1972) *Dialectics of Natural Sciences' Mutual Integration*. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe Knizhnoe Izdatel'stvo (in Russian).

Salosin V.T. (1983) Reflexivity and Integration of Sciences. In: Borisov V.N. (Ed.) *The Problem of Reflexivity in Scientific Cognition. Interacademic Collection of Articles* (pp. 69–73). Kuibyshev: Kuibyshev University (in Russian).

Salosin V.T. (1988) Categorical Basics of Scientific Knowledge Integration. In: *Categorical Basis of Scientific Knowledge. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 39–46). Kuibyshev: Kuibyshev University (in Russian).

Salosin V.T. (2006) *Philosophy and Methodology of Science*. Samara: Samara Municipal Nayanova University (in Russian).

Shestakov A.A. (1994) Ontologism as the Strategy of Consciousness Interpretation (Phenomenology and Philosophical Hermeneutics' Experience). In: Portnov A.N. (Ed.) *Philosophy of Consciousness of the Twentieth Century: Problems and Solutions. Interuniversity Collection of Scientific Articles* (pp. 32–41). Ivanovo: Ivanovo State University (in Russian).

Taller R.I. (1989a) Some Methodological Problems of the Law Culture. In: Aronchik I.L. & Borisov V.N. (Eds.) *Culture and Personality under the Circumstances of Perestroika. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 119–126). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Taller R.I. (1989b) *Philosophy as Logics and Law Cognition Methodology*. Kuibyshev: Saratov University Publishing House, Kuibyshev Branch (in Russian).

Taller R.I. (1999) Notes Regarding the System Character of Philosophy I. Kant on Account of the Philosophy Origin. In: Taller R.I., Sysoev D.Yu., & Zanin S.V. (Eds.) *Conversations with Kant – 99. Collection of Scientific Articles* (pp. 62–71). Samara: SamVen, (in Russian)

Yurovitskiy O.G. (1986) Analyzing the Goal-Setting Structure. In: Borisov V.N. (Ed.) *Problems of Dialectics of Scientific Cognition* (pp. 23–33). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Проблема труда в самарской философии

Е.А. Тюгашев

Новосибирский государственный университет,

Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье дан аналитический обзор работ самарских исследовательниц Т.Н. Сосниной и Л.Б. Четыровой в области философии труда. Анализ проведен в контексте необходимости разрешения социально-эпистемологической ситуации «смерти труда» и актуализации потребности в переосмыслении содержания концепта труда. Данное тематическое направление исследований в Самаре открыто в 1970-е годы Т.Н. Сосниной, которая разработала философскую теорию предмета труда. В результате была зафиксирована собственная активность предмета труда, выделен предмет труда в системе духовного производства, намечена перспектива широкой интерпретации трудовой деятельности, включающей в себя духовную и управленческую составляющие. Методологический потенциал инструментария теории предмета труда в дальнейшем использован в рамках ноосферной парадигмы подхода для анализа потоков материального производства и жизненных циклов формирования продуктов природы и общества (труда). Учет активности средств и предмета труда позволил Т.Н. Сосниной показать картину мира в виде всеобщего соработничества. Предложенная Л.Б. Четыровой историко-культурная панорама представлений о труде позволила охарактеризовать его как духовно-практическую деятельность. Очевидное разнообразие духовной культуры общества естественным образом определяет множественность интерпретаций понятия труда. Особый интерес вызывает анализ концепта труда с позиций лингвоконцептологии, а также перспектива проработки образа труда в истории, мифологии, религии, философии, ином мировоззрении. На интеллектуальный вызов, предсказывающий «смерть труда», самарская философия ответила *панэргонизмом* – картиной мира, утверждающей тотальность труда. Трудовое миропонимание онтологизирует популярный концепт «труд бытия» и продолжает традицию *эргодицеи*, различные версии которой разрабатывали мыслители Серебряного века русской культуры.

Ключевые слова: философия труда, смерть труда, предмет труда, активность, ноосфера, трудоцентризм, теология труда.

Тюгашев Евгений Александрович – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института философии и права Новосибирского государственного университета.

filosof10@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-62170601>

Для цитирования: Тюгашев Е.А. Проблема труда в самарской философии // Философские науки. 2022. Т. 65. № 2. С. 67–80.
DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-67-80

Labor Studies in Samara Philosophy

E.A. Tyugashev

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract

The article discusses the works of Samara researchers T.N. Sosnina and L.B. Chetyrova in the field of the philosophy of labor. The analysis is carried out in the context of the need to resolve the socio-epistemological situation of the “death of labor” and to rethink the content of the concept of labor. T.N. Sosnina opened this thematic field of research in Samara in the 1970s with the development of philosophical theory of the subject of labor. As a result, the proper activity of the subject of labor was explained, the subject of labor in the system of spiritual production was singled out, and the prospect of a broad interpretation of labor activity that would include spiritual and managerial components was outlined. Methodological potential of the theory of the subject of labor was further used in the framework of noosphere paradigm approach for the analysis of material production flows and life cycles of the formation of products of nature and society. Taking into account the activity of means and subjects of labor, T.N. Sosnina presented the picture of the world as a universal cooperation. L.B. Chetyrova, discussing historical and cultural panorama of conceptions of labor, interpreted labor as a spiritual and practical activity. Obvious diversity of spiritual culture of the society naturally determines plurality of labor interpretations. Of particular interest is the analysis of the labor concept from the position of linguoconceptology as well as from the prospect of the images of labor in the history of mythology, religion, philosophy, and other worldviews. The Samara philosophy has answered the intellectual challenge of the concept the “death of labor,” proposing *pan-ergonism* – a worldview asserting the totality of labor. This worldview ontologizes the concept of the “labor of the being” and continues the tradition of *ergodicity*, various versions of which were developed by thinkers of the Silver Age of Russian culture.

Keywords: philosophy of labor, death of labor, object of labor, activity, noosphere, labor centrism, theology of labor.

Evgeny A. Tyugashev – D.Sc. in Philosophy, Associate Professor, Department of Theory and History of Law, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University.

filosof10@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-62170601>

For citation: Tyugashev E.A. (2022) Labor Studies in Samara Philosophy. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 2, pp. 67–80. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-67-80

Введение

Заметным направлением российской философии являются исследования трудовой деятельности. Интерес к труду вызван, во-первых, изменением его оценки в условиях экологического кризиса и перехода к постиндустриальному обществу; во-вторых, расширением возможностей освоения классического наследия в области философии труда. Актуальные изменения в структуре занятости рефлексированы как «смерть труда» [Могилевская 2012; Фрумкин 2019; Шулико 2019]. Ситуация «вытеснения» труда из общества проблематизировала фактически господствовавшее в мировом философском сообществе марксистское понимание труда как вида деятельности, ставшего основой антропосоциогенеза.

Естественным выходом из парадигмального кризиса стали попытки переосмысления концепта труда. Если произошло «распредмечивание», т.е. «материя исчезла», как это уже было в естествознании в начале XX века, то возникает серия вопросов о том, какой именно феномен и какими способами осмыслялся в виде труда. Показательным примером эволюции философского сознания в отношении интерпретации указанного концепта послужили исследования труда в самарской философии.

Концепция ноосферного труда Т.Н. Сосниной

Данное тематическое направление исследований в Самаре открыто в 1970-е годы Т.Н. Сосниной, которая разработала философскую теорию предмета труда. Эта разработка осуществлялась в контексте дискуссии советских политэкономов и философов о соотношении производительных сил и предмета труда

[Соснина 1974]. Поскольку в качестве производительных сил Т.Н. Соснина рассматривала различные компоненты процесса труда, то можно говорить о ее целостном взгляде на труд, что и нашло отражение в недавнем сокращенном переиздании первой монографии этого автора [Соснина 2018a].

Указанная монография привлекает внимание систематическим структурированием производительных сил. Они подразделяются на объективные и субъективные, материальные и духовные, индивидуальные и общественные, естественные и общественные производительные силы. Соответствующие моменты, как подразумевалось, представлены и в процессе труда. В частности, высказана авангардная идея (задолго до Б. Латура) об относительной активности средств и предметов труда. Т.Н. Соснина пишет: «Если средство труда – активно воздействующая часть средств производства, то предмет труда – активно противодействующая их часть. В первом случае, следовательно, активность носит позитивный характер, а во втором негативный (“активность”» [Соснина 1974, 96].

Отметим, что в своем анализе исследовательница категориально не дифференцировала предмет и объект труда [Соснина 1977, 98], а также субстанцию и субстрат процесса труда [Соснина 1974, 190]. Эти сложности не преодолены и в дальнейшем.

Если в первой монографии Т.Н. Соснина обращалась к анализу взглядов К. Маркса, то в следующей монографии и докторской диссертации ею дополнительно применен ноосферный подход [Соснина 1976; Соснина 1977]. Предмет труда определен как «процесс становления субъективного в объективном, социального в природном» [Соснина 1977, 5], представленный в результате в качестве природно-социальных и социально-природных образований. В интерпретации Т.Н. Сосниной, с одной стороны, человек актуализирует, «вызывает к жизни» [Соснина 1977, 7] потенциальные возможности активно сопротивляющегося и противодействующего природного субстрата, а с другой – предмет труда становится фактором формирования ноосферы [Соснина 1977, 8].

Интересным видится наблюдение о том, что предмет труда насыщается качественно неоднородным социальным. Из-за этого ценность продукта труда поливалентна: она включает в себя полезные, индифферентные (нейтральные) и вредные модальности [Соснина 1977, 25]. По соотношению этих свойств предлагается

оценивать качество продукта. Таким образом, продукт труда не только полезен, но и чем-то вреден, т.е. в некоторой части обладает потребительной стоимостью.

Т.Н. Соснина выделяла предмет труда и в системе духовного производства (нематериальных видов деятельности). К труду отнесена научная деятельность, художественная деятельность (например, в аспекте функциональной музыки), педагогическая деятельность в системе производственного обучения [Соснина 1977, 22]. Тем самым была намечена перспектива широкой интерпретации трудовой деятельности.

Комментируя основные идеи теории предмета труда, Т.Н. Соснина в следующей монографии дополнительно поясняет, что:

– выделение (потенциального) предмета труда из предмета природы начинается в сфере духовного производства [Соснина 1984, 4];

– внутренние потенции природного субстрата предмета труда освобождаются [Соснина 1984, 33] и мобилизуются [Соснина 1984, 55];

– возможно преодоление негативной активности предмета труда и управление этой активностью посредством катализаторов, стимуляторов и т.п., учитывающих самодвижение природного субстрата [Соснина 1984, 99–102].

В последующих работах Т.Н. Соснина эксплицировала ряд базовых интуиций своей концепции труда. Так, в духе ноосферного подхода выдвинуто положение о том, что «материальное начало Вселенной не является пассивной субстанцией, оно спонтанно активно и способно “идти на контакт” с человеком, выполнять его целевые установки функционируя как “природная машина”» [Соснина 1997, 6–7]. Активность предмета труда описана как противодействие, побуждающее человека «постоянно создавать новые, все более сложные орудия и условия труда, совершенствовать интеллект и производственные навыки» [Соснина 1997, 10].

Поэтому при рассмотрении трудовой деятельности как взаимодействия подразумевается межсубъектное взаимодействие между человечеством и природой («материальным началом Вселенной»), в котором каждый субъект активен и коммуникативен. Очевидным становится, что взаимная активность сторон взаимодействия асимметрична. Субъектную активность неживой и живой природы, проявляемую в биогеокосмической деятельности, Т.Н. Соснина оценивает как доминантную активность [Соснина 2007, 59–60].

Человек действует в рамках этой активности и рассматривается в качестве инициатора и контролера взаимодействия, который пробуждает новые направления активности средств и предметов труда, содействуя эволюции Вселенной и ее продуктивной биогеокосмической деятельности [Соснина 2012, 122]. Следовательно, человечество, будучи продуктом такой деятельности, едва ли является ее побочным продуктом, а тем более отходом «космического производства». Но статус человечества как целевого продукта не подтвержден.

Неявно подразумевается существование нематериального начала Вселенной, которое, по-видимому, также участвует в ее трудовой деятельности. Т.Н. Соснина не пишет о труде Вселенной, но обращает внимание на тенденцию описания и объяснения природных процессов в терминах материального производства: «Именно этим объясняется введение в научный оборот естественно-научных дисциплин таких экзотических для них понятий, как “исходный и конечный продукт”, “банк запасов”, “память материальной породы”, “обменный фонд”, “нетто-продукция”, “устойчивость”, “емкость”, “нагрузка”, “надежность” и др.» [Соснина 2007, 34]. В рамках выделенного мегатренда биогеокосмологии на основе использования модели жизненного цикла проводится сопоставление продуктивной деятельности природы и общества (труда) [Соснина 2018б].

Конкретизирована перспектива широкой интерпретации трудовой деятельности. Совокупный работник описан как осуществляющий живой труд в двух ипостасях – целереализующей и целепологающей [Соснина 2008, 33]. Целереализующий труд состоит в овеществлении цели через непосредственный контакт и общение конкретного работника с определенным природным субстратом будущего продукта. Суть целепологающего труда заключается в управлении, и его выполняют владелец предприятия, менеджер, мастер, бухгалтер, другие управленцы, непосредственно не контактирующие с предметом труда.

Т.Н. Соснина предполагает существование *закона биосферосовместимости труда*. Результат труда включает в себя конечный продукт и нецелевое приращение – «отходы, появляющиеся “попутно”, как правило, негативно влияющие на биосферу» [Соснина 2012, 124]. Поэтому рекомендуется минимизировать такое влияние, сохраняя стабильность биосферы [Соснина 2004, 173].

По итогам изучения и осмысления работ Т.Н. Сосниной перед глазами встает картина мира как всеобщего сотрудничества, так

и, возможно, «общего дела». В этой репрезентации, известной еще со времен А. Смита, трудится природа, работают люди, начиная с государя. Ритуал участия последнего в работах воспроизводит, как известно, труд богов, сотворивших мир. В итоге формируется перспектива рассмотрения образа труда в мифологии, религии, ином мировоззрении.

Л.Б. Четырова об историко-культурных репрезентациях труда

Предпринятый Т.Н. Сосниной опыт философского описания труда, с одной стороны, с позиций учения К. Маркса, а с другой – в рамках ноосферной парадигмы, выдвинутой В.И. Вернадским, естественным образом ориентировал на учет как историко-культурного, так и доктринального плюрализма представлений о труде. Наличие упомянутого плюрализма не вполне осознавалось, что нашло отражение в социологических констатациях кризиса трудоцентризма в индустриальном обществе и прогнозах о «смерти труда» в грядущем информационном обществе.

Фактически речь шла об изменении ценности труда в культурах развитых государств, а концепт труда использовался в прогнозах в определенном смысле. В связи с этим работы Л.Б. Четыровой открыли новые исследовательские перспективы в интерпретации труда как феномена культуры, в изучении его ценности и смысла (значений), а также в дифференциации конструктов труда, функционирующих в различных ментальных полях [Четырова 1992; Четырова 1997; Четырова 2000; Четырова 2002]. Данные направления исследований оказались продуктивными и утвердились в отечественной философии труда [Ашкеров 2003; Туйцын 2009; Сидорина 2014; Сулима, Фофанов 2016]. Западные философы, как справедливо отмечается, в основном молчат о проблеме труда, хотя «размышления о природе и ценности труда можно найти во всей западной философской традиции, не только на полях и в сносках, но и в доктринальном ядре» [Smith 2016, 430].

Реконструируя системы интерпретации феномена труда в различных культурах, Л.Б. Четырова исходит из используемого А. Шюцем представления о труде как о реализации целей посредством физических (телесных) действий во внешнем мире [Четырова 2002, 18]. Соответственно, труд при этом включает в себя широкий спектр самых разных действий. Такая концепту-

альная рамка позволяет уловить смыслы труда, сформированные в различных культурных традициях.

В центре внимания Л.Б. Четыровой находится европейская культура, в истории которой выделяются следующие культурно-исторические эпохи: Архаика, Античность, Средневековье и Новое время. Соответствующие данным эпохам конструкты труда дифференцируются по стадиям развития этих эпох (ранним или поздним стадиям), социальной принадлежности, нормативности идеологического поля (версии девиантные), использованным мировоззренческим ресурсам, а также по авторским концепциям наиболее влиятельных мыслителей.

Этимологический экскурс в лексику индоевропейских языков показал, что слово «труд» имело значение муки, страдания, усилия, тягости [Четырова 2002, 27]. Современного значения слова «труд» как производительного процесса архаические термины не содержали.

В традиционных обществах, как пишет Л.Б. Четырова, трудовая деятельность включала в себя в качестве абсолютно необходимой составляющей магические, ритуальные действия [Четырова 2002, 62]. Поскольку творение мира богами сакрально, то и труд в мире, в котором все полно богов, есть священнодействие, совершаемое по технологиям, изложенным в мифах. Именно трудовые ритуалы и соучастие богов обеспечивали успешность охоты и рыбной ловли [Четырова 2002, 65]. Ввиду того, что рабы и чужеземцы не причастны местным богам, не были знакомы с обрядами, то их хозяйственная деятельность становилась проблематичной, если только она не получала сакральной санкции (как позднее – благословения у старообрядцев) [Четырова 2002, 49–50]. Но архаическое сознание амбивалентно. Срединный мир совершенно сакрален лишь во время праздников. Поэтому будничные труд – это бремя, рутина и тягость [Четырова 2002, 65–66].

Л.Б. Четырова полагает, что в нижнем мире нет труда. С этим трудно согласиться хотя бы из-за распространенности выражения «дьявольский труд». Да и в мифологиях боги нижнего мира чем-то заняты. Например, в мифологии ненцев владыка нижнего мира Нга в отношении своих плохих дел говорил: «Эту работу я очень люблю» [Попков, Тюгашев 2006, 342].

Античная мифология сохранила сакральное, но двойственное отношение к труду. Так, Гесиод понимал труд как совокупность усилий, необходимых для достижения крестьянином благополу-

чия. Но вместе с тем труд есть наказание богов [Четырова 2002, 71]. Л.Б. Четырова обращает внимание на то, что если Гесиод выступает как «идеолог» трудящегося землевладельца, то у Гомера наиболее важным видом труда признан ратный [Четырова 2002, 63].

В классической Античности труд представлен амбивалентно. В рабовладельческой системе интерпретации к нему отнесены война, спорт, поэзия. Телесный труд раба в целом воспринимали негативно. Вместе с тем рабский труд рассматривали в качестве необходимого условия созерцательного труда свободнорождённого человека, занятого возвращением души.

Киники под трудом понимали любые усилия, направленные на достижение блага. Исходя из этого, он осмыслялся как преодоление. При этом различали полезный и бесполезный труд: критерием различения служило согласие с природой [Четырова 2002, 99]. Труд ради богатства киники осуждали безоговорочно, т.к. он привязывает человека к повседневности, делает его суетным [Четырова 2002, 106]. Поэтому киники ориентировались на отказ от труда как способа жизнеобеспечения.

По оценке Л.Б. Четыровой, основы христианской теологии труда заложены византийским богословием в лице каппадокийцев [Четырова 2002, 109–136]. К труду они относили не только физический труд, но и любую деятельность, обеспечивающую человека средствами к жизни (в т.ч. разбой), а также врачевание души и тела, обучение, пляску и игру. Если на уровне профанного бытия труд есть забота о себе, то на сакральном уровне – это обязанность человека трудиться над Его садом, т.е. быть соучастником Бога в заботе о мире. Пчела для каппадокийцев была символом трудолюбия. Труд человека имеет подчиненное значение, что исключает возможность гордости у него за плоды своего труда, за свои умения. Высшим достоинством обладал телесный монашеский труд, направленный на преобразование души.

В высоком Средневековье церковь разработала позитивную теологию труда, в которой его восприятие как наказания сменилось образом труда как средства спасения. Если раньше некоторые занятия считали «бесчестными», то теперь оправдывали оплачиваемый труд торговца, ростовщика, преподавателя [Четырова 2002, 151].

Л.Б. Четырова полагает, что в Новое время сакральная концепция труда уступила место мирской концепции, сохранявшей первоначально элементы сакральности [Четырова 2004, 307].

Бюргерство сформировало идеологическое пространство протестантизма. Последний понимает спасение только как результат собственных усилий, а труд определяет как жизненное призвание, обязанность и долг [Четырова 2002, 37]. Я.А. Коменский характеризовал человеческую жизнь как муравьиный труд, и такой неустанный полезный труд он считал основой долголетия [Четырова 2004, 274].

В рыночном идеологическом поле, формировавшемся классиками политической экономии, труд рассматривали как общее дело наций, как тотальность, конституирующую богатство обществ. К. Маркс определил труд в качестве фундаментальной основы всемирной истории. В его интерпретации замещение в процессе производства человеческих сил силами природы превращает труд из страдания в творческое проявление способностей.

Характеризуя труд в этнической культуре кочевников постсоциализма, Л.Б. Четырова в традиционном репертуаре трудовых моделей выделяет ратный труд, скотокрадство, труд священнослужителей [Четырова 2018]. По ее наблюдениям, перекликающимся с концепцией ноосферного труда Т.Н. Сосниной, труд кочевника был экологичным и мало изменял окружающую их среду. Кочевники заботились о воспроизводстве пастбищ, чистоте и сохранности водных источников [Четырова 2019].

Достоинство трудовой культуры кочевников Л.Б. Четырова видит и в том, что ей присущи проницаемость границ труда и досуга, самоконтроль над ритмами жизни, символизм трудовых практик, а также навыки поведения в ситуации неопределенности [Четырова 2019]. Это может, на ее взгляд, содействовать адаптации представителей кочевых культур к труду в постиндустриальном обществе.

Предложенная Л.Б. Четыровой панорама представлений о труде позволила исследовательнице охарактеризовать его как духовно-практическую деятельность [Четырова 2002, 155]. Это универсализирующее понимание труда относимо к любой целеориентирующей жизнедеятельности, включая (с учетом последних данных этологии) муравьиный и пчелиный труд. Не дезавуируются и религиозно-мифологические представления о священном труде.

Очевидное разнообразие духовной культуры общества естественным образом определяет множественность интерпретаций труда. Эти интерпретации (в т.ч. архаические и реликтовые) со-

храняют свое значение в современности хотя бы потому, что по-прежнему существуют уклады общественной жизни, на основе которых они появились.

Заключение

В последние десятилетия XX века в философии труда возник парадигмальный кризис. Снижение занятости в сфере материального производства стало основанием прогноза о неизбежной «смерти труда». В постмодернистской перспективе «смерть» (или конец) предрекали не только труду, но и нации, праву, философии, искусству, субъекту (автору, герою), да и обществу в целом, особенно в связи с открытыми Римским клубом экологическими ограничениями роста человечества. При этом игнорировались неравномерность и нелинейность общественного развития, многообразие его форм.

Утверждение о грядущей «смерти труда» парадоксально, так как экологические проблемы обостряются. А это косвенно свидетельствует об экспансии материального производства и доказывает не просто живучесть труда, но и его мощь. Поскольку в позднем постмодернизме заговорили о «воскрешении субъекта», то ожидаемы констатации «возрождения» труда.

В действительности, если перейти от использования мифологем жизни и смерти к методологической рефлексии, то следует признать ограниченность конструкта труда, устоявшегося в философии. Для преодоления парадигмального кризиса необходимы деконструкция концепта труда и его реконструкция, учет интерпретаций труда в разных философских течениях, культурах и мировоззрениях. По этому пути пошли Т.Н. Соснина и Л.Б. Четырова. На интеллектуальный вызов, предсказывающий «смерть труда», самарская философия ответила *панэргонизмом* – картиной мира, утверждающей тотальность труда. Трудовое миропонимание онтологизирует популярный концепт «труд бытия» и продолжает традицию *эргодицеи*, различные версии которой разрабатывали мыслители Серебряного века русской культуры.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ашкеров 2003 – *Ашкеров А.Ю.* Философия труда // Социологическое обозрение. 2003. № 2. С. 50–70.

Могилевская 2012 – *Могилевская Г.И.* «Смерть труда»: постмодернистская рефлексия и реалии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3. Ч. 1. С. 127–130.

Попков, Тюгашев 2006 – *Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.* Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. – Салехард; Новосибирск: Сибирское науч. изд-во, 2006.

Сидорина 2014 – *Сидорина Т.Ю.* Цивилизация труда: заметки социального теоретика. – СПб.: Алетейя, 2014.

Соснина 1974 – *Соснина Т.Н.* Карл Маркс о производительных силах общества (анализ проблемы соотношения производительных сил и предмета труда). – М.: ИНИОН АН СССР, 1974.

Соснина 1976 – *Соснина Т.Н.* Предмет труда (философский анализ). – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1976.

Соснина 1977 – *Соснина Т.Н.* Предмет труда (философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. – Ленинград, 1977.

Соснина 1984 – *Соснина Т.Н.* Предмет труда и современное производство. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984.

Соснина 1997 – *Соснина Т.Н.* Материальные потоки производства (теория функционирования). – Самара: Самар. гос. аэрокосм. ун-т, 1997.

Соснина 2004 – *Соснина Т.Н.* Биосфера (анализ стоимостных параметров). – Самара: Самар. гос. арх.-строит. ун-т, 2004.

Соснина 2007 – *Соснина Т.Н.* Продукты природы и общества: сравнительный анализ. – Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2007.

Соснина 2008 – *Соснина Т.Н.* Стоимость: экономический, экологический, социальный аспекты (методологическое исследование). – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2008.

Соснина 2012 – *Соснина Т.Н.* В.И. Вернадский – энциклопедист и пророк. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2012.

Соснина 2018а – *Соснина Т.Н.* Карл Маркс о «простых моментах процесса труда». – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2018.

Соснина 2018б – *Соснина Т.Н.* Продукт: полный цикл (методологическое исследование). – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2018.

Сулима, Фофанов 2016 – *Сулима И.И., Фофанов Р.Ю.* Труд как ценность в истории философских взглядов // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения: сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). – Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. С. 120–125.

Туйцын 2009 – *Туйцын Ю.В.* О понимании труда в античном обществе и античной философии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2009. № 1. С. 101–115.

Фрумкин 2019 – *Фрумкин К.* Философия труда накануне его исчезновения // Знамя. 2019. № 8. С. 179–191.

Четырова 1992 – *Четырова Л.Б.* Проблема труда и человека в сочинениях Платона и Аристотеля // Производство и воспроизводство человека: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1992. С. 127–137.

Четырова 1997 – *Четырова Л.Б.* Труд как ценность в контексте российской и западной культуры // Человек – Философия – Гуманизм: тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского

конгресса: в 7 т. Т. 2. Философская мысль в России: традиции и современность. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. С. 321–323.

Четырова 2000 – *Четырова Л.Б.* Проблема онтологии труда в марксизме // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Серия: Философия. 2000. № 2. С. 73–82.

Четырова 2002 – *Четырова Л.Б.* Социальное конструирование труда. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2002.

Четырова 2004 – *Четырова Л.Б.* Конструирование труда в европейской культуре: дис. ... д-ра филос. наук. – Самара, 2004.

Четырова 2018 – *Четырова Л.Б.* Труд в этнической культуре кочевников постсоциализма (на примере бурят, калмыков, тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 40–71.

Четырова 2019 – *Четырова Л.Б.* Трансформация труда в постсовременном мире: ресурсы интеграции этнической трудовой культуры (на примере Тувы и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 77–88.

Шулико 2019 – *Шулико Г.А.* Упразднение работы как философская проблема: к истории вопроса в XX веке // Философская школа. 2019. № 7. С. 108–113.

Smith 2016 – *Smith N.H.* Introduction: Philosophy of Work // *Revue internationale de philosophie*. 2016. N° 4 (278). P. 429–433.

REFERENCES

Ashkerov A.Yu. (2003) Philosophy of Labor. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. No. 2, pp. 50–70 (in Russian).

Chetyrova L.B. (1992) The Problem of Labor and Human Being in the Works of Plato and Aristotle. In: *Production and Reproduction of a Human Being* (pp. 127–137). Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

Chetyrova L.B. (1997) *Work as a Value in the Context of Russian and Western Culture. Human Being – Philosophy – Humanism. Vol. 2: Philosophical Thought in Russia: Traditions and Contemporaneity* (pp. 321–323). Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publishing House (in Russian).

Chetyrova L.B. (2000) The Problem of Labor Ontology in Marxism. *Bulletin of Volzhsky University after V.N. Tatischev. Series: Philosophy*. No. 2, pp. 73–82 (in Russian).

Chetyrova L.B. (2002) *Social Construct of Labor*. Samara: Samara University Publishing House (in Russian).

Chetyrova L.B. (2004) *The Construction of Labor in European Culture* (dissertation). Samara: Samara University (in Russian).

Chetyrova L.B. (2018) Labor in the Ethnic Culture of Post-Socialist Nomads (Buryats, Kalmyks, and Tuvinians). *The New Research of Tuva*. No. 2, pp. 40–71 (in Russian).

Chetyrova L.B. (2019) Labor Transformation in Postmodern World: Integration Resources of the Labor Culture (The Case of Tuva and Kalmykia). *The New Research of Tuva*. No. 3, pp. 77–88 (in Russian).

Frumkin K. (2019) The Philosophy of Labor on the Eve of Its Disappearing. *Znanya*. No. 8, pp. 179–191 (in Russian).

Mogilevskaya G.I. (2012) "The Death of Labor": Postmodern Reflexivity and Realities. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. No. 3.1, pp. 127–130 (in Russian).

Popkov Yu.V. & Tyugashev E.A. (2017) *Northland Philosophy: Indigenous Small-Numbered Peoples of the North within the World Order Concepts*. Novosibirsk: Siberia Scientific Publishing House (in Russian).

Shuliko G.A. (2019) The Abolition of Work as a Philosophical Problem: Background Information in the 20th Century. *Filosofskaya shkola*. No. 7, pp. 108–113 (in Russian).

Sidorina T.Yu. (2014) *Labor Civilization: The Social Theorist's Notes*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Smith N.H. (2016) Introduction: Philosophy of Work. *Revue internationale de philosophie*. No. 4, pp. 429–433.

Sosnina T.N. (1974) *Karl Marx on Social Production Forces (Analyzing the Correlation Problem of Production Forces and Subject of Labor)*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Sosnina T.N. (1976) *The Subject of Labor: A Philosophical Analysis*. Saratov: Saratov State University Publishing House (in Russian).

Sosnina T.N. (1977) *The Subject of Labor* (dissertation). Saratov: Saratov State University Publishing House (in Russian).

Sosnina T.N. (1984) *The Subject of Labor and Modern Production*. Saratov: Saratov State University Publishing House (in Russian).

Sosnina T.N. (1997) *Material Production Flows: Theory of Functioning*. Samara: Samara Aerospace University (in Russian).

Sosnina T.N. (2004) *Biosphere: An Analysis of Cost Parameters*. Samara: Samara State University Publishing House (in Russian).

Sosnina T.N. (2007) *Products of Nature and Society: A Comparative Analysis*. Samara: Samara State Aerospace University Publishing House (in Russian).

Sosnina T.N. (2008) *The Value: Economic, Ecological, Social Aspects. A Methodological Study*. Samara: Samara Scientific Center Publishing House of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sosnina T.N. (2012) *Vernadskiy as an Encyclopedist and Prophet*. Samara: Samara Scientific Center Publishing House of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sosnina T.N. (2018a) *Karl Marx on the "Simple Moments of the Labor Process"*. Samara: Samara Scientific Center Publishing House (in Russian).

Sosnina T.N. (2018b) *The Product: Complete Cycle. A Methodological Study*. Samara: Samara Scientific Center Publishing House of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sulima I.I. & Fofanov R.Yu. (2016) Labor as a Value in the History of Philosophical Concepts. In: *Human Being of Labor and History: Topical Issues of History, Archival Studies and Document Science, III Smirnov Readings* (pp. 120–125). Cheboksary: Interactive Plyus (in Russian).

Tuytsyn Yu.V. (2009) On the Understanding of Labor in Ancient Society and Philosophy. *Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences*. No. 1, pp. 101–115 (in Russian).

О метафилософской концепции Г.Е. Корявко

Т.В. Филатов

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу метафилософской концепции Галины Егоровны Корявко (1944–2018) – доктора философских наук, профессора, выдающегося ученого и педагога, чья деятельность в Самарской области пришлась на 90-е годы XX века. Это были годы, тяжелые не только для государства в целом, но и для философии в частности, что было связано с кардинальным пересмотром отношения к марксизму, который в советский период рассматривался в качестве единственно истинного философского учения, а в постсоветское время по большей части скрывается за фигурой умолчания. Данное обстоятельство инициировало поиски новых, часто весьма далеких от марксизма интерпретаций смысла философской деятельности, природы философии, ее места в интеллектуальной культуре современной России. Практическая значимость подобных исследований определялась тем, что в новых условиях необходимо было в короткие сроки качественно перестроить преподавание курсов философии в российских вузах. Метафилософская концепция Г.Е. Корявко, созданная в конце 80-х годов XX века, была разработана, как и подавляющее большинство философских работ того времени, в контексте марксистской философской парадигмы, что в духовной атмосфере России последних 30 лет гарантировало ей практически полное забвение. В настоящей статье выявляются как сильные стороны подхода Г.Е. Корявко к пониманию философии, так и его спорные моменты; задача рассмотрения в целом – указать направление модернизации и нового прочтения данной концепции. Автор приходит к выводу, что концепция Г.Е. Корявко представляла собой одну из значимых и своевременных попыток осмысления концептуальных предпосылок кризиса общественного сознания в СССР в 80-е годы XX века, что предполагало существенную модернизацию советского марксизма с учетом новейших для того времени научных достижений, подготовивших вступление человечества в постиндустриальную и информационную эру. К сожалению, автору концепции не удалось диалектически реконструировать восходящее к Ф. Энгельсу понимание идеологии как ложного сознания, а также

обосновать принципиальную необходимость господства качественно различных форм ложного сознания в любых исторических типах цивилизационных сообществ.

Ключевые слова: метафилософия, общественное сознание, первобытное сознание, мифология, социальная философия, религия, идеология.

Филатов Тимур Валентинович – доктор философских наук, профессор, преподаватель кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.
tfilatoff1960@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6636-5243>

Для цитирования: *Филатов Т.В.* О метафилософской концепции Г.Е. Корявко // *Философские науки.* 2022. Т. 65. № 2. С. 81–98.
DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-81-98

On the Metaphilosophical Conception of G.E. Koryavko

T.V. Filatov

Samara National Research University, Samara, Russia

Abstract

The article examines the metaphilosophical conception of Galina Koryavko (1944–2018), doctor of philosophy, professor, an outstanding scholar and teacher, who worked in Samara in the 1990s. Those years were difficult not only for the country but also for Russian philosophy, it was caused by a radical revision of the attitude to Marxist philosophy, which in the Soviet period was considered as the only true philosophical teaching, whereas in the post-Soviet period, Marxism was mostly passed over in silence. This circumstance initiated the search for new, often very far from Marxism, interpretations of the meaning of philosophical activity, the nature of philosophy, its place in the intellectual culture of modern Russia. The practical significance of such studies was determined, first of all, by the fact that under the new conditions it was necessary, in a short time, to qualitatively restructure the teaching of philosophy courses in Russian universities. The metaphilosophical conception of G.E. Koryavko, developed in the late 1980s, was based, like the vast majority of philosophical works of that time, on the Marxist philosophical paradigm, which, in the spiritual atmosphere that has developed in Russia over the past 30 years, expectedly led this conception to almost complete oblivion. This study identifies the strengths of G.E. Koryavko's interpretation of philosophy and also identifies the controversial points inherent in that interpretation. The goal of the article to reconsider G.E. Koryavko's conception in order to indicate the directions of

strengthening and modernization, to carry out its new reading. The article's author comes to the conclusion that this conception represented one of the significant and timely attempts to comprehend the conceptual prerequisites of the crisis of public consciousness in the USSR in the 1980s, which implied a demand for significant modernization of Soviet Marxism, taking into account the latest scientific achievements for that time, the entry of mankind into the post-industrial and information era. Unfortunately, the author of the conception failed to dialectically reconstruct the interpretation of ideology as "false consciousness" (F. Engels), as well as to substantiate the fundamental need for the presence of qualitatively different forms of false consciousness in any historical types of civilizations.

Key words: metaphilosophy, social consciousness, primordial consciousness, mythology, social philosophy, religion, ideology.

Timur V. Filatov – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Samara National Research University.

tfilatoff1960@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6636-5243>

For citation: Filatov T.M. (2022) On the Metaphilosophical Conception of G.E. Koryavko. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 2, pp. 81–98. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-81-98

Введение

Метафилософская проблематика, ориентированная на прояснение вопроса «Что такое философия?», приобретает особую актуальность в кризисные для социума периоды. Применительно к новейшей истории России кризисными, вне всякого сомнения, являются 90-е годы XX века, когда произошел распад государства, сопровождавшийся обвалом экономики, «криминальной революцией» и переоценкой всех ценностей. Последнее коснулось прежде всего интеллектуального наследия марксизма, который в советский период имел статус единственно верной подлинно научной философии, а теперь либо интерпретируется как одно из величайших заблуждений человечества, либо – в большинстве случаев – вообще игнорируется. Сегодня работы, написанные в советском стиле, воспринимаются как архаизм: в советские времена так воспринимались рассуждения философов прошлых веков о Боге или бессмертии души. По мнению ряда исследователей, советский период развития отечественной философской мысли сегодня является достоянием истории, поскольку советская философия в России прекратила свое существование как «значимое ин-

теллектуальное явление» [Немцев 2010, 2]. Если следовать этому мнению, то тогда метафилософская концепция Галины Егоровны Корявко (1944–2018), вряд ли может рассчитывать на публичный успех в отечественном философском сообществе.

Во-первых, ее концепция была структурирована в марксистском ключе и весьма стройно вписывается в логику данного учения. Во-вторых, современная система оценки научных достижений носит исключительно количественный характер, так что современные наукометрические базы отражают не уровень профессионализма ученого, а его популярность в соответствующем профессиональном сообществе. В этих условиях «авторы одной книги», подобные Штирнеру с его «Единственным...» или Витгенштейну с его «Логико-философским трактатом», не могут рассчитывать на широкое признание и обсуждение. Наиболее же полно концепция Корявко была изложена автором в ее монографии «Философия как форма общественного сознания. Очерки теории и истории» [Корявко 1990а, 3–138], в диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук [Корявко 1990б] и в журнальной статье [Корявко 1992].

Но, на наш взгляд, новое понимание философии, развиваемое в работах Г.Е. Корявко, обладает значительным эвристическим потенциалом. В этой связи задачами настоящего исследования являются:

1. Методологический анализ метафилософской концепции Корявко, сопровождающийся рациональной реконструкцией означенной концепции.
2. Преодоление негативного отношения к марксистскому интеллектуальному наследию, характерного для последнего тридцатилетия.
3. Выявление слабых сторон в концепции Корявко и их диалектическая критика, направленная не на ее опровержение, а на ее усиление.

Решение данных задач имеет целью осуществить новое прочтение метафилософской концепции Корявко.

Многогранность философии

Метафилософская проблематика сопровождает философию практически с момента ее возникновения. Нами она рассматривается во «Введении в технологию философствования» [Филатов 1996], где в общих чертах воспроизводится спектр различных ва-

риантов ответа на вопрос: «Что такое философия?». Конечно, окончательный ответ на данный вопрос невозможен, во всяком случае, до тех пор, пока продолжается философствование. Так, по мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, считавших, что «философия – дисциплина, состоящая в *творчестве* концептов», «вопросом “что такое философия” можно задаваться лишь в позднюю пору, когда наступает старость, а с нею и время говорить конкретно» [Делез, Гваттари 1998, 14, 9].

Что касается метафилософской концепции Г.Е. Корявко, то в плане определения философии она гораздо менее конкретна, однако это, на наш взгляд, скорее ее плюс, чем минус. Тот факт, что философское сознание имеет своим конечным продуктом некую совокупность знаний, в том числе новых концептов, для Корявко не основание для сведения работы сознания к ее конечному продукту – знанию, что, по ее мнению, является неоправданным гносеологическим редуccionизмом, при котором история философии сводится к «истории знаний (категорий, теорий, идей, концепций)» [Корявко 1990а, 4].

Стремящиеся к конкретике Делез и Гваттари постулируют, что философия «не есть ни созерцание, ни рефлексия, ни коммуникация» [Делёз, Гваттари 1998, 15]. Аналогичные апофатические определения можно найти у М. Хайдеггера («Философия – ни наука, ни мировоззренческая проповедь» [Хайдеггер 1989, 117]) и Б. Рассела («Философия... является чем-то промежуточным между теологией и наукой... эта Ничья Земля и есть философия» [Рассел 1993, 7]). Напротив, в рамках диалектико-материалистической концепции Г.Е. Корявко философия – это и созерцание, и рефлексия, и коммуникация, и наука, и мировоззренческая проповедь, но не теология, поскольку отношение автора к религии является резко негативным, что вполне соответствует духу марксизма.

В целом, в рассматриваемой нами системе метафилософии выделяются следующие основные формы бытия философии: 1) философия как форма общественного сознания; 2) философия как рефлексия; 3) философия как мировоззрение; 4) философия как специфическая разновидность духовной (идеальной) деятельности; 5) философия как специфическая система знаний. При этом указанные выше ипостаси философии образуют очевидный иерархический ряд. Будучи формой общественного сознания, философия обладает способностью к развитию, к постоянной модификации благодаря рефлексии, понимаемой нами как способность

к самосознанию, что отличает ее от других форм общественного сознания, таких как религия и мифология. Аналогично последним формам, философия выполняет в обществе мировоззренческие функции, задавая ценностно-целевые установки, определяющие характер деятельности тех или иных социальных групп, а иногда и общества в целом. При этом означенная духовная деятельность принимает в философии специфическую форму, создавая между людьми систему особых отношений, именуемых Корявко идеальными. Конечным продуктом деятельности философского сознания является синтез особого типа философских знаний, отличающихся от идеальных продуктов активности других форм общественного сознания.

Таким образом, основной вопрос метафилософии «Что такое философия?» трансформируется в системе Корявко в принципиально иной вопрос: «Что представляет собой философское сознание?», – ответив на который, мы уясним, наконец, истинную природу философии.

Всеобщее как предмет философии

Прояснение сущности философии, очевидно, предполагает экспликацию ее предмета, особенно в том случае, если в духе марксистской традиции понимать философию как особую научную дисциплину. В этом вопросе Г.Е. Корявко следует утвердившемуся в отечественной философии прошлых лет пониманию означенного предмета как всеобщего [Корявко 1990а, 8]. В частности, утверждается, что «философия как форма общественного сознания помимо своего продукта, результата своей деятельности – всеобщего знания, отражающего свой особый объект – объективно-всеобщее, имеет и особую форму своей организации или свою структуру – совокупность тех идеальных отношений, посредством которых собственно и совершается общественный процесс самого отражения» [Корявко 1990а, 105]. В данном фрагменте фигурируют сразу два знаковых марксистских учения: ленинская теория отражения, последователи которой встречаются и в наши дни [Огородников 2016], и представление о философии как о наиболее общей науке [Кедров 1962].

Этап становления философского знания в античную эпоху завершается учением Аристотеля, в рамках которого бытие в целом, включая природу и общество, стало объясняться в рамках единой философской концепции. Данное учение впоследствии

господствовало на протяжении всего Средневековья, в том числе благодаря усилиям Фомы Аквинского, снявшего все противоречия между аристотелевской философией и христианской теологией. Однако коперниканская революция ожидаемо разрушила означенное единство, что повлекло за собой процесс дифференциации наук, активно протекавший в XVII–XX столетиях и продолжающийся в наши дни. В результате философия постепенно потеряла практически все свои предметные области, так что от них в ее ведении в наши дни, по мнению Б.М. Кедрова, остались только «логика и диалектика» [Кедров 1970, 149]. Заметим, что логика в ее классическом понимании – это наука о формальной стороне человеческого мышления; при этом содержательная сторона имеет здесь чисто иллюстративный характер, как, впрочем, и в математике, где речь идет не о физических объектах, а о математических абстракциях. Сложнее с диалектикой, со времен Гераклита претендующей на постижение не только форм мышления, но и законов бытия. Правда, предельная всеобщность (абстрактность) законов диалектики приводит к тому, что законы бытия одновременно оказываются законами мышления, так что воспроизводится та же ситуация, что и с формальной логикой.

Слабость подобного понимания предмета философии как всеобщего очевидна. Это отмечает и Корявко, критикуя «гносеологический редукционизм» в понимании философии: «Понятая таким образом философия порождает соответствующее общественное отношение к себе как к теоретическому конструированию, к схоластической игре праздного ума. Прерывается связь философии с жизнью. Деградирует общественная заинтересованность в философском сознании. Философия утрачивает роль реального общественного, национального самосознания, превращаясь в способ манипулирования теоретическими конструкциями» [Корявко 1990а, 3].

Понятие и структура общественного сознания

Истолкование философии как формы общественного сознания, а не как отдельной научной дисциплины или системы специфических знаний оказывается более перспективным прежде всего в мировоззренческом плане. Трудно (хотя и возможно) представить себе, например, физическое или химическое мировоззрение, не говоря уже о математическом. Однако с общественным сознанием всё тоже обстоит не столь однозначно, как это может показаться на

первый взгляд, поскольку в современном мире дифференцируется не только наука, но и общественное сознание, распадающееся на множество разнообразных, порой откровенно антагонистических форм. В данной связи Г.Е. Корявко констатирует, что «философское сознание, закономерности его возникновения, развития и функционирования во многом производны от сознания общественного, как форма последнего» [Корявко 1990а, 20]. Исходя из этого, она рассматривает структуры общественного сознания в его тотальности, безотносительно к фактической дифференциации, а затем полученные выводы автоматически переносятся на конкретную форму философского сознания. Автор метафилософской концепции подробно останавливается на диалектике индивидуального и общественного сознания, проясняя их отношение посредством категорий единичного, отдельного и общего, а также части и целого, констатируя, что «реальная диалектика сущности... находит свое выражение не столько в отношениях общего, единичного и отдельного, которые выражают статику сущности, ее завершенные формы, сколько в отношениях целого и частей, выражающих связь и взаимообусловленность многомерной сущности и ее отдельных выражений» [Корявко 1990а, 31]. Что же касается соотношения индивидуального и общественного сознания, то этот вопрос решается вполне по-марксистски: «У отдельного человека, без сомнения, нет своей, то есть отличной от общественных отношений сущности. Его сущность общественна» [Корявко 1990а, 31].

В конечном итоге Корявко приходит к трактовке структуры общества в духе популярного в годы создания ее концепции системного подхода, выделяя следующие его составляющие: 1) индивиды; 2) их взаимодействие друг с другом, составляющее экономическую, социально-политическую и духовную структуру общества; 3) интегративные свойства, присущие обществу в целом, но не его отдельным составляющим (в том числе общественное сознание) [Корявко 1990а, 32]. При этом само упоминание системного подхода в работе нигде не фигурирует. Соответственно, чтобы понять природу и особенности функционирования общественного сознания, необходимо изучить определенный тип отношений между индивидами, именуемых Корявко в соответствии с марксистской традицией идеологическими [Корявко 1990а, 33]. Однако далее автор корректирует словоупотребление, обозначая данные отношения как *идеальные*, «понимая под “идеологиче-

скими отношениями” их частную форму, присущую классовым формам сознания» [Корявко 1990а, 35].

Здесь же появляется идея о трехчленной структуре общественного сознания, включающего в себя нормативные элементы (обычаи, традиции, нормы, идеи, теории, учения) и два рода отношений – субъектно-объектные (познавательные) и субъектно-субъектные, обозначаемые, на наш взгляд, не вполне удачным термином «идеальные» [Корявко 1990а, 34]. При этом любая форма общественного сознания, очевидно, должна содержать все названные компоненты [Корявко 1990а, 35]; например, научное сознание предполагает некую совокупность идеальных отношений, а мифологическое и религиозное сознание имеют определенное познавательное отношение к действительности. Последний тезис с трудом вписывается в традиционное марксистское истолкование мифологии и религии как форм общественного сознания, связанных с иллюзорным и фантастическим восприятием реальности.

Далее, следуя марксистскому учению о базисе и надстройке, автор выделяет три типа общественных отношений: экономические (производственные), относящиеся, наряду с производительными силами, к реальному базису общества, а также надстроечные – социальные и идеальные отношения. При этом «субстратным характером обладают лишь экономические и социальные отношения. Идеальные же отношения имеют функциональную природу» [Корявко 1990а, 41]. Однако в классовом обществе «в результате отчуждения» происходит разделение данных типов отношений, и, соответственно, производственной, социально-управленческой и духовной деятельности, которая начинает восприниматься задействованными в ней индивидами не функционально, а субстанционально, что не соответствует действительности [Корявко 1990а, 42]. Нетрудно заметить, что из предложенной классификации выпадают субъект-объектные, или познавательные, отношения, поскольку духовная деятельность здесь и далее в тексте соотносится преимущественно с идеальными, т.е. субъект-субъектными отношениями.

Историческая эволюция общественного сознания

В соответствии с марксистской методологией прояснение сущности и структуры общественного сознания должно подкрепляться анализом его исторической эволюции, поскольку только это позволит нам выйти непосредственно на философское сознание,

прояснив тем самым природу философии, ее место и функции в современной духовной культуре. При этом марксистская традиция предполагает мышление в соответствии с формационным подходом, в классическом варианте которого выделяется *пять* общественно-экономических формаций, или качественно различных ступеней прогрессивного развития человечества: первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической. Здесь нас ожидает первая неожиданность. Г.Е. Корявко использует иную, более простую формационную схему, правда, так же вполне марксистскую. Автор указывает, что «в истории человеческого общества можно выделить *три* основных этапа становления сознательной деятельности, соответствующих трем, выделенным К. Марксом, основным способам общественной взаимосвязи людей – типам общественных отношений: первобытным, современным, зарождающимся отношениям коммунистической формации» [Корявко 1990а, 46]. Иначе говоря, рассматриваются три стадии эволюции общественного сознания: в бесклассовом первобытном обществе, где означенное сознание не дифференцировано, как и само общество; в классовых обществах, экономическая дифференциация которых находит свое отражение в дифференциации общественного сознания, в распадении его на множество локальных, порой антагонистических форм; и, наконец, в бесклассовом коммунистическом обществе, о котором автор не говорит ничего, хотя, по логике развиваемого автором построения, общественное создание коммунистического общества должно вновь стать недифференцированным.

Смысл подобного методологического приема становится ясен из дальнейшего. Корявко видит свою задачу в прояснении природы философии через прояснение природы философского сознания, а вовсе не в прояснении природы общественного сознания в целом. Автор не ставит перед собой подобной задачи, хотя и считает ее важной. По этой причине он переходит от первобытного общества непосредственно к «современному», т.е. к капиталистической формации, минуя две предшествующие – рабовладельческую и феодальную. Последнее, на наш взгляд, объясняется тем обстоятельством, что философское сознание возникает как продукт распада первобытного сознания еще в рабовладельческую эпоху, что позволяет автору определить его как «одну из первых» форм «постпервобытного сознания» [Корявко 1990а, 67].

Вернемся, однако, к конструкту первобытного сознания. Автор определяет его как коллективное по форме организации и мифологическое по содержанию, в то время как содержание современного сознания определяется им как идеологическое [Корявко 1990а, 46]. При этом не учитывается то обстоятельство, что мифология не осталась в прошлом, явственно присутствуя в современном общественном сознании в качестве одной из его форм. Автор понимает мифологию вполне в марксистском ключе, утверждая, что «мифологическое сознание порождено особым отношением первобытного субъекта к миру – испугом перед ним» [Корявко 1990а, 53]. В соответствии с этим в качестве достоинства философии автор указывает на то обстоятельство, что именно она «с самого начала выполняет роль рационального очистителя знания от элементов мифологии» [Корявко 1990а, 99]. Симптоматично, что в работе практически не анализируется *содержание* мифологического сознания, суть которого, на наш взгляд, заключается в *мышлении по аналогии*: первобытный человек приписывает собственные признаки объектам окружающего мира – в том числе не только животным, но неодушевленным предметам, – т.е. мыслит их живыми и разумными.

Мифологическое сознание исторически отнюдь не преодолевается. Оно остается с нами навсегда, но в форме пережитков, порой весьма масштабных в социальном плане, подобных наблюдаемой ныне на Западе борьбе за права животных и права растений. Просто механизм организации дифференцированного общественного сознания предполагает не только взаимодействие его различных форм, каждая из которых относительно автономна от других, но и доминирование *одной* из этих форм, с которой, на данном историческом этапе, вынуждены соотноситься все прочие, грубо говоря, подстраиваясь под нее. Последнее отражает иерархический строй классового общества, разделенного, согласно марксизму, на несвободное большинство, подавляемое эксплуатирующим его меньшинством.

Следуя духу своего времени (конец 80-х годов XX века), автор истолковывает обозначенную выше проблему в ином ключе. «Реальная история человеческого духа более свидетельствует о наличии не “момеханизма”, а “полимеханизма” универсализации сознания. По-своему реализовывали эту задачу религия, искусство, позже – естествознание». Правда, автор оговаривается: «Хотя философии в истории постоянно принадлежит в этом деле

особая роль. Философское сознание по своей природе наиболее адекватно всеобще-универсальной форме общественного сознания» [Корявко 1990а, 90]. Иначе говоря, нас пытаются убедить в том, что в современном капиталистическом обществе в структуре общественного сознания доминирует философия, с которой вынуждены соотноситься все прочие формы, включая научное, эстетическое, моральное, политическое и прочее сознание. В это трудно, но вполне можно поверить. Однако утверждение о том, что философия доминировала в рабовладельческую и феодальную эпохи, очевидным образом не соответствует действительности, поскольку в этот исторический период доминировала *религия*. Скорее всего, именно поэтому автор использует трехчленную, а не пятичленную схему исторической эволюции общественного сознания; ведь в этом случае из нее исключается религия, которая истолковывается автором в лучших традициях «воинствующего материализма». «Изначальная иллюзорность религии... генетическая связь с содержанием предшествующего первобытного сознания (преимущественно связь с фантастическим содержанием его), использование веры в качестве способа универсализации сознания – все это делает отношения религиозного сознания узкофункциональными, а его содержание – практически неразвитым... Религия оказывается чуждой иным формам сознания... и, вообще, чуждой любому содержанию сознания, которое соответствует реальности» [Корявко 1990а, 90–91]. Иначе говоря, адекватная философия на протяжении большей части своей истории была вынуждена противостоять таким полным «неадекватам» как мифология и религия, а, точнее, подстраиваться под них, о чем свидетельствует, в частности, известное изречение Климента Александрийского: «Философия – служанка теологии» [Климент Александрийский 2018, Кн. I, V].

Экспликация понятия «идеология»

Выше указывалось, что целью настоящего исследования является не критическая оценка метафилософской концепции Г.Е. Корявко, а новое ее прочтение с целью элиминации тех ее составляющих, которые не выдержали проверки временем, и развития тех ее положений, которые представляются перспективными.

Элиминативные концепции вообще малопродуктивны. Нельзя, например, согласиться с таким подходом к мифологии и рели-

гии. Это *необходимые* этапы развития общественного сознания, которые отнюдь не сводятся к фантастическому. Религия приватизирует многие элементы предшествующего мифологического сознания, но принципиально отлична от него. Окружающий мир более не очеловечивается, животные в нем не разговаривают, как иноплеменники, на непонятном нам языке, а большая часть составляющих его предметов вообще неодушевленные. Однако параллельно с нашим миром существует другой мир, где обитают иные, не видимые нами существа: боги, ангелы, демоны, души умерших людей и т.д. Если мифологическое сознание развивается преимущественно экстенсивно, посредством бессистемного синтеза новых мифов, то религиозное сознание в историческом плане тяготеет к качественным изменениям: от политеизма – к монотеизму, от племенных и национальных религий – к мировым.

Вместе с тем, фигурирующее в рассматриваемой концепции разделение идеологических и идеальных отношений [Корявко 1990а, 35], вне всякого сомнения, является методологически продуктивным. Следует отметить, что расширительная трактовка идеологии как *ложного сознания*, характерна для классического марксизма. Например, Ф. Энгельс указывал, что «идеология – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах» [Энгельс 1966]. Нетрудно убедиться, что под это определение подпадают все доминирующие формы общественного сознания классовых обществ, в том числе постпервобытные этапы исторической эволюции мифологии и религия. Однако сюда же вполне можно отнести идеологии более позднего исторического периода – либеральную и неолиберальную, фашистскую и нацистскую, и даже коммунистическую, непосредственно базирующуюся на идеях Маркса и Энгельса.

На наш взгляд, методологически более целесообразно разделить понятия «мифология», «религия» и «идеология». В этом случае под идеологией следует понимать нововременную модификацию религии, когда вера в чувственно не воспринимаемые антропоморфные существа, действиями которых объясняются природные и социальные явления, замещается верой в определенные идеи, посредством которых объясняются те же природные и социальные

явления. В этом плане можно, в частности, говорить о *религиозной идеологии* как о вере в рациональность организации социальной жизни по канонам определенной религии.

В современном мире понимание идеологии изменилось: достаточно сравнить энгельсовский анализ идеологической ситуации в Европе в конце XIX в. в письме к Францу Мерингу и суждения современных идеологов, прекрасно сознающих ложность и классовую обусловленность обслуживаемой ими идеологии, но при этом считающих свою «духовную» деятельность «ложью во спасение». В обоснование такой позиции в XX столетии создаются специальные теории; одна из самых эффективных – концепция *деидеологизации* [Попов, Тенекчян 2005, 80], согласно которой в современных либеральных обществах Запада общественное сознание постепенно очищается от ложных идеологических догм, поскольку вследствие развития науки и новых информационных технологий общественная жизнь предельно рационализируется. В этом плане уникальна ситуация в современной России, где деидеологизация официально закреплена в Конституции (ст. 13.2). При этом идеология в России, конечно же, есть, но ее существование формально никак не обозначено, так что даже у специалистов возникают по этому поводу вопросы [Олейников, Алещенков 2013].

Что же касается философии, то в современном мире она обслуживает интересы господствующих идеологий, а вовсе не доминирует в структуре современного общественного сознания, рационально организуя его, как хотела доказать Корявко с помощью своей метафилософской концепции. При этом в современных либеральных обществах степень свободы философствования предельно широка – синтезировать можно практически любые концептуальные структуры, однако востребованы только те, которые вписываются в идеологические стандарты соответствующего социума.

Заключение

Метафилософская концепция Г.Е. Корявко была создана более 30 лет назад, когда явственно ощущался кризис господствующей коммунистической идеологии и обслуживающей ее советской философии. Эвристическая ценность данной концепции заключалась, прежде всего, в ее *своевременности*, в осознании того, что гибель стран и народов, крушение цивилизаций, казавшихся их представителям незыблемыми и практически вечными, происходит не только по очевидным материальным причинам как

внутреннего, так и внешнего характера, но и вследствие кризиса соответствующего типа духовности, *патологии* того или иного вида общественного сознания, проще говоря, *утраты веры* в существующую систему ценностей. Именно поэтому наша страна, пережившая самую страшную войну в своей истории, спустя 16 лет после этого отправила первого человека Земли в космос, чтобы через 30 лет после этого внезапно распасться без серьезных *внешних* причин. Г.Е. Корявко правильно смещает акценты от сферы бытия к сфере сознания, однако в своей трактовке идеологии она не возвращается к Энгельсу, потому что в этом случае необходимо было бы осуществить «восхождение от единичного к особенному и от особенного к всеобщему» [Энгельс 1961, 540], т.е. признать ложность *любой* идеологии, в т.ч. коммунистической. Увы, в рамках советской философии данный шаг так и не был сделан, даже в последние годы существования СССР. В результате общественное сознание советского народа стремительно скатилось к деструктивному заблуждению, аналогичному *сатанизму* позднего Средневековья: если коммунистическая идеология оказалась ложной, то единственно истинной, конечно же, является *противоположная ей* либеральная и неолиберальная идеология, господствующая в странах Западной Европы и США.

В наши дни вопрос о природе философского знания и его месте в структуре современного общественного сознания стоит не менее остро, чем в последнее десятилетие XX века. Жесткий идеологический пресс советского времени сменился противоположным, неолиберальным механизмом идеологического регулирования, переходящим в полную идеологическую неопределенность на фоне превращения духовной деятельности, включая научную, в некую разновидность транснационального бизнеса, когда не качество интеллектуальных разработок, а деньги и реклама в конечном итоге становятся решающим фактором.

Проблема, однако, даже не в будущем философии в постсоветской духовной реальности России. Следует задаться вопросом: почему ориентированная на поиск истины философия, начиная с момента своего возникновения, обслуживает интересы доминирующих на протяжении всей истории человечества форм «ложного сознания»: мифологии, религии, идеологии? На наш взгляд, ответ на данный вопрос может быть следующим. Научный прогресс в эпоху классической науки XVII–XIX веков породил в качестве одной из философских идей механицизм, следствием

которого явилась идея рациональности как возможности точно просчитать эволюцию объектов любой природы, подобно тому, как астрономы с точностью до минуты высчитывают солнечные и лунные затмения. Однако развитие в конце XX – начале XXI века общей теории систем и синергетики, позволило установить, что просчитываемы только простые механические системы с однозначной детерминацией; сложные же системы, на эволюцию которых влияет неопределенное множество факторов, просчитать даже в среднесрочной перспективе практически невозможно. Например, распад СССР явился полной неожиданностью не только для большинства граждан этой страны, но и для большинства американских советологов, что вовсе не свидетельствовало об их низкой профессиональной квалификации.

Иначе говоря, *рационально организовать социальную жизнь нельзя*, причем даже не по онтическим, а по онтологическим причинам. Современная экзистенциальная философия приходит к однозначному выводу: *в мире нет ничего вечного, все временно*. Неслучайно ключевой труд одного из крупнейших представителей этого направления – М. Хайдеггера – имеет название «Бытие и время» [Хайдеггер 1997]. Все живущие сегодня люди умрут, равно как их дети, внуки и правнуки; империи, создаваемые многими поколениями, рухнут одновременно, как это не так давно произошло с Британской империей – крупнейшей на планете; многие народы уже вымерли, другие движутся к этому; научные достижения сегодняшнего дня, вполне возможно, могут оказаться заблуждениями после очередной научной революции и т.д. Получается, что человеческая жизнь и в целом, и в частностях – предприятие онтологически бессмысленное и потому изначально нерациональное. Неудивительно, что для ее оправдания требуется работа «ложного сознания», которое окончательно оформляется именно в классовых обществах, в условиях отчужденного труда, бессмысленного для принужденного к нему индивида.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Витгенштейн 2020 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. – М.: АСТ, 2020.

Делез, Гваттари 1998 – *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998.

Кедров 1962 – *Кедров Б.М.* Философия как общая наука // Вопросы философии. 1962. № 5. С. 44–58.

Кедров 1970 – *Кедров Б.М.* Энгельс и диалектика естествознания. – М.: Политиздат, 1970.

Климент Александрийский 2018 – *Климент Александрийский*. Строматы. Книги I–VII / пер. Афонасина Е.В. – М.: Изд-во Олега Абышко, 2018.

Корявко 1990а – *Корявко Г.Е.* Философия как форма общественного сознания. Очерки теории и истории. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990.

Корявко 1990б – *Корявко Г.Е.* Философское сознание: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра филос. наук. – Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1990.

Корявко 1992 – *Корявко Г.Е.* Философское сознание как рефлексия // Вестник МГУ им. М.В. Ломоносова. Сер. 7. Философия. 1992. № 3. С. 65–74.

Немцев 2010 – *Немцев М.Ю.* Философия в СССР как предмет и тема истории философии // Идеи и идеалы. Т. 2. № 4. С. 2–19.

Огородников 2016 – *Огородников В.П.* Ленинская теория отражения и борьба с антинаучным мировоззрением // Ленин в современном мире / под ред. М.В. Попова. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2014. С. 109–114.

Олейников, Алещенков 2013 – *Олейников А.А., Алещенков В.А.* К вопросу о том, какая идеология господствует в современной России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 9. С. 67–68.

Попов, Тенекчян 2005 – *Попов М.Ю., Тенекчян А.А.* К истории развития понятия «идеология» в зарубежной науке // Общество и право. 2005. № 4(10). С. 76–82.

Рассел 1993 – *Рассел Б.* История западной философии в 2-х ч.: Ч. 1. – М.: МИФ, 1993.

Филатов 1996 – *Филатов Т.В.* Введение в технологию философствования. – Самара: Изд-во Самар. гос. с.-х. академии, 1996.

Хайдеггер 1989 – *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 116–157.

Хайдеггер 1997 – *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997.

Штирнер 2020 – *Штирнер М.* Единственный и его собственность. – М.: Рипол, 2020.

Энгельс 1961 – *Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения / 2-е изд. Т. 20. – М.: Политиздат 1961. С. 339–626.

Энгельс 1966 – *Энгельс Ф.* Письмо Францу Мерингу 14 июля 1893 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения / 2-е изд. Т. 39. – М.: Политиздат, 1966. С. 82–86.

REFERENCES

Clement of Alexandria (2018) *Stromata*. Moscow: Oleg Abyshko Publishing (in Russian).

- Deleuze G. & Guattari F. (1998) *What Is Philosophy?* Moscow: Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg: Aletheia (Russian translation).
- Engels F. (1961) *Dialectics of Nature*. In: Marx K. & Engels F. *Works* (Vol. 20, pp. 339–626). Moscow: Politizdat (Russian translation).
- Engels F. (1966) Letter to Franz Mering on July 14, 1893. In: Marx K. & Engels F. *Works* (Vol. 39, pp. 82–86). Moscow: Politizdat (Russian translation).
- Filatov T.V. (1996) *Introduction to the Technology of Philosophizing*. Samara: Samara Agriculture Academy Publishing House (in Russian).
- Heidegger M. (1989) The Fundamental Concepts of Metaphysics. *Voprosy filosofii*. No. 9, pp. 116–157 (Russian translation).
- Heidegger M. (1997) *Being and Time*. Moscow: Ad Marginem (Russian translation).
- Kedrov B.M. (1962) Philosophy as a General Science. *Voprosy filosofii*. No. 5, pp. 44–58 (in Russian).
- Kedrov B.M. (1970) *Engels and the Dialectics of Natural Science*. Moscow: Politizdat (in Russian).
- Koryavko G.E. (1990a) *Philosophy as a Form of Social Consciousness. Essays on Theory and History*. Saratov: Saratov University Publishing House (in Russian).
- Koryavko G.E. (1990b) *Philosophical Consciousness* (dissertation). Kuibyshev: Kuibyshev State University Publishing House (in Russian).
- Koryavko G.E. (1992) Philosophical Consciousness as Reflection. *Moscow University Journal. Series 7: Philosophy*. No. 3, pp. 65–74 (in Russian).
- Nemtsev M.Yu. (2010) Philosophy in the USSR as a Subject and Theme of the History of Philosophy. *Idei i idealy*. Vol. 2, no. 4, pp. 2–19 (in Russian).
- Ogorodnikov V.P. (2016) Lenin's Theory of Reflection and the Fight against Anti-Scientific Worldview. In: Popov M.V. (Ed.) *Lenin in the Contemporary World* (pp. 109–114). Saint Petersburg: Polytechnical University Publishing House (in Russian).
- Oleynikov A.A. & Aleshchenkov V.A. (2013) On the Question of which Ideology Dominates in Modern Russia. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. No. 9, pp. 67–68 (in Russian).
- Popov M.Yu. & Tenekchiyan A.A. (2005) On the History of the Development of the Concept of Ideology in Foreign Science. *Obshchestvo i pravo*. No. 4, pp. 76–82 (in Russian).
- Russel B. (1993) *A History of Western Philosophy* (Vol. 1). Moscow: MIF (Russian translation).
- Stirner M. (2020) *The Ego and His Own*. Moscow: Ripol (Russian translation).
- Wittgenstein L. (2020) *Tractatus logico-philosophicus*. Moscow: AST (Russian translation).

Проблемное поле антропологии жертвы: опыт исследования*

М.А. Корецкая

Самарский государственный медицинский университет,

Самара, Россия

*Самарский филиал Московского городского педагогического
университета, Самара, Россия*

А.Е. Сериков

Самарский национальный исследовательский университет

имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

Аннотация

В статье сформулированы основные проблемы, формирующие исследовательское поле антропологии жертвы. Первая группа проблем связана с описанием фундаментального антропологического характера феномена жертвы и с попыткой ответить на вопрос, является ли жертвоприношение культурной универсалией, и если да, то на чем эта универсальность может основываться, какие прототипические формы жертвоприношения можно выявить и каким образом описать. Вторая группа проблем связана с задачей понимания того, как меняется феномен жертвы сегодня и какой антропологический смысл имеют эти изменения. В ситуации табуирования явного человеческого жертвоприношения можно говорить о появлении замещающих практик и возникновении аналогов, в которых структурные элементы классического ритуала распределены в пространстве и времени и представлены в ином порядке. В результате жертвы-пострадавшие выступают для современного общества аналогами священных жертв жертвоприношения и поэтому часто проходят через сакрализирующие ритуалы и практики. Однако принципиально важным является вопрос о том, означает ли изменение структуры в распределенном жертвоприношении изменение социальных функций. И если эти изменения имеют место, то насколько существенным является их характер, насколько глубоко затрагивают они само смысловое ядро антропологии жертвы.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 19 011 00872 «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн».

Третья группа проблем связана со сферой праксиса в классическом его понимании, т.е. представляет собой вопросы, касающиеся политических, экономических и этических импликаций, связанных с феноменом жертвы и аналогами ритуала жертвоприношения в современных обществах. Здесь невозможно избежать соотнесения современных дискурсов и практик с архаическими прототипами, а главное – описания трансформаций и изменения проблематики антропологического смысла жертвоприношения. Поскольку современное общество погружено в медиасреду, чрезвычайно важным является обсуждение влияния последней на эти процессы. В целом антропология жертвы как исследовательский проект позволяет посмотреть на многие острейшие социальные вопросы современности под новым углом зрения.

Ключевые слова: философская антропология, жертвоприношение, ритуал, сакрализация, биополитика, травма, коллективное тело.

Корецкая Марина Александровна – доктор философских наук, доцент, и.о. зав. кафедрой философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, профессор кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

listarh@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6910-8744>

Сериков Андрей Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

aeserikov@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Для цитирования: *Корецкая М.А., Сериков А.Е.* Проблемное поле антропологии жертвы: опыт исследования // Философские науки. 2022. Т. 65. № 2. С. 99–119. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-99-119

The Problem Field of the Anthropology of Sacrifice: A Research Experience*

M.A. Koretskaya

Samara State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Samara, Russia

Samara branch of Moscow City University, Samara, Russia

* The authors gratefully acknowledge the support of the Russian Foundation for Basic Research under grant no. 19 011 00872 “Philosophical Anthropology of Sacrifice: Sacralization, Management, Design.”

Abstract

The article formulates the main issues that form the research field of the anthropology of sacrifice. The first group of problems is associated with a description of the fundamental anthropological nature of the phenomenon of sacrifice and answering the question of whether sacrifice is a cultural universal, and if so, what this universality can be based on, what prototypical forms of sacrifice can be identified and how they can be described. The second group of problems is associated with the task of understanding how the phenomenon of sacrifice is changing today and what anthropological meaning these changes have. In a situation where explicit human sacrifice is taboo, one can speak of the emergence of substitute practices and the emergence of analogs in which the structural elements of the classical ritual are distributed in space and time and are presented in a different order. As a result, in modern society, victims-sufferers are analogous to classical sacrificial victims and therefore often go through sacralizing rituals and practices. However, a fundamentally important question is whether a structure change in distributed sacrifice incurs a change in social functions? And if these changes exist, how essential they are, how much they affect the very semantic core of the anthropology of sacrifice. The third group of problems is associated with the sphere of praxis in its classical understanding, i.e., it represents issues related to political, economic, and ethical implications associated with the phenomenon of sacrifice and analogs of the ritual of sacrifice in modern societies. Here it is also impossible to avoid relating modern discourses and practices to archaic prototypes and identifying similarities and differences, and most importantly, describing transformations and problematizing their anthropological meaning. Since modern society is immersed in the media environment, it is extremely important to discuss the influence of the media on these processes. In general, the anthropology of sacrifice as a research project allows us to look at many of the most pressing social issues of our time from a new angle.

Keywords: philosophical anthropology, victim, ritual, sacralization, biopolitics, trauma, collective body.

Marina A. Koretskaya – D.Sc. in Philosophy, Associate Professor, Acting Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation; Professor, Professor, Department of History, International Law and Foreign Countries Studies, Samara branch of Moscow City University, Samara, Russia

listarh@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6910-8744>

Andrei E. Serikov – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Samara National Research University.

aeserikov@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

For citation: Koretskaya M.A. & Serikov A.E. (2022) The Problem Field of the Anthropology of Sacrifice: A Research Experience. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 2, pp. 99–119. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-99-119

Введение

Данная статья посвящена описанию проблемного поля антропологии жертвы и обоснованию актуальности этой исследовательской области. В гуманитарном знании феномен жертвы традиционно рассматривался, по крайней мере, в трех независимых друг от друга перспективах. В культурной антропологии представлен ряд концепций, объясняющих смысл, логику и социальные функции ритуальной практики жертвоприношения. В виктимологии исследуется жертва в совершенно ином смысле: предпринимаются попытки описать типичные психологические и поведенческие черты людей, предрасположенных к тому, чтобы стать жертвами преступления, а также уделяется внимание типичным чертам ситуации преступления. И, наконец, фигура жертвы оказывается в фокусе обширных исследований культурной травмы, что предполагает экспликацию характерных черт нарратива жертвы и анализ условий успешности его воздействия на аудиторию. В каждой из этих перспектив сформировался свой спектр проблем, однако не предпринимались попытки подвергнуть рефлексии феномен жертвы в целом с учетом его многозначности. Первой задачей в таком случае является описание проблемного поля антропологии жертвы, а также предварительная категоризация проблем, которые, на наш взгляд, требуют исследовательского внимания в ближайшей перспективе.

Исследовательская группа, занимающаяся в Самаре проблематикой антропологии жертвы, включает в себя четырех человек: Марину Корецкую, Андрея Серикова, Елену Иваненко и Елену Савенкову. Проект возник в интеллектуальной атмосфере кафедры философии Самарской гуманитарной академии, с которой в той или иной степени были связаны все четыре участника. С момента своего появления в 1992 году и до закрытия вуза в 2019 году данная кафедра играла роль интеллектуальной площадки, на

которой регулярно проходили конференции российского уровня в жанре творческих семинаров и круглых столов¹; с 2006 года силами кафедры дважды в год издавался «Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия философия и филология» и с 1999 года – ежегодник «Mіxtura Verborum», который с 2021 года продолжил свое существование на базе Самарского государственного университета (научный редактор обоих изданий – проф. С.А. Лишаев).

Интерес к рассматриваемой теме возник у авторов в контексте вопроса о том, какие элементы культуры (будь то мифологемы или ритуальные практики), типичные для условных архаических обществ, обнаруживаются в современных обществах и как они трансформируются в современном контексте. Соответствующий сравнительный анализ был представлен, в частности, в коллективной работе по медиафилософской проблематике [Иваненко и др. 2012б]. Серия работ тех же авторов на данную тему начинает выходить с 2012 года [Иваненко и др. 2012а]. В 2014 году М. Корецкой и Е. Савенковой были сделаны доклады на международной конференции «Террор и культура» в СПбГУ [Террор и культура... 2016]. В фокусе их выступлений была проблема различия священного статуса ритуальной жертвы архаических культур и статуса жертвы-пострадавшего, типичной для современности. Так, Корецкая исследовала роль жертвы в процессах сакрализации и деса-крализации власти [Корецкая 2019]. А. Сериков подходит к теме жертвы, исследуя типичные социологические, психологические и антропологические ситуации и психофизиологические состояния, порождающие различные варианты ритуального поведения. Одной из таких типичных ситуаций является религиозный ритуал, в контексте которого жертвоприношение может рассматриваться как культурная универсалия, обладающая определенными характеристиками и индуцирующая соответствующее поведение [Сериков 2013].

В октябре 2017 года исследовательская группа провела на базе Самарской гуманитарной академии Всероссийскую научную конференцию с иностранным участием «Антропология жертвы: от архаических корней к современным контекстам», которая показала, что тема чрезвычайно востребована и остра, имеет множество аспектов и требует всестороннего изучения. В конференции

¹ Обзор конференций представлен на сайте «Философская Самара». – URL: <http://www.phil63.ru/category/4-konferentsii>

приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Нижнего Новгорода, а также Вильнюса и Амстердама. Присутствовали также известные специалисты – авторы исследований, близких по своей проблематике к теме конференции: Валерий Савчук, который в своих работах «Кровь и культура» и «Медиафилософия: приступ Реальности» поднимает проблему феномена неоархаики и роли жертвы в нем; Сергей Зенкин – автор книги «Небожественное сакральное»; Сергей Фокин – переводчик и исследователь творчества Жоржа Батая. Конференция была поддержана фондом ОГОН РФФИ (проект № 17-03-14065)². Доклады были опубликованы в специальном сборнике [Философская антропология... 2017], а также в тематическом выпуске «Международного журнала исследований культуры» (2017. № 4).

После конференции исследовательская группа продолжила работу над темой в рамках трехлетнего исследовательского проекта «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн», который получил поддержку РФФИ. Ход работы над проектом отражен в серии публикаций в таких журналах, как «Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия “Философия. Филология”», «Mixture Verborum», «Семиотические исследования», «Международный журнал исследований культуры», «Гуманитарный вектор», «Миргород», «EINAI: Философия. Религия. Культура», «Стасис», «Полис», и др. Участниками группы были сделаны доклады на конференциях российского и международного уровня: «История. Семиотика. Культура» (Самарский университет 2017), «Маргинальная антропология» (Самарский университет, 2019), «Модернизация культуры: знание как инструмент развития» (Самарский институт культуры, 2019), «Производство аффекта: практики, поэтики, политики, технологии манипуляции» (Самарский университет, 2019), Пятые Лемовские чтения (Самарский университет, 2020), «Руины и строители: интерпретация культурных кодов» (Саратовский государственный университет, Саратовский Художественный музей, 2020), «Деньги и процент. Экономика и этика» (СПбГУ, 2021), «Антропологический поворот: теории и практики» (Орловский государственный институт культуры, 2021) и др. Результаты трехлетнего исследования планируется обобщить в итоговой монографии, которая будет опубликована в 2022 году.

² Подробный отчет о событии включая видеозаписи докладов см.: <http://www.phil63.ru/konferentsiya-antropologiya-zhertvy>.

В данной статье представлен общий обзор проблем антропологии жертвы, проанализированных прежде в различных публикациях авторов, при этом акцент сделан именно на постановке проблем, а не на выдвижении гипотез или выводов, хотя некоторые тезисы, или предварительные результаты, здесь также будут изложены.

Многозначность понятия «жертва» и прототипические ситуации жертвоприношения

Одной из первостепенных является проблема соотношения различных значений ключевых для антропологии жертвы понятий *жертвоприношение*, *самопожертвование*, *жертва*. Прежде всего мы сталкиваемся с многозначностью понятия *жертва* как в обыденном, так и в научном словоупотреблении. В русской языковой культуре жертва – это и жертва-пострадавший, и священная жертва жертвоприношения, что уже свидетельствует о том, что феномен жертвы шире, чем практика жертвоприношения. В современном английском языке (международном языке научных исследований) ситуация несколько иная: разные типы жертв обозначаются разными словами – *victim* обозначает различные виды потерпевших, а *sacrifice* обозначает священную жертву и акт жертвоприношения, а также добровольный отказ от чего-то ценного. Один из возможных способов уточнения значения слов *жертва*, *victim* и *sacrifice* состоит в обращении к корпусной лингвистике. В этом случае проблему можно конкретизировать, выясняя, какие именно значения данных слов встречаются в корпусах русского и английского языков. Так, анализ прозы из параллельного английского подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) позволяет выявить 60 различных значений слова *victim*, 48 значений слова *sacrifice*, связанных с самопожертвованием, и 45 значений слова *sacrifice*, связанных с принесением в жертву кого-то (чего-то) другого [Сериков 2019].

Проблема понимания жертвоприношения и таких его разновидностей, как человеческое жертвоприношение и самопожертвование, тесно связана с вопросом о том, как вообще можно подходить к определению подобных категорий: понимать ли их в качестве категорий обыденного языка или в качестве категорий некоего специализированного (научного, философского) знания; определять их явным образом через перечень существенных признаков, как это принято в логике, или неким

другим образом, например, путем указания на прототипические примеры.

В частности, анализ различных значений самопожертвования в русскоязычной прозе в НКРЯ показывает, что между ними существуют отношения семейного сходства, по Витгенштейну, и нет таких существенных признаков, которые с необходимостью присутствуют во всех примерах самопожертвования. Поэтому кажется оправданным подход, основанный на теории прототипов Элеанор Рош [Rosch 1978]. Он дает возможность сформулировать следующие исследовательские вопросы: какие случаи самопожертвования воспринимаются как прототипические; как смыслы различных примеров самопожертвования изменяются в ходе истории; как изменяются прототипы самопожертвования? Наиболее прототипические случаи самопожертвования связаны с ситуациями, когда кто-то буквально отдает свою жизнь во имя религиозных или моральных принципов, ради спасения или благополучия других людей. С исторической точки зрения, самопожертвование – это ритуальное самоубийство, смысл которого постепенно трансформировался. Не только самопожертвование, но и различные варианты принесения жертвы в самом широком смысле этого слова могут быть поняты как результат исторической трансформации ритуалов жертвоприношения.

Жертвоприношение как антропологическая и культурная универсалия

В этом контексте важной является проблема понимания того, что такое ритуал и что такое жертвоприношение как один из важнейших ритуалов или как необходимая часть всякого ритуала. Эмиль Дюркгейм, Рой Рапппорт, Рэндалл Коллинз и другие исследователи ритуалов обращали внимание на то, что эффективность ритуалов – и религиозных, и повседневных – связана с обязательным присутствием недискурсивного эмоционального компонента, особой эмоциональной энергии действия. В частности, возникает вопрос, не создает ли ритуал жертвоприношения эффект доступа к трансцендентному опыту, или, если сформулировать иначе, не учреждает ли акт жертвоприношения сам регистр *сакрального*, «делая вещи священными» (*sacer facere*) [Shilling, Mellor 2013]. Соответственно, в чем могут заключаться социальные функции такого коллективного опыта? Можно, в частности,

предположить, что он производит веру в ценности, становясь тем самым основой социальной солидарности.

Сами эти вопросы предполагают функционалистский взгляд на ритуал и жертвоприношение, и если к определению жертвоприношения подойти с точки зрения его функций, то именно функции могут быть рассмотрены в качестве его существенных признаков. Но можно применить и структурный подход: определить жертвоприношение как ритуал, имеющий определенную структуру. Какой из этих подходов выбрать – это еще одна проблема антропологии жертвы, на этот раз методологическая. При этом результаты анализа феноменов жертвоприношения в рамках этих двух подходов могут не противоречить друг другу, а быть взаимодополняющими.

Понимание жертвоприношения через его функции порождает целый ряд дополнительных вопросов. Во-первых, различные исследователи предлагают около десятка гипотез относительно функций жертвоприношения и того, какие из них являются наиболее определяющими. В. Савчук, например, отстаивает позицию, согласно которой методологически неправильно искать какую-то одну главную функцию жертвоприношения [Савчук 2017]. Тем не менее вопрос остается открытым, и можно допустить, что одна из многочисленных функций жертвоприношения является более фундаментальной, чем другие. В таком случае это должна быть такая функция, которая реализуется только жертвоприношением либо его аналогами, и, возможно, делает жертвоприношение необходимым для человеческой культуры. В связи с этим возникают вопросы относительно того, каким образом некий элемент культуры вообще может быть необходимым, что такое аналоги, как их определять и наблюдать эмпирически и как отличить аналоги некоего феномена от совершенно иных независимых от него феноменов

Все сформулированные выше вопросы обретают особую остроту, если речь идет о принесении в жертву человека. При этом требуется выяснить, как связаны человеческое жертвоприношение и жертвоприношение вообще и не является ли первое исходной исторической формой всех других жертвоприношений; не является ли оно также культурной и антропологической универсалией, и если является, то в каких формах реализуется в современных развитых обществах; и, наконец, на чем эта универсальность может быть основана. Например, с психологической точки зрения,

основополагающую функцию жертвоприношения можно понять как связанную с удовлетворением некой фундаментальной потребности человеческой психики, некой глубинной мотивацией. И тогда исследовательская задача состоит в том, чтобы обнаружить эту мотивацию и доказать, что именно она, а не какая-то иная, является фундаментальной для человека, и может быть реализована только в жертвоприношении. Например, опираясь на под-сказки Зигмунда Фрейда, Джеймса Фрэзера, Клода Леви-Стросса и Жана Бодрийяра, можно предположить, что такой глубинной мотивацией является интерес к смерти и страсть к магическому контролю над смертью и воскрешением. С биологической точки зрения, основополагающую функцию жертвоприношения можно связать с реализацией неких генетически запрограммированных склонностей человека к определенному типу социальности и связанных с ним типов поведения. Например, Эдвард Уилсон высказал гипотезу об эусоциальности человека, т.е. об эволюционно обусловленном альтруизме, вполне допускающем не только отказ отдельных индивидов от собственного потомства во имя сообщества, но и возможность убийства отдельных членов сообщества ради блага всех остальных [Уилсон 2020]. В этом контексте одной из задач антропологии жертвы становится обнаружение того, как биологические предрасположенности людей к принесению и принятию жертвы реализуются в культуре. Если предрасположенность к принятию и принесению жертвы является для человека универсальной, нельзя ли обнаружить ранние проявления этой предрасположенности в поведении детей? Если предположение о биологической предрасположенности людей к жертвоприношению имеет гипотетический характер, возникает также вопрос о способах верификации и фальсификации данной гипотезы.

С другой стороны, тезис о жертвоприношении как об антропологической универсалии может приниматься не в абсолютном смысле, а с ограничениями конструкционистского характера, которые предполагают, что культурные и исторические различия не могут быть без остатка редуцированы к единой тождественной себе антропологической природе, имеет ли она фундамент в биологии или в структуре человеческой экзистенции. В таком случае в фокусе внимания окажется не реконструкция прототипической ситуации жертвоприношения, а жертва как культурный конструкт, всякий раз зависящий от социального и культурного контекста, и задача будет заключаться в том, чтобы сосредоточиться на описании различий

и выявлении возможных изменений социальных функций жертвы, которые она выполняет в различные периоды истории.

Трансформации жертвы в условиях современного табу на жертвоприношение

В современных развитых обществах понятие жертвы двойственно, а практики человеческого жертвоприношения в явном виде не существует. Морально оправданным и юридически допустимым сегодня может считаться (но не безусловно) только добровольное самопожертвование, но никоим образом не принесение в жертву других людей из религиозных или иных соображений. Можно сказать, что в современном обществе человеческое жертвоприношение табуировано. Соответственно, возникает вопрос о том, что является причиной этого табу.

История религий дает одно из возможных объяснений касательно того, когда и в какой логике ритуал человеческого жертвоприношения перестает практиковаться, по крайней мере, в откровенной форме. Речь идет о монотеизме авраамических религий, для которых ключевую роль играет история о незавершенном жертвоприношении Авраамом своего сына. В христианстве эта история дополняется евангельской историей об искупительной жертве Христа. В религиозной логике этих конфессий абсолютный характер воли Бога не предполагает возможности ею манипулировать с помощью жертвоприношений, а жертва Христа столь эксклюзивна, что на ее фоне любое человеческое жертвоприношение кощунственно. Однако эти религии все-таки сохраняют практики, символически замещающие человеческое жертвоприношение (такие как матах или причастие), так же, как и нарратив жертвоприношения [Human Sacrifice... 2007]. Поэтому влияние монотеизма не позволяет объяснить всех аспектов табуирования практики жертвоприношения.

Более релевантным фактором, на наш взгляд, является описанный еще Мишелем Фуко переход современных обществ от суверенной модели власти к биополитической. Если в основе суверенного типа власти лежит, прежде всего, право причинять смерть, то биополитика представляет собой диспозитив власти, ориентированный на управление жизнью населения. Жизнь рассматривается как высшая ценность не только в моральном смысле, но и как важнейший ресурс, а ключевой управленческой задачей становится обеспечение безопасности. Можно предположить связь

появившейся на современном этапе биополитики установки на *сейфитизм* (преувеличенное внимание к тотальному обеспечению безопасности и комфорта) [Lukianoff, Haidt 2018, 195–212] с табуированием жертвоприношения. И тем не менее фигура жертвы присутствует в современной культуре и даже наделяется чрезвычайно высоким моральным статусом. По крайней мере, американские социологи Брэдли Кэмпбелл и Джейсон Мэннинг говорят о формирующейся в течение последнего десятилетия культуре виктимности (*victimhood culture*) как культуре жертвопострадавших [Campbell, Manning 2018].

Если допустить, что человеческое жертвоприношение – это культурная универсалия, не может ли оно реализовываться в некоторых новых современных формах, которые позволяют то ли фактически приносить людей в жертву в условиях табу на явное человеческое жертвоприношение, то ли постфактум ритуализовать и сакрализовать смерти, возникшие вне жертвенного ритуала, апроприировав их в качестве *священных жертв* ради определенного социального эффекта?

В «Очерке о природе и функции жертвоприношения» (1899) Марсель Мосс и Анри Юбер высказали идею, что различным видам жертвоприношения свойственна общая структура ритуала. Цели у жертвоприношения могут быть разные, но это всегда одна и та же процедура, которая «состоит в установлении связи между сакральным и профанным миром посредством жертвы, то есть предмета, уничтожаемого в ходе церемонии» [Мосс, Юбер 2000, 100]. Основные части жертвоприношения – это входные ритуалы сакрализации, центральные ритуалы уничтожения жертвы, выходные ритуалы десакрализации. «В зависимости от цели и функции ритуала его части могут по-разному соотноситься между собой и иначе располагаться: какие-то могут приобретать большее значение в ущерб другим, иные – даже исчезать совсем. Это ведет к разнообразию жертвоприношений, но принципиальных отличий между различными комбинациями элементов нет» [Мосс, Юбер 2000, 61]. Обобщив эту идею, мы предположили, что в условиях табу на явное человеческое жертвоприношение оно может становиться распределенным, когда его различные ритуальные элементы могут по-разному группироваться не только во времени, но и в пространстве, в том числе в пространстве медиа. При этом большинство элементов человеческого жертвоприношения может выглядеть как нечто иное, не связанное напрямую с намеренным принесением

жертв, а наиболее существенными механизмами такого неявного жертвоприношения могут быть политические и медийные механизмы трансформации жертв-пострадавших в сакральные жертвы.

В этом контексте можно сформулировать целый ряд новых проблем. Какие существуют аналоги человеческого жертвоприношения и как их можно исследовать? Нельзя ли их обнаружить при анализе медийных сообщений о войнах, терактах, стихийных бедствиях и катастрофах – всех тех событий, в которых возникает большое количество случайных и не очень случайных жертв и которые получают сильный общественный резонанс? Можно ли говорить о некоторых закономерностях, о типичной структуре распределенного человеческого жертвоприношения?

Наиболее дискуссионным в отношении гипотезы об аналогах жертвоприношения в современном обществе является вопрос о том, выполняет ли распределенное жертвоприношение те же самые социальные функции, что и жертвоприношение классическое, и производит ли оно тот же самый социальный эффект? Можно предположить, что эти функции и эффект по крайней мере не полностью тождественны архаическим прототипам и что различия имеют существенный характер. Если есть смещение элементов жертвенного ритуала и их другой порядок, можем ли мы говорить о некоторой трансформации структуры в целом? Если способность жертвовать собой и способность принимать жертву являются важными антропологическими характеристиками, как понимать типичные для современности ситуации, когда жертва квалифицируется по крайней мере какой-то частью общества или даже обществом в целом как неприемлемая?

Культурная травма как социальный процесс, который анализирует группа Джеффри Александера и Рона Айермана, в качестве движущей силы имеет моральное чувство неприемлемости страданий, пережитых группой – носителем травмы, т.е. группой, ассоциирующей себя с жертвами/пострадавшими [Александр 2012]. Широкой аудитории адресуется требование солидарности с жертвами под лозунгом «это не должно повториться», что явным образом отличается от классического ритуала жертвоприношения, которое сообществом воспринималось как необходимое для общего блага, поддерживающее социальный порядок и справедливое действие. От чего зависит, будут ли жертвы считаться оправданными или нет с точки зрения широкой аудитории в целом? При каких условиях типичные для архаических жертвенных практик

искупительный, очистительный, сакрализирующий мотивы не будут работать в современных обстоятельствах? Более того, со временем общество может менять оценку события, отмеченного жертвами, а фигуры жертв при этом будут конструироваться в различных перспективах и наделяться разной идентичностью. И такое изменение оценки представляет собой важное поле исследования, поскольку оно позволяет отследить динамику социальных процессов. В ходе этих процессов виктимная жертва может сакрализоваться, а затем или десакрализоваться вновь, или даже профанироваться, или оказаться в центре конфликта интерпретаций.

Эти процессы напоминают структурные этапы ритуала жертвоприношения, описанные М. Моссом и А. Юбером, но, вероятно, производимый эффект будет не столь однозначен, как в случае классического ритуала жертвоприношения. Поскольку аффективная сторона ритуала важна, возникает вопрос о сходстве и различиях аффектов, индуцируемых ситуацией жертвоприношения и его современных аналогов. Этот вопрос затрагивается в том числе и в дискуссии о том, существуют ли в принципе универсальные антропологические аффекты, или же эмоции различаются в зависимости от культуры [Плампер 2018, 224–240]. И здесь мы видим, что жертва (будь то жертва-пострадавший или священная жертва), как правило, индуцирует сильные эмоции, причем эта аффектация переживается коллективно и имеет мощный консолидирующий потенциал. Правда, в современности этот аффект далеко не всегда приводит к катарсису. И здесь мы подходим к новой группе вопросов, связанных с политическим и экономическим потенциалом жертвы.

Жертвенный праксис в современных реалиях (политика, экономика, этика)

Говоря о жертве как политическом явлении, можно прежде всего поставить следующие вопросы. В чем заключается роль жертвы, и как происходит перекодирование жертвы (пострадавшие/священные жертвы) в политических процессах? Если функции священной жертвы и акта жертвоприношения заключаются в консолидации сообществ, управлении насилием и учреждении иерархических порядков, то как эти по сути политические функции меняются в обществах современных, когда жертвоприношение табуировано?

Описывая специфику суверенной власти, такие авторы, как Жорж Батай [Батай 2006, 313–358], Мишель Фуко [Фуко 1996, 237–268]

и Джорджо Агамбен [Агамбен 2011] едины в том, что исключительный статус суверена функционально связан с правом отнимать жизнь. Дж. Агамбен много пишет о фигуре *homo sacer* как исключенном из общины ради установления и поддержания в ней иерархического порядка. В этой логике ритуал жертвоприношения объясняется как акт исключения, который перформативным образом учреждает сакральное, сакрализует власть и канализирует насилие, одновременно освящая его. Развивая логику этой концепции власти, можно предположить, что весь корпус политической теологии держится на практике жертвоприношения, частично закамуфлированной христологической доктриной. Однако при современной смене суверенного диспозитива власти биополитическим формула легитимности меняется: если носитель суверенной власти обретает харизму, демонстрируя способность и готовность приносить жертвы, то авторитетный правитель с точки зрения биополитического менеджмента эффективно избегает человеческих жертв, предотвращая разнообразные угрозы.

Если фигура жертвы способна консолидировать коллективное тело, позволяя сообществу аффективно переживать единение и утверждать некие важные для него ценности, то у этих процессов есть очевидный политический потенциал. Можно ли обосновать гипотезу, что публичный нарратив, описывающий природу жертвы (кто пострадал, по чьей вине и насколько эти страдания глубоки и затрагивают ли жизнь широкой аудитории), является одним из ключевых способов мобилизации? Фигура жертвы-пострадавшего воплощает собой хрупкость и ранимость жизни как ключевой биополитической ценности, подтверждает ее священный характер. И, если согласиться с Джудит Батлер, настаивающей на том, что люди объединяются и выходят на улицы, движимые чувством собственной уязвимости и сочувствия к страданию других [Butler 2004], то жертва должна быть мощным триггером солидарности. Однако очевидно, что этот триггер срабатывает не всегда, группа – носитель травмы может со своим месседжем и не преуспеть. Что, в таком случае, будет причиной этого неуспеха? Следует ли ее искать в том, что искупительный и замещающий мотивы, типичные для архаического жертвоприношения, фактически негласно срабатывают и в данном случае (частью жертвуют ради целого), и общество в целом считает ситуацию приемлемой? Или причины в отсутствии доступа у группы – носителя травмы к публичному полю? Или, наконец, –

в характеристиках самой жертвы? В последнем случае можно задать такой вопрос: если предъявленная фигура жертвы может дать некоторый импульс и моральное оправдание политическим движениям, то какого типа жертвы подходят на эту роль, а какого типа жертвы такой эффект вызвать не могут (к примеру, это могут быть маргинализованные жертвы)?

Жертва может рассматриваться не только как политический, но и как экономический феномен. И здесь возможны следующие вопросы. Прежде всего, имеет ли акт архаического ритуала жертвоприношения экономический смысл? Начиная с работ М. Мосса (не только о жертвоприношении, но и о даре) в антропологии повторяется гипотеза о том, что изъятие жертвы из профанного оборота запускает и поддерживает циркуляцию обменов богатствами/маной. Ж. Бодрийяр, в частности, предположил, что циркуляция маны коррелирует с циркуляцией смерти [Бодрийяр 2000, 241–247], которая, пусть и в превращенном виде, наследуется экономикой эквивалентного обмена у экономики обмена символического. Соответственно, в современном капитализме должно быть место жертве и распределенному жертвоприношению.

Отталкиваясь от Ж. Бодрийяра, с одной стороны, и от Р. Жирара – с другой, мы можем задать вопрос о том, связаны ли между собой и, если связаны, то каким образом, функция жертвы в обеспечении циркуляции обменов и функция жертвы в распределении насилия? Коль скоро в биополитике ключевой ценностью объявляется жизнь, а само понятие ценности предполагает одновременно и значимость (в том числе и моральную), и стоимость, то статус жертвы/пострадавшего оказывается не только моральным, но и экономическим. Экономика жертвы принимает различные формы. В этом контексте можно говорить, например, о капитализации виктимности [Campbell, Manning 2018]. В целом управление жертвами (под которыми сегодня по преимуществу понимаются пострадавшие в различных чрезвычайных ситуациях, жертвы насилия и даже жертвы микроагрессий) в обязательном порядке включает в себя распределение пожертвований, компенсаций, страховок и т.п. Важно понять логику, согласно которой происходит калькуляция ценности жизни и которая предполагает, что без экономической поддержки осуждение зла и выражение моральной солидарности с жертвами малоэффективны.

Есть и вопросы по преимуществу этического характера. Например, Кэмпбелл и Мэннинг понимают культуру виктимности

прежде всего как особую моральную культуру, наделяющую жертвы чрезвычайно широко трактуемого насилия исключительно высоким моральным статусом и правом требовать преференции. Соответственно, в чем причина того, что виктимблейминг (т.е. обвинение жертвы преступления или насилия в том, что с ней произошло) сегодня перестает быть социально приемлемой моделью отношения к жертвам? Что в природе виктимблейминга может пояснить антропологическое исследование жертвы? Есть ли у него и связанной с ним веры в справедливость мира теологические основания [Kaplan 2012]? С другой стороны, еще один этический феномен, коррелирующий с культурой виктимности – это так называемая культура отмены, которая предполагает публичное осуждение и отказ от сотрудничества с теми, кто, по мнению общества, не вполне готов солидаризироваться с теми или иными пострадавшими. Можно ли увидеть в этом коллективном поведении признаки изгнания жертвы отпущения? К каким последствиям приводит та или иная этическая позиция общества по отношению к индивидуальной или коллективной жертве? Может ли она со временем быть пересмотрена и если да, то под влиянием каких факторов?

Особенно важной представляется проблема понимания медийных механизмов конструирования образов жертв и сакрализации потерпевших. Существуют ли какие-либо закономерности представления, формирования и трансформации образов жертв в медиа? Что такое типичные и нетипичные жертвы? Что происходит с жертвой и ее медийным конструктом в условиях тотальности медиасреды? Каковы особенности дискурса жертвы и образа жертвы как медиатизированных феноменов? Как переход от классических медиа к интерактивным меняет формы репрезентации жертвы и способы консолидации вокруг нее? Какую роль в этих процессах играет агрессивная реклама и ажиотаж? Как происходит консолидация коллективного сетевого тела вокруг жертвы? В чем заключается сущность сетевых политик жалости и на чем основана их эффективность? Поскольку медиа не только репрезентируют события, аналогичные жертвоприношению, но и активно влияют на их конструирование, одна из проблем заключается в понимании механизмов медиатизации как взаимодействия реальных событий и медийных образов.

Заключение

Итак, мы наметили проблемное поле антропологии жертвы, как оно видится нашей исследовательской группе, и выделили в нем три ряда проблем. Первый ряд связан с описанием фундаментального антропологического характера феномена жертвы и попыткой ответить на вопрос, является ли ритуал жертвоприношения культурной универсалией, и если да, то на чем эта универсальность может основываться, какие прототипические формы жертвоприношения можно выявить и каким образом описать.

Второй ряд проблем связан с задачей понимания того, как меняется феномен жертвы сегодня и какой антропологический смысл имеют эти изменения. В ситуации табуирования явного человеческого жертвоприношения можно говорить о появлении замещающих практик и возникновении аналогов, в которых структурные элементы классического ритуала распределены в пространстве и времени и представлены в ином порядке. В результате работы таких структур жертвы-пострадавшие выступают для современного общества аналогами священных жертв жертвоприношения и поэтому часто проходят через сакрализирующие ритуалы и практики. Однако принципиально важным является вопрос о том, означает ли изменение структуры в распределенном жертвоприношении изменение социальных функций? И если эти изменения есть, насколько сущностный характер они имеют, насколько затрагивают само смысловое ядро антропологии жертвы.

Третий ряд проблем связан со сферой праксиса в классическом его понимании, т.е. представляет собой вопросы, касающиеся политических, экономических и этических импликаций, связанных с феноменом жертвы и аналогами ритуала жертвоприношения в современных обществах. Здесь также необходимо соотнесение современных дискурсов и практик с архаическими прототипами, описание их сходств и различий, а также антропологического смысла современных трансформаций ритуала. Поскольку современное общество погружено в медиасреду, чрезвычайно важным является обсуждение влияния медиасреды на эти процессы.

Подводя итоги, отметим, что проблемное поле антропологии жертвы перечисленными вопросами не ограничивается и представляет собой чрезвычайно обширное пространство для исследований. Антропология жертвы позволяет посмотреть на многие острейшие социальные вопросы современности под новым углом зрения, интегрируя наработки исторической и культурной

М.А. КОРЕЦКАЯ, А.Е. СЕРИКОВ. Проблемное поле антропологии жертвы: опыт...
антропологии, виктимологии, социологии, политологии и других гуманитарных дисциплин, тем самым позволяя философии сыграть свою роль в развитии гуманитарного знания.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Агамбен 2011 – *Агамбен Дж.* Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Европа, 2011.

Александр 2012 – *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.

Батай 2006 – *Батай Ж.* Проклятая часть: Сакральная социология. – М.: Ладомир, 2006.

Бодрийяр 2000 – *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000.

Иваненко и др. 2012а – *Иваненко Е.А., Корецкая М.А., Савенкова Е.В.* Архаическое и современное тело жертвоприношения: трансформация аффектов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2012. № 2 (12). С. 17–41.

Иваненко и др. 2012б – *Иваненко Е.А., Корецкая М.А., Савенкова Е.В.* Созвездие Горгоны: эссе об эффектах медиа. – СПб: Алетей, 2012.

Корецкая 2019 – *Корецкая М.А.* Амбивалентность власти: мифология, онтология, прaxis. – СПб: Алетей, 2019.

Мосс, Юбер 2000 – *Мосс М., Юбер А.* Очерк о природе и функции жертвоприношения // *Мосс А.* Социальные функции священного. – СПб.: Евразия, 2000. С. 9–104.

Плампер 2018 – *Плампер Я.* История эмоций. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Савчук 2017 – *Савчук В.В.* Жертва настоящего времени // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 4 (29). С. 6–17.

Сериков 2013 – *Сериков А.Е.* Религиозный ритуал как ситуация и психофизиологическое состояние // Вестник Самарской гуманитарной Академии. Серия «Философия. Филология». 2013. № 1 (13). С. 85–104.

Сериков 2019 – *Сериков А.Е.* Значение слов victim и sacrifice и возможные способы трансформации образов пострадавших в образы сакральных жертв (на материале параллельного английского подкорпуса НКРЯ) // Вестник Самарской гуманитарной Академии. Серия «Философия. Филология». 2019. № 1 (25). С. 55–72.

Террор и культура... 2016 – Террор и культура: сборник статей по материалам международной научной конференции «Террор и культура» (22–24 октября 2014 г., СПбГУ, факультет свободных искусств и наук) / под ред. Т.С. Юрьевой. – СПб.: Изд-во СПбГУ 2016.

Уилсон 2020 – *Уилсон Э.* Эусоциальность: Люди, муравьи, голые землекопы и другие общественные животные. – М.: Альпина non-fiction, 2020.

Философская антропология... 2017 – Философская антропология жертвы: от архаических корней к современным контекстам: материалы Всероссийской конференции с иностранным участием, 12–14 октя-

бря 2017 года, г. Самара / под ред. М.А. Корецкой. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017.

Фуко 1996 – Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996.

Butler 2004 – Butler J. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. – New York: Verso, 2004.

Campbell, Manning 2018 – Campbell B., Manning J. The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars. – New York: Palgrave Macmillan, 2018.

Human Sacrifice... 2007 – Human Sacrifice in Jewish and Christian Tradition / ed. by K. Finsterbusch, A. Lange, K.F. Diethard Römheld. – Leiden: Brill, 2007.

Kaplan 2012 – Kaplan H. Belief in a Just World, Religiosity and Victim Blaming // Archive for the Psychology of Religion. 2012. Vol. 34. No. 3. P. 397–409.

Lukianoff, Haidt 2018 – Lukianoff G., Haidt J. The Coddling of the American Mind. – New York: Penguin Press, 2018.

Rosch 1978 – Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization / ed. by E. Rosch and B.B. Lloyd – Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.

Shilling, Mellor 2013 – Shilling C., Mellor P.A. “Making Things Sacred”: Re-theorizing the Nature and Function of Sacrifice in Modernity // Journal of Classical Sociology. 2013. Vol. 13. No. 3. P. 319–337.

REFERENCES

Agamben G. (2011) *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Moscow: The Evropa (Russian translation).

Alexander J. (2012) Cultural Trauma and Collective Identity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 3, pp. 5–40 (Russian translation).

Bataille G. (2006) *Damn Part. Sacred Sociology* (pp. 313–358). Moscow: Ladomir (Russian translation).

Baudrillard G. (2000) *Symbolic Exchange and Death*. Moscow: Dobrosvet (Russian translation).

Butler J. (2004) *Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence*. New York: Verso.

Campbell B. & Manning J. (2018) *The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars*. New York: Palgrave Macmillan.

Koretskaya M.A. (Ed.) (2017) *Philosophical Anthropology of the Victim: from Archaic Roots to Modern Contexts. Materials of the Conference with International Participation, Samara, October 12–14, 2017*. Samara: Samara Academy of Humanities (in Russian).

Finsterbusch K., Lange A., & Diethard Römheld K.F. (Eds.) (2007) *Human Sacrifice in Jewish and Christian Tradition*. Leiden: Brill.

Foucault M. (1996) *The Will to Knowledge. Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of Different Years*. Moscow: Kastal (Russian translation).

Ivanenko E.A., Koretskaya M.A., & Savenkova E.V. (2012a) Archaic and Modern Body of Sacrifice: the Transformation of Affects. *Bulletin of the Samara Academy of Humanities. Series: Philosophy. Philology.* No. 2, pp. 17–41 (in Russian).

Ivanenko E.A., Koretskaya M.A., & Savenkova E.V. (2012b) *Gorgon Medusa Constellation: Essays on Media Effects.* Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Kaplan H. (2012) Belief in a Just World, Religiosity and Victim Blaming. *Archive for the Psychology of Religion.* Vol. 34, no. 3, pp. 397–409.

Koretskaya M.A. (2019) *The Ambivalence of Power: Mythology, Ontology, Praxis.* Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Lukianoff G. & Haidt J. (2018) *The Coddling of the American Mind.* New York: Penguin Press.

Mauss M. & Hubert H. (2000) An Essay on the Nature and Function of Sacrifice. In: Mauss M. *The Social Function of the Sacred* (pp. 9–104). Saint Petersburg: Evraziya (in Russian).

Plamper J. (2018) *The History of Emotions.* Moscow: Novoye literaturnoye obozrenie (Russian translation).

Rosch E. (1978) Principles of Categorization. In: Rosch E. & Lloyd B.B. (Eds.) *Cognition and Categorization* (pp. 27–48). Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates.

Savchuk V. (2017) The Victim of the Present Time. *International Journal of Cultural Research.* No. 4, pp. 6–17 (in Russian).

Serikov A.E. (2013) Religious Ritual as Situation and Psychophysiological State. *Bulletin of the Samara Academy of Humanities. Series: Philosophy. Philology.* No. 1, pp. 85–104 (in Russian).

Serikov A.E. (2019) Meanings of “Victim” and “Sacrifice” and Possible Ways to Transform Victim Images into Images of Sacrifices (on the Basis of Parallel English Subcorpus of National Corpus of Russian Language). *Bulletin of the Samara Academy of Humanities. Series: Philosophy. Philology.* No. 1, pp. 55–72 (in Russian).

Shilling C. & Mellor P.A. (2013) “Making Things Sacred”: Re-Theorizing the Nature and Function of Sacrifice in Modernity. *Journal of Classical Sociology.* Vol. 13, no. 3, pp. 319–337.

Wilson E.O. (2019) *Genesis. The Deep Origin of Societies.* New York: Liveright Publishing.

Yurieva T.S. (Ed.) (2016) *Terror and Culture: Materials of the International Scientific Conference “Terror and Culture,” October 22–24, 2014.* Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg State University (in Russian).

Культура в цифровом мире

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-120-140

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Задача численного анализа эстетического содержания живописного текста

О.А. Журавлева¹, Н.Б. Савхалова², А.В. Комаров¹, Д.А. Жердев^{1,3}, А.И. Демина¹, Э. Михаэльсен⁴, А.В. Никоноров^{1,2,3}, А.Ю. Нестеров¹

¹ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

² Международная общественная организация «Центр духовной культуры», Самара, Россия

³ Институт систем обработки изображений РАН – филиал ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН, Самара, Россия

⁴ Институт оптроники, системных технологий и обработки изображений имени Фраунгофера, Эттлинген, Германия

Аннотация

В статье анализируются возможности формального анализа композиции живописного произведения на основании классических определений понятия прекрасного и подходов вычислительной эстетики второй половины XX века. Статья носит характер постановки проблемы и отражает подход авторского коллектива к способу решения задачи формализации эстетического переживания в эстетике текста, т.е. в рамках анализа художественной композиции как формальной, упорядоченной в соответствии с системой синтаксических правил последовательности знаков. Методология определяется общей семиотикой, различающей семантику, синтаксис и прагматику знака; методами эстетического анализа, различающимися в зависимости от «эстетики авторского замысла», рецептивной эстетики и «эстетики текста»; методами компьютерного анализа, связанными с нейросетевыми способами определения симметрии в изображениях. Рассматриваются предпосылки возникновения и современного состояния *вычислительной эстетики* как междисциплинарной отрасли знания. Анализ, проведенный с позиций как философско-эстетических и семиотических, так и сугубо технических, показал необходимость совершенствования методов вычислительной эстетики. Существующие методы, во-первых, не всегда дают возможность адекватно описать художественный объект, во-вторых, редуцируют эстетическое суждение, превращая его в суждение о внешних при-

знаках предмета. Результат исследования выражен в тезисе о том, что усложнение текущих математических моделей и привлечение субъективных оценок экспертов позволит прийти к компромиссному решению, обеспечивающему развитие вычислительной эстетики как отрасли знания. Совершенствование математических моделей с учетом правил семиотики и субъективизма человеческого восприятия составляет актуальную задачу численного анализа эстетического живописного текста. Итоги исследования подтверждают классический тезис о невыводимости семантических и прагматических положений дел из синтактики. Делается вывод об актуальности задачи по поиску корреляций между извлекаемыми посредством нейросетевого моделирования осями и точками симметрии и эстетическим эффектом, сопровождающим восприятие живописного произведения классического искусства.

Ключевые слова: философия искусства, философия искусственного интеллекта, вычислительная эстетика, прекрасное, композиция, нейросетевой детектор, линейная аппроксимация.

Журавлева Ольга Алексеевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, педагог дополнительного образования центра довузовской подготовки Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

zhuravchic@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6390-5515>

Наталья Борисовна Савхалова – оператор по цвету международной общественной организации «Центр духовной культуры».

savhalovanatalia@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1649-3685>

Комаров Андрей Владимирович – преподаватель кафедры английской филологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

komarov@timilon.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1064-8690>

Жердев Денис Алексеевич – кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры суперкомпьютеров и общей информатики Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

denazherdev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2051-217X>

Демина Анна Ивановна – специалист по учебно-методической работе II категории кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

phil@ssau.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

Михаэльсен Эккарт – habilitированный доктор кафедры распознавания объектов Института оптроники, системных технологий и обработки изображений имени Фраунгофера.

eckart.michaelsen@iosb.fraunhofer.de

<https://orcid.org/0000-0001-9562-6337>

Никоноров Артем Владимирович – доктор технических наук, директор института искусственного интеллекта Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

artniko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4292-2049>

Нестеров Александр Юрьевич – доктор философских наук, доцент, директор Социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

aynesterov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

Для цитирования: Журавлева О.А., Савхалова Н.Б., Комаров А.В., Жердев Д.А., Демина А.И., Михаэльсен Э., Никоноров А.В., Нестеров А.Ю. Задача численного анализа эстетического содержания живописного текста // Философские науки. 2022. Т. 65. № 2. С. 120–140. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-120-140

Computational Analysis Problem of Aesthetic Content in Fine-Art Paintings

*O.A. Zhuravleva¹, N.B. Savkhalova², A.V. Komarov¹, D.A. Zherdev^{1,3},
A.I. Demina¹, E. Michaelsen⁴, A.V. Nikonorov^{1,2,3}, A.Y. Nesterov¹*

¹ *Samara National Research University, Samara, Russia*

² *“Center of Spiritual Culture” International Public Organization,
Samara, Russia*

³ *Image Processing Systems Institute, Russian Academy of Sciences,
Samara, Russia*

⁴ *Fraunhofer Institute of Optronics, System Technologies and Image
Exploitation, Ettlingen, Germany*

Abstract

The article discusses the possibilities of the formal analysis of the fine-art painting composition on the basis of the classical definitions of beauty and computational aesthetics' approaches of the second half of the 20th century.

The authors define the problem and consider solutions for the formalization of aesthetic perception in the context of aesthetic text, i.e., as part of the fine arts composition – a formal sequence of signs simply ordered in accordance with the syntactic rules' system. The methodology of the research is defined by the general semiotics, distinguishing semantics, syntax, and pragmatics of a sign, by the aesthetic analysis' methods, ranging according to the author's message aesthetics, receptive aesthetics, and text aesthetics, as well as by the computational analysis methods connected with neural network means of defining the images' symmetry. The article reveals preconditions for the emergence and also the current state of computational aesthetics as an interdisciplinary branch of knowledge. Analyzing the problem from the perspective of philosophy, aesthetics, semiotics, and technology, the authors draw attention to the need to improve the computational aesthetics methods. Firstly, the existing methods do not always enable to describe the fine-art object adequately. Secondly, there exists the so-called reduction of aesthetic assertion transforming it into the assertion concerning the object's external characteristics. As a result, the authors assume that the increasing complexity of the current mathematical models and the experts' subjective assessment support will allow to reach a compromise solution that enables the development of computational aesthetics as a branch of knowledge. Enhancement and development of the mathematical models, taking into account the rules of semiotics and subjectivism of the human perception, is the relevant objective of computational analysis of the aesthetic fine-arts text. The results of the present research supports the classic statement regarding the underivability of semantic and pragmatic propositions from syntax. The research concludes that relevant objectives are to find a correlation between, one the one hand, the axes and points of symmetry, deriving from the neural simulation, and, on the other hand, aesthetic effect, emerging from the perception of fine-art paintings.

Keywords: philosophy of art, philosophy of artificial intelligence, computational aesthetics, category of beauty, composition, neural network detector, linear approximation.

Olga A. Zhuravleva – postgraduate student, Russian and Foreign Literature and Public Relations Department; Lecturer, Pre-University Training Center, Samara National Research University.

zhuravchic@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6390-5515>

Natalie B. Savkhalova – Colorist, “Center of Spiritual Culture” International Public Organization.

savhalovanatalia@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1649-3685>

Andrei V. Komarov – Lecturer, English Language Department, Samara National Research University.

komarov@timilon.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1064-8690>

Denis A. Zherdev – Ph.D. in Technology, Senior Lecturer, Supercomputers and General Informatics Department, Samara National Research University.

denazherdev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2051-217X>

Anna I. Demina – Teaching Specialist, Philosophy Department, Samara National Research University.

phil@ssau.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

Eckart Michaelson – Dr. habil., Department of Object Recognition, Fraunhofer Institute of Optronics, System Technologies and Image Exploitation.

eckart.michaelson@iosb.fraunhofer.de

<https://orcid.org/0000-0001-9562-6337>

Artem V. Nikonorov – D.Sc. in Technology, Director of the Institute of Artificial Intelligence, Samara National Research University.

artniko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4292-2049>

Alexander Yu. Nesterov – D.Sc. in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Philosophy Department, Samara National Research University.

aynesterow@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

For citation: Zhuravleva O.A., Savkhalova N.B., Komarov A.V., Zherdev D.A., Demina A.I., Michaelson E., Nikonorov A.V., Nesterov A.Yu. (2022) Computational Analysis Problem of Aesthetic Content in Fine-Art Paintings. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 2, pp. 120–140 . DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-120-140

Введение

Общая цель проекта, в рамках которого подготовлена настоящая статья, – ответить на вопрос о возможности определения прекрасного средствами искусственного интеллекта и построить нейросетевые модели эстетического переживания.

Эстетика как философская дисциплина раскрывается в зависимости от атрибуции эстетической функции автору, читателю или тексту как эстетика авторского замысла, рецептивная эстетика или эстетика текста. В первом случае автор понимается как субъект, обладающий привилегированным доступом к действительности и способный через сумму художественных средств передать свое, отличающееся от обычного среднего человека видение или переживание; во втором случае получатель сообщения выстраивает сложноорганизованные структуры сознания, осуществляющие прекрасное как специфическое переживание сугубо воспринимающего субъекта. В третьем случае речь идет о способах организации языка сообщения, о сумме художественных кодов, выражающих особый доступ гения к действительности и систему инструкций по построению эстетического объекта сознанием получателя сообщения.

Формальный аппарат эстетики в статье вводится в контексте эстетики текста и подразумевает соотнесение художественных приемов, в частности композиции с производимым этими приемами эстетическим эффектом. Задачи проекта в целом заключаются, во-первых, в анализе синтаксического аппарата текстов таких классических живописных произведений, чья эстетическая значимость, т.е. способность производить эстетический эффект, порождать прекрасное в зрителе, не вызывает сомнений; во-вторых, в определении корреляций между синтаксисом художественного текста, его семантикой и прагматикой. В настоящей статье в качестве синтаксиса проанализирована композиция живописных произведений Возрождения, экспериментально проверяются алгоритмы выявления композиционной симметрии, сделан вывод о недостаточности формально-синтаксического анализа для принятия решения об эстетической значимости текста.

Категория прекрасного в формальной перспективе

Прекрасное в качестве философско-эстетической категории появляется в Древней Греции и на протяжении почти двух тысячелетий мыслится как центральная и единственная собственно эстетическая категория. Вплоть до начала XX века категория прекрасного тесно связана с представлением о воплощении в предмете и его форме некой позитивной универсальной (онтологической) сущности.

До XVIII века в европейской философии красота понимается в первую очередь как чувственная видимость идеи, это – благо (истина) в его структурном выражении. Красота сопряжена с такими понятиями, как мера, равновесие, гармония, симметрия: красив тот объект восприятия, элементы которого расположены пропорционально и гармонируют друг с другом, комплементарны. По Аристотелю, красота – это прежде всего спокойствие, умеренность, порядок. Концепция красоты как порядка наследуется и христианской эстетикой: в основе понимания красоты Блаженным Августином лежит категория порядка (*ordo*), т.е. некоего взаимного расположения вещей, где каждая имеет свое место: всякая упорядоченность ведет к красоте, и именно глобальному порядку мир как целое обязан своей красотой.

По мнению А.Ф. Лосева, эстетика – наука о выразительности вообще, а эстетическое – это выражение предметности, т.е. «внутренняя жизнь предмета, которая обязательно дана и внешне», открыта «самодовлеющему созерцанию» и имеет «созерцательную ценность» [Лосев 2000, 391–392]. Эстетическая теория как теория прекрасного получает активное развитие в немецкой философии рубежа XVIII–XIX веков, в которой на первый план выходит проблема соотносительности прекрасного с содержанием и формой предмета. Появляются две тенденции ее разрешения, впоследствии породившие эстетику содержания и эстетику формы. По представлениям Канта, красота вменяется предмету исключительно его формой и представляет собой «согласованность многообразия в едином» [Кант 1994, 96] (по Шеллингу, прекрасное – это «бесконечное, выраженное в конечном» [Шеллинг 1987, 479]). Чтобы быть воспринятым в качестве прекрасного, предмет должен обладать строгой – формальной – упорядоченностью, внешними пропорциями, симметрией, равновесием. Кант называет образцами совершенной красоты цветы, экзотических птиц и морских моллюсков, поскольку те обладают в высшей степени гармоничной формой, приятной для восприятия, а их свободная красота пребывает для самой себя. В искусстве же, которое есть сфера бескорыстного духа, «целесообразность без цели» [Кант 1994, 95], художественное содержание также не в состоянии проявиться через случайную материю и должно представлять собой некую фиксируемую мыслью сущность, внутреннюю тенденцию.

Идеи Канта близки сформулированной Гегелем мысли о том, что «искусство призвано раскрывать истину в чувственной форме»

[Гегель 1968, 61]. Гегель, следуя древнегреческой и средневековой традиции, утверждает, что красота и истина суть одно и то же, а прекрасное – это чувственная зримость, «свечение», идеи, т.е. некоей духовной сущности: в прекрасном «чувственное наличие бытия... проникнуто духовным» [Гегель 1973, 221]. По Гегелю, цель искусства, наряду с религией и философией, – «выявить божественное и поднять его до уровня сознания» [Hegel 2003, 4], т.е. искусство преподносит человеку некое знание о мире, об Абсолюте, и для его познания необходима внешняя материальная оформленность. Он пишет: «Искусство происходит из самой абсолютной идеи и его целью является чувственное изображение абсолютного» [Гегель 1968, 75], т.е. задача художественного произведения – органичный синтез содержания и формы. Согласно Гегелю, искусство прошло в своем развитии три ступени раскрытия этого знания (классическую, символическую, романтическую), отличающиеся соотношением содержания и формы в произведении искусства.

Таким образом, прекрасное есть некоторое позитивное идеальное содержание, упорядоченное формально; равенство содержания и формы.

Произведение искусства как знак

Итак, формальная упорядоченность выступает в качестве необходимого условия осуществления прекрасного в искусстве. В живописи упорядоченность реализуется в принципе композиции. С точки зрения изобразительного искусства композиция – это создание структурной формы художественного произведения, которая связывает элементы изображения – фигуры, предметы, пятна, объемы, цвета, свет и тени, др. – в плоскости картины. Классическое определение композиции в изобразительном искусстве дает Л.Б. Альберти в трактате «Три книги о живописи» (1435–1436): «Композиция – это сочинение, выдумывание, изобретение» [Альберти 1935, 178], понимая композицию не как законченное произведение, но как процесс художественного творчества. Художник и теоретик искусства Н.Н. Волков определяет композицию как «конструкцию для смысла», «алгоритм творческого процесса» [Волков 1977, 13], поскольку композиция является тем элементом живописного текста, который отвечает за переход от содержания к форме.

В отличие от таких компонентов художественной формы, как линия, рисунок, объем, цвет и пространство, композиция

представляет собой художественно-образную, содержательно-формальную целостность – сложную структуру, основанную на расположении и взаимной соотнесенности изображаемых единиц. С точки зрения семиотики, картина, как и любой художественный текст, выступает в качестве некоей концептуально оформленной последовательности знаков, где композиция выполняет роль синтаксиса и строится как система мест – соположенность функционально разнородных элементов, структурных доминант разных уровней. Как результат работы творческого сознания автора композиция основана на двух типах знаковых отношений – синтагматическом и парадигматическом. Под синтагматическим процессом понимается комбинирование элементов изображения или групп элементов изображения. Парадигматический процесс отвечает за выбор определенного элемента изображения из множества возможных. Таким образом, художественное произведение возникает в результате художественно-образного переосмысления содержательно-формальной целостности элементов текста.

Вопрос композиции картины и ее восприятия зрителем – это вопрос соотношения означаемого и означающего. В основе текста как целостной структуры лежит способность его элементов к валентности и установлению определенных связей как между собой (имплицитных, внутритекстовых), так и между текстом и реципиентом (эксплицитных). Согласно крайней точке зрения рецептивной эстетики, трактующей эстетическое как субъективное, эстетический предмет свободно творится сознанием [Ингарден 1962, 133–135] и не обладает априорными эстетическими свойствами до соприкосновения с сознанием (Я. Мукаржовский, М. Бердсли). Так, в рамках концепции имплицитного читателя В. Изера ожидания реципиента формируют смысловую структуру литературного текста, возникающую через систему «точек неопределенности» или «пустых мест» – смысловых зияний, несогласованностей смысла, неинтерпретируемых символов или речевых фигур. Задача эстетики видится в данном случае как исполнение валентности текста, превращения его из суммы пропозициональных функций в собственно высказывание как художественное произведение.

Художественное произведение функционирует как знак, поскольку одновременно является средством выражения, относится к некоему объекту(-ам) и реализует интерпретационное отношение. В частности, в живописи различаются определенные

формы, например, прямая – линия. Линия предстает базовым элементом изображения и служит для образования контура чего-либо. Будучи заполненным цветом, контур превращается в ячейку; множество таких ячеек образует систему изображения. Каждая ячейка изображения соотнесена с объектом, т.е. она выражает нечто такое, которое о чем-то высказывается, а также сама может быть подвергнута интерпретации. Например, некая форма красного цвета на натюрморте, где цвет выступает в качестве сигнала определенной частоты, может быть интерпретирована как цветок мака по отношению к определенному объекту. Далее этот мак, в зависимости от реципиента, можно трактовать как символ смерти. Не существует объективного признака, в соответствии с которым цветок мака соотносился бы со смертью. Однако можно предположить, что данная форма имеет ряд характеристик определенного качества (например, цвет), являющихся сигналами, благодаря которым мак приобретает свое (в том числе коннотативное) значение в акте интерпретации.

Итак, если поэзия есть «язык в его эстетической функции» [Якобсон 1921, 11], то живопись – совокупность геометрических приемов, связанных с передачей пространственности, в ее эстетической функции. Эстетическое переживание можно толковать как субъективный процесс означивания, основанный на полученном зрительском опыте, а композицию – как инструмент управления опытом означивания, которым располагает зритель. Но возможно ли, опираясь только на соотнесенность элементов между собой, высказать оценочное суждение о тексте и определить его эстетическую ценность? В зависимости от особенностей расположения знаков и межзнаковых связей в системе можно установить, каков тот или иной текст и производимый им эффект. Так, на повторении комбинаций одинаковых или однородных согласных на определенном отрезке текста базируется принцип аллитерации, используемый в стихосложении для придания тексту звуковой выразительности. В музыке прием секвенции (последовательное повторение мелодической фразы или гармонического оборота на другой высоте) создает эффект динамического обновления композиции. Следовательно, соотношение элементов художественного текста способно производить на зрителя тот или иной эстетический эффект, вызывать прогнозируемые эмоции.

Подход к определению эстетической ценности предмета искусства, основанный на изучении организации выразительных

средств и производимого ими эффекта, связан с именами Л. Выготского, Р. Ингардена, Н. Гартмана и др. Он представляет собой объективно-аналитический метод анализа психологии искусства – от формы через функциональный анализ компонентов и структуры к моделированию эстетической реакции и установлению общих законов. В «Психологии искусства» Л.С. Выготский высказывает тезис об амбивалентности художественного произведения: его структура образуется из определенного соотношения материала и формы. Так, в литературном произведении отношения материала и формы – это диалектические отношения фабулы и сюжета, где форма-сюжет преодолевает материал-фабулу. Сущность эстетического воздействия искусства на зрителя состоит в том, что во всяком художественном произведении могут быть выделены эмоции, вызываемые материалом, и эмоции, вызываемые формой; эти два типа эмоций разнонаправлены и содержат в себе катарсический аффект, «развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке... находит свое уничтожение» [Выготский 1986, 269].

Таким образом, композиция может рассматриваться как синтаксис художественного изобразительного текста и эстетическая величина, поддающаяся не только философской рефлексии, но и математическому исчислению.

Формализация эстетического переживания

Согласно теории информации К. Шеннона, сообщение возникает в результате такого селективного процесса, при котором знаки образуют временную или пространственную упорядоченную последовательность [Шеннон 1963]. Информация как понятие связана не с содержанием или смыслом сообщения; она относится только к знакам, появляющимся в сообщении с определенной частотой или вероятностью. Примером статистического сообщения может служить любая последовательность символов, например, музыкальная композиция или живописное полотно. Художественное произведение в своей структуре подчиняется определенным математическим и физическим законам, поскольку, во-первых, является объектом действительности, во-вторых, строится в согласии с законами геометрии, в-третьих, представляет собой совокупность знаков (или чисел). Это означает, что существует возможность математизации эстетических категорий, включения их в схему, фиксирующую различные уровни красоты. Изложен-

ный подход к произведению искусства как к последовательности знаков получил в XX веке название вычислительной эстетики.

Вычислительная эстетика исходит из того, что эстетический объект может и должен описываться не только в категориях чувств, основанных на субъективной интерпретации, но и системой значений, которые соотносятся между собой так же, как в математике и физике соотносятся числовые величины. Так, немецкий философ М. Бензе пишет: «Решающим для вычислительной эстетики является то, что она пытается все традиционные понятия последовательно заменять контролируемыми и методически четкими математическими понятиями (числами)» [Bense 1968].

В 1928 году Дж. Биркгоф высказал предположение о том, что существуют элементы порядка, психологически вызывающие положительный тон чувства, такие как симметрия, ритм, повторение, контраст и др., и элементы, которые вызывают негативные тона, – двусмысленность или чрезмерное повторение [Birkhoff 1933]. Формула эстетической оценки Биркгофа выглядит следующим образом: $M = O \div C$, где M – мера эстетического восприятия, O – порядок эстетического объекта, C – сложность¹ эстетического объекта. Данная формула устанавливает отношение порядка и сложности в эстетическом восприятии: энергия восприятия прямо пропорциональна порядку и обратно пропорциональна сложности. В этом случае модель эстетического восприятия соответствует положению в эстетике: единство в многообразии, «простота» и «симметрия» являются врожденной универсальной формой любого эстетического восприятия.

Другая формула эстетического восприятия, в частности $M = O \times C$, разработанная Г. Айзенком, утверждает, что мера эстетического восприятия есть произведение порядка и сложности. Иными словами, энергия эстетического восприятия выступает результатом как высокой степени порядка, так и высокой степени сложности [Мак-Уинни 2009, 252–257]. В тестах Айзенка 1960–1970-х годов, направленных на выявление эстетических эмоций, общая позиция автора сводится к тому, что красота объективна, инвариантна для всего многообразия объектов, коррелирует с некоей средней, общечеловеческой медианой эстетического вкуса, и этот вкус детерминирован генетически. Существование индивидуальных различий в эстетических оценках Айзенк связывает не

¹ Сложность – это количество усилий, которые человеческий мозг должен вложить в обработку эстетического объекта.

с демографическими факторами, а с такими свойствами личности, как интро- и экстраверсия, степень нейротизма и психотизма.

Однако недостаток моделей, предложенных Биркгофом и Айзенком, заключается в том, что они не могут быть применены ни для описания содержания произведения искусства, ни для оценки собственно эстетического переживания. Мера упорядоченности элементов Биркгофа или эстетика «простых форм» Айзенка способны описать макроэстетическую и частично – микроэстетическую сущность объекта, но не способны показать его всесторонне. Предсказать эффект, производимый объектом на реципиента, с помощью этих подходов не представляется возможным. Кроме того, используемые в их работах понятия «простота», «естественность», «пассивность» выступают категориями определенного культурно-исторического периода, и они не могут рассматриваться в качестве всеобщих.

Один из основоположников вычислительной эстетики М. Бензе, пытаясь определить теоретические положения нового направления, критикует формулу Биркгофа, поскольку последняя говорит лишь о воспринимаемом образе, но не о сущности художественного произведения, и предлагает различать макро- и микроэстетический уровни эстетического восприятия. Размышляя о возможности количественного измерения искусства, Бензе выдвигает четыре тезиса: о материальности, об упорядочении, о коммуникативности, о знаковости. В своей теории он исходит из следующего:

1. Всякий художественный объект состоит из субстанции, а в природе существуют два вида процессов или состояний – физические и эстетические; эстетические процессы, в отличие от физических, недетерминированы, не могут быть описаны причинно-следственными связями и потому непредсказуемы.

2. Упорядоченность проявляется в процессе создания структуры (композиции) художественного произведения, когда автор отбирает и распределяет между собой ее элементы.

3. Коммуникативность эстетического объекта связана с информационными отношениями типа «передатчик – приемник» между производителем и потребителем этого объекта.

4. Художественное произведение представляет собой знаковую систему, функционирует внутри знаковой системы, в нем протекают знаковые процессы [Bense 1968].

Тем не менее подход Бензе следует признать, скорее, констатационным, а не интерпретационным: он ставит перед собой цели

не установить объективное содержание понятий «прекрасное», «безобразное» и т.д., но лишь описать их структуру.

Возможно ли применять понятие «прекрасное» к формально упорядоченным, симметрично расположенным объектам, лишенным содержания? С точки зрения вычислительной эстетики, это возможно, поскольку именно мера упорядоченности находится в основании прекрасного как категории эстетики и поддается числовому измерению. Так, Ф. Хёниг в статье «Определение вычислительной эстетики» утверждает следующее: «Наиболее важно, чтобы исследования были сосредоточены на эстетике с точки зрения формы, а не содержания... Напротив, любой сугубо теоретический результат или рассуждения о ценности искусства довольно бессмысленны, принимая во внимание философские проблемы, с которыми столкнется исследователь» [Hoening 2005]. Представляется, что такой подход, во-первых, не всегда позволяет адекватно описать художественный объект, во-вторых, обедняет эстетику как философскую дисциплину и, наконец, редуцирует эстетическое суждение, превращая его в суждение о внешних признаках предмета. Вследствие этого, кажется, не могут быть обнаружены ни эстетическое переживание, основанное на чувствовании, ни эстетическая ценность, которая складывается в процессе оценки предмета искусства на основании суждения о его форме и содержании. Тем не менее усложнение используемых математических моделей и привлечение субъективных оценок экспертов позволяет прийти к компромиссному решению. *В таком совершенствовании математических моделей с учетом правил семиотики и субъективизма человеческого восприятия и состоит, на наш взгляд, задача численного анализа эстетического живописного текста.*

С использованием предложенных в работах Г.Т. Фехнера [Fechner 1876] и Дж.Д. Биркгофа [Birkhoff 1933] концепций в качестве отправной точки развитие численных подходов к оценке эстетического содержания происходило на протяжении XX века [Сурчик 1986]. Прогресс осуществляется за счет совершенствования простых моделей, предложенных в ранних работах, с целью улучшить их соответствие эстетическому восприятию человека. Современные подходы и обзор методов вычислительной эстетики описаны рядом авторов [Brachmann, Redies 2017]. Особенности нейросетевых подходов к оценке эстетической ценности, восприятию и запоминаемости искусства раскрыты некоторыми

исследователями [Cetinic et al. 2019]. В частности, в одной из работ предложен алгоритм предсказания интегральной оценки эстетического содержания изображения на основе нейросетевой модели, предварительно обученной на множестве оценок, присвоенных набору изображений [Talebi, Milanfar 2018].

Несмотря на успешное использование признаков, генерируемых нейросетевыми моделями [Zhang et al. 2018] в целях предсказания того, как изображение будет воспринято человеком, для более глубокой оценки эстетического содержания изображения требуется формирование вычисляемых атрибутов изображения, связанных с его семиотикой [Brachmann, Redies 2017]. Еще в одной статье описаны базовые с точки зрения вычислительной эстетики атрибуты изображения [Dhar et al. 2011]. Эти атрибуты представлены тремя группами: атрибуты контента, атрибуты композиции и атрибуты, связанные с освещением и цветовым составом изображения. Согласно позиции исследователей [Dhar et al. 2011], атрибуты контента включают в себя присутствие на изображении объектов специального типа – лиц, людей, животных. Атрибуты композиции подразумевают соответствие базовым правилам фотографической композиции, таким как «правило третей». Однако эти базовые атрибуты могут быть расширены для более глубокого описания изображения.

На примере того, как может быть расширен набор вычисляемых атрибутов композиции, предлагаем пути решения *задачи численного анализа эстетического живописного текста*.

Численный эксперимент

В рамках настоящей статьи проведены предварительные исследования возможности использования нейросетевых детекторов для анализа композиционной структуры живописного полотна. В целях анализа композиционной структуры живописного произведения на изображении выполнено определение положений фигур людей и их лиц при помощи сверточной нейронной сети. Далее для найденных положений лиц применена линейная аппроксимация. В процессе исследования проверена гипотеза о том, что полученная в результате аппроксимации прямая определяет ось симметрии изображения. Предполагается, что такое определение существенно более точное, чем визуальная проверка на соответствие «правилу третей».

Экспериментальные исследования выполнены с использованием набора произведений живописи классического Возрождения.

Данный выбор обоснован тем, что эти произведения широко приняты публикой в качестве эстетического эталона.

Для анализа композиционной структуры живописного произведения на изображении проведено определение положений фигур людей и их лиц детектором на основе сверточной нейронной сети – нейросетевым детектором. Нейросетевой детектор *YOLO v4* [Ehsani et al. 2018] предобучен на датасете *OpenImages* [Kuznetsova et al. 2020]. Аппроксимация положений результатов детектирования линейной моделью позволяет построить прямые, определяющие композицию изображения.

Результаты работы алгоритма определения композиционных осей на изображении приведены на рисунках 1 и 2. На рисунке 1 показана «Тайная вечеря» Леонардо Да Винчи, линейная аппроксимация положений фигур и лиц задает прямые, делящие изображение в отношении $\frac{1}{2}$ как по горизонтали, так и по вертикали. Линейная аппроксимация положений лиц на картине «Поклонение волхвов» Сандро Боттичелли определяет линию, делящую картину по вертикали в отношении золотого сечения, а аппроксимация положений фигур определяет разделение в отношении $\frac{1}{2}$ по горизонтали, как видно на рисунке 2.

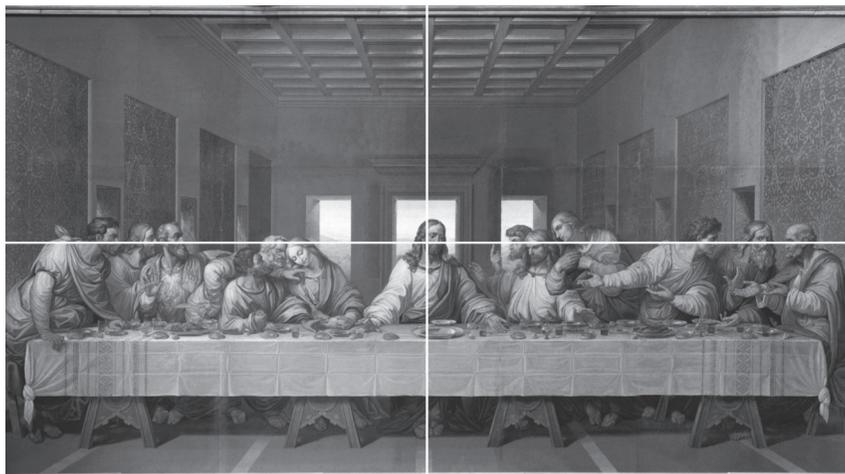

Рис. 1. Результат автоматической аппроксимации линий, определяющих композицию на картине «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи

Проведенное исследование и численный эксперимент подтверждают принципиальную возможность автоматического

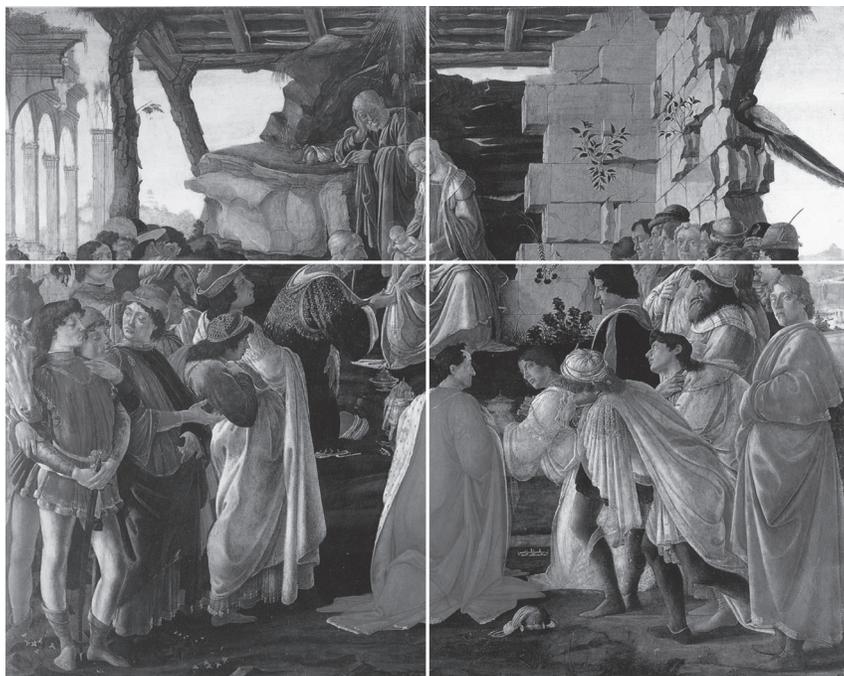

Рис. 2. Результат автоматической аппроксимации линий, определяющих композицию на картине «Поклонение волхвов» Сандро Боттичелли

определения композиции на основе аппроксимации результатов нейросетевого детектирования фигур и лиц на изображении. Тем самым открываются возможности проведения численного анализа композиционной структуры изображений на основе результатов как нейросетевого детектирования объектов на изображениях, так и более сложных нейросетевых операций. Интерес представляет и усложнение анализа результатов детектирования, в частности выявление треугольных и круговых структур в композиции, выявление симметричных структур на изображении [Michaelsen, Vujasinovic 2019]. Пример композиционного треугольника находит отражение на рисунке 2. Объединение результатов численного анализа композиции с существующими атрибутами анализа, имеющимися в распоряжении вычислительной эстетики, их дальнейшее расширение с применением методов нейросетевого анализа позволит провести усовершенствование математических моделей анализа эстетического живописного текста, сделать их ближе к субъективному человеческому восприятию.

Заключение

В рамках решения задач проекта выявлены технические возможности определения синтаксиса живописных произведений. Однако аппарат определения симметрии в живописных текстах, взятый сам по себе, не отвечает на вопрос о художественной специфике композиционных приемов, об их роли в формировании эстетического объекта в зрительском восприятии или о способе видения действительности автором. В философском плане исследование показывает, во-первых, необходимость совершенствования применяемых технических методов анализа композиции с целью определения синтаксической значимости полученных с помощью нейросети результатов. Во-вторых, возникает задача выявления, анализа и интерпретации корреляции между выявленными осями композиционной симметрии и эстетическим эффектом, вызываемым проанализированными художественными полотнами. Несмотря на многовековые усилия по описанию этого эффекта, задача его формализации не решена даже на уровне эстетики текста, не говоря уже об эстетике автора и зрителя. Продолжение вычислительного эксперимента даст возможность приблизиться к пониманию границы между композицией как формализуемой автоматическими средствами конечной синтаксической последовательностью живописного текста и эстетическим эффектом как не формализуемым пока целым, возникающим в зрительском восприятии. В-третьих, синтаксический аппарат выражает в материальной данности текста фикциональную художественную семантику и специфическую прагматику художественной нормы эпохи; совершенствование вычислительных методов, применяемых в исследовании, позволяет надеяться на формулирование технических заданий по выявлению корреляций между измерениями семиозиса применительно к классическим живописным текстам.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Альберти 1935 – *Альберти Л.Б.* Десять книг о зодчестве: в 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1935.
- Волков 1977 – *Волков Н.Н.* Композиция в живописи. – М.: Искусство, 1977.
- Выготский 1986 – *Выготский Л.С.* Психология искусства. – М.: Искусство, 1986.
- Гегель 1968 – *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: в 4 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1968.

Гегель 1973 – *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: в 4 т. Т. 4. – М.: Искусство, 1973.

Ингарден 1962 – *Ингарден Р.* Исследования по эстетике. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962.

Кант 1994 – *Кант И.* Критика способности суждения. – М.: Искусство, 1994.

Мак-Уинни 2009 – *Мак-Уинни Г.* Обзор по эстетическим измерениям // Искусствоведение. Методы точных наук и семиотики. – М.: Либроком, 2009. С. 250–266.

Лосев 2000 – *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. Кн. 1. – М.: АСТ, 2000.

Нестеров, Демина 2019 – *Нестеров А.Ю., Демина А.И.* Художественное произведение как технический объект // Миргород. 2019. № 1 (13). С. 48–74.

Шеллинг 1987 – *Шеллинг Ф.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1987.

Шеннон 1963 – *Шеннон К.Э.* Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.

Якобсон 1921 – *Якобсон Р.* Новейшая русская поэзия. набросок первый. – Прага: Политика, 1921.

Bense 1968 – *Bense M.* Einführung in die Informationsästhetik // Kunst und Kybernetik. – Köln: DuMont, 1968. S. 28–41.

Birkhoff 1933 – *Birkhoff G.D.* Aesthetic Measure. – Cambridge: Harvard University Press, 1933.

Brachmann, Redies 2017 – *Brachmann A., Redies C.* Computational and Experimental Approaches to Visual Aesthetics // Frontiers in Computational Neuroscience. 2017. Vol. 11. Art. 102.

Cetinic et al. 2019 – *Cetinic E., Lipic T., Grgic S.* A Deep Learning Perspective on Beauty, Sentiment, and Remembrance of Art // IEEE Access. 2019. Vol. 7. P. 73694–73710.

Cupchik 1986 – *Cupchik G.C.* A Decade after Berlyne: New Directions in Experimental Aesthetics // Poetics. 1986. Vol. 15. P. 345–369.

Dhar et al. 2011 – *Dhar S., Ordonez V., Berg T.L.* High Level Describable Attributes for Predicting Aesthetics and Interestingness // Proceedings of the 2011 IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition. – Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society, 2011. P. 1657–1664.

Ehsani et al. 2018 – *Ehsani K., Bagherinezhad H., Redmon J., Mottaghi R., Farhadi A.* Who Let The Dogs Out? Modeling Dog Behavior From Visual Data // Proceedings of the 2018 IEEE/CVF Conference on Computer Vision and Pattern Recognition. – Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society, 2018. P. 4051–4060.

Fechner 1876 – *Fechner G.T.* Vorschule der Aesthetik. Vol. 1. – Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1876.

Hegel 2003 – *Hegel G.W.F.* Vorlesungen über die Philosophie der Kunst (1823). – Hamburg: Felix Meiner, 2003.

Hoenic 2005 – *Hoenic F.* Defining Computational Aesthetics // Computational Aesthetics in Graphics, Visualization and Imaging / ed. by L. Neumann, M. Sbert, B. Gooch, W. Purgathofer. 2005. P. 13–18. – URL:

<https://diglib.eg.org/xmlui/bitstream/handle/10.2312/COMPAESTH.COMPAESTH05.013-018/013-018.pdf?sequence=1>.

Kuznetsova et al. 2020 – Kuznetsova A., Rom H., Alldrin N., Uijlings J., Krasin I., Pont-Tuset J., Kamali S., Popov S., Mallocci M., Kolesnikov A., Duerig T., Ferrari V. The Open Images Dataset V4: Unified Image Classification, Object Detection, and Visual Relationship Detection at Scale // International Journal on Computer Vision. 2020. Vol. 128. No. 7. P. 1956–1981.

Michaelsen, Vujasinovic 2019 – Michaelsen E., Vujasinovic S. Estimating Efforts and Success of Symmetry-Seeing Machines by Use of Synthetic Data // Symmetry. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 1–16.

Talebi, Milanfar 2018 – Talebi H., Milanfar P. Nima: Neural Image Assessment // IEEE Transactions on Image Processing. 2018. Vol. 27. No. 8. P. 3998–4011.

Zhang et al. 2018 – Zhang R., Isola P., Efros A.A., Shechtman E., Wang O. The Unreasonable Effectiveness of Deep Features as a Perceptual Metric // Proceedings of the 2018 IEEE/CVF Conference on Computer Vision and Pattern Recognition. – Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society, 2018. P. 586–595.

REFERENCES

Alberti L.B. (1935) *The Ten Books of Architecture: in 2 Vols* (Vol. 1). Moscow: All-Union Architecture Academy Press (in Russian).

Bense M. (1968) Einführung in die Informationsästhetik. In: Ronge H. (Ed.) *Kunst und Kybernetik* (pp. 28–41). Köln: DuMont (in German).

Birkhoff G.D. (1933) *Aesthetic Measure*. Cambridge: Harvard University Press.

Brachmann A. & Redies C. (2017) Computational and Experimental Approaches to Visual Aesthetics. *Frontiers in Computational Neuroscience*. Vol. 11, art. 102.

Cetinic E., Lipic T., & Grgic S. (2019) A Deep Learning Perspective on Beauty, Sentiment, and Remembrance of Art. *IEEE Access*. Vol. 7, pp. 73694–73710.

Cupchik G.C. (1986) A Decade after Berlyne: New Directions in Experimental Aesthetics. *Poetics*. Vol. 15, pp. 345–369.

Dhar S., Ordonez V., & Berg T.L. (2011) High Level Describable Attributes for Predicting Aesthetics and Interestingness. In: *Proceedings of the 2011 IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition* (pp. 1657–1664). Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society, 2018.

Ehsani K., Bagherinezhad H., Redmon J., Mottaghi R., & Farhadi A. (2018) Who Let The Dogs Out? Modeling Dog Behavior From Visual Data. In: *Proceedings of the 2018 IEEE/CVF Conference on Computer Vision and Pattern Recognition* (pp. 4051–4060). Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society, 2018.

Fechner G.T. (1876) *Vorschule der Aesthetik* (Vol. 1). Leipzig: Breitkopf & Härtel (in German).

Hegel G.W.F. (1968) *Aesthetics* (Vols. 1–4; Vol. 1). Moscow: Iskusstvo (Russian translation).

Hegel G.W.F. (1973) *Aesthetics* (Vols. 1–4; Vol. 4). Moscow: Iskusstvo (Russian translation).

Hegel G.W.F. (2003) *Vorlesungen über die Philosophie der Kunst* (1823). Hamburg: Felix Meiner (in German).

Hoening F. (2005) Defining Computational Aesthetics. In: Neumann L., Sbert M., Gooch B., Purgathofer W. *Computational Aesthetics in Graphics, Visualization and Imaging*. Retrieved from <https://diglib.eg.org/xmlui/bitstream/handle/10.2312/COMPAESTH.COMPAESTH05.013-018/013-018.pdf?sequence=1>

Ingarden R. (1962) *Aesthetics Research*. Moscow: Inostrannaya literatura (Russian translation).

Jakobson R. (1921) *The Newest Russian Poetry. Sketch No. 1*. Prague: Politika (in Russian).

Kant I. (1994) *The Critique of Judgment*. Moscow: Iskusstvo (Russian translation).

Kuznetsova A., Rom H., Alldrin N., Uijlings J., Krasin I., Pont-Tuset J., Kamali S., Popov S., Mallocci M., Kolesnikov A., Duerig T., Ferrari V. (2020) The Open Images Dataset V4: Unified Image Classification, Object Detection, and Visual Relationship Detection at Scale. *International Journal on Computer Vision*. Vol. 128, no. 7, pp. 1956–1981.

Losev A.F. (2000) *The History of Classical Aesthetics. Late Centuries*. Moscow: AST Publishers (in Russian).

McWhinnie H.J. (1968) A Review of Research on Aesthetic Measure. *Acta Psychologica*. Vol. 28, pp. 363–375 (Russian translation in: *Artmetry. Methods of Exact Sciences and Semiotics*. Moscow: Liberkom, 2009).

Michaelsen E. & Vujasinovic S. (2019) Estimating Efforts and Success of Symmetry-Seeing Machines by Use of Synthetic Data. *Symmetry*. Vol. 11, no. 2, pp. 1–16.

Nesterov A. & Demina A. (2019) An Artwork as a Technical Object. *Mirgorod*. Vol. 1, no. 13, pp. 48–74 (in Russian).

Shelling F. (1987) *Works*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Shannon C.E. *Cybernetics and Information Theory*. Moscow: Inostrannaya literatura (Russian translation).

Talebi H., Milanfar P. (2018) Nima: Neural Image Assessment. *IEEE Transactions on Image Processing*. Vol. 27, no. 8, pp. 3998–4011.

Volkov N.N. (1977) *Composition in Painting*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Vygotsky L.S. (1986) *The Psychology of Art*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Zhang R., Isola P., Efros A.A., Shechtman E., & Wang O. (2019) The Unreasonable Effectiveness of Deep Features as a Perceptual Metric. In: *Proceedings of the 2018 IEEE/CVF Conference on Computer Vision and Pattern Recognition* (pp. 586–595). Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, семинары, круглые столы

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-141-150

Обзор мероприятий

Events summary

«Лемовские чтения»: обзор регулярной международной научной конференции, посвященной научной фантастике

А.Ю. Нестеров, А.И. Демина

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара, Россия*

Аннотация

В статье представлен обзор регулярной Международной научной конференции «Лемовские чтения», посвященной научной фантастике. Конференция проводится с 2007 года кафедрой философии совместно с кафедрой русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. В обзоре показана история конференции, сформулированы основные определения категории фантастического, предложенные в ходе работы, продемонстрированы темы, жанры и ключевые подходы, составляющие проблемное поле, перечислены наиболее авторитетные из постоянных участников. Лемовские чтения в настоящее время – международная площадка регулярного междисциплинарного диалога философов техники и футурологов, действующих инженеров и ученых, антропологов и социологов. Базовые принципы конференции – свобода выражения, профессионализм, стремление к синтезу разнородных систем – соответствуют представлению о фантастическом как действительном возможном и остаются неизменными.

Ключевые слова: философия творчества, философия техники, футурология, вымысел, Станислав Лем.

Нестеров Александр Юрьевич – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, директор Социально-гуманитар-

ного института Самарского национального университета имени академика С.П. Королева.

aynesterow@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

Демина Анна Ивановна – специалист по учебно-методической работе кафедры философии Самарского национального университета имени академика С.П. Королева.

ademina83@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

Для цитирования: *Нестеров А.Ю., Демина А.И.* «Лемовские чтения»: обзор регулярной международной научной конференции, посвященной научной фантастике // *Философские науки*. 2022. Т. 65. № 2. С. 141–150. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-141-150

Lem Readings: A Summary of the Regular International Scientific Conference on Science Fiction

A.Yu. Nesterov, A.I. Demina

Samara National Research University, Samara, Russia

Abstract

The article reviews the regular international scientific conference on science fiction – Stanisław Lem Readings. The conference is held since 2007 by the Department of Philosophy in collaboration with the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations of the Samara National Research University. The summary shows the history of the conference, formulates the main definitions of the category of science fiction, proposed by its participants, demonstrates the topics, genres, and key approaches that make up the problem field, lists its most eminent speakers. Lem Readings are currently an international platform for a regular interdisciplinary dialogue between philosophers of technology and futurologists, active engineers and scientists, anthropologists and sociologists. The basic principles of the conference – freedom of expression, professionalism, striving for the synthesis of heterogeneous systems – remain unchanged during the years, and they correspond to the idea of the science fictional as a possibility that can be realized.

Keywords: philosophy of creativity, philosophy of technology, futures studies, imagination, Stanisław Lem.

Alexander Yu. Nesterov – D.Sc. in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Samara National Research University.
aynesterow@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

Anna I. Demina – Specialist in Educational and Methodological Work, Department of Philosophy, Samara National Research University.
ademina83@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

For citation: Nesterov A.Yu. & Demina A.I. (2022) Lem Readings: A Summary of the Regular International Scientific Conference on Science Fiction. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 2, pp. 141–150. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-141-150

История

Конференция, давшая начало Лемовским чтениям, называлась «Фантастика и технологии». Она прошла в Самарском университете (в тот период – Самарском государственном аэрокосмическом университете) в 2007 году при поддержке ассоциации исследователей фантастики, в 2009 году был издан сборник научных статей [Фантастика и технологии... 2009]. В конференции приняли участие ведущие специалисты в области фантастики из России, Болгарии, Чехии и Германии. Среди них – **Елена Николаевна Ковтун** (Москва), **Петер Ристхаус** (Бохум), **Леонид Александрович Ашкинази** (Москва), **Артем Борисович Гуларян** (Орел), **Сергей Алексеевич Голубков** (Самара), **Ирина Владимировна Саморукова** (Самара) и др. Спектр обсуждаемых вопросов включал в себя общетеоретические проблемы определения специфики и универсальности жанра, вопросы интерпретации и анализа творчества Станислава Лема в физике, космологии и литературоведении, проблемы фантастического в литературе и культуре.

Вторые Лемовские чтения состоялись в 2013 году при поддержке Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта и стратегического общественного движения «Россия 2045», сборник статей был издан в 2014 году [Вторые Лемовские чтения... 2014]. В конференции приняли участие филологи, философы из Самары и 14 регионов России, Украины и Германии. Почетными гостями конференции стали **Нильс Вербер** (Зиген), **Галина Григорьевна Ишимбаева** (Уфа), **Владимир Георгиевич Редько** (Москва). В центре внимания докладчиков оказалась фантастика как способ

построения художественных текстов и как способ мышления о будущем. Значимым результатом Вторых Лемовских чтений стала развернувшаяся дискуссия о сценариях эволюции человека, ее целях и задачах, о роли рационального знания в XXI веке.

Третьи Лемовские чтения прошли в 2016 году, и в этом же году при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации был издан сборник статей [Третьи Лемовские чтения... 2016]. В конференции приняли участие более 50 человек из 15 городов России и Польши. Почетными гостями конференции в 2016 году стали **Сергей Леонидович Катречко** (Москва), **Николай Михайлович Твердынин** (Москва), **Марина Николаевна Вольф** (Новосибирск), **Якуб Гомулка** (Краков). В рамках Третьих Лемовских чтений состоялся круглый стол «Идеология техники в научной фантастике: традиция vs трансгуманизм», объединивший представителей гуманитарного и технического знания, представивших свое видение возможного образа будущего в рамках консерватизма и прогрессизма [Нестеров, Демина 2016].

Четвертые Лемовские чтения прошли в 2018 году [Четвертые Лемовские чтения... 2018]. В конференции приняли участие более 50 человек из 11 регионов России, Беларуси, Казахстана, Германии. Среди вынесенных на обсуждение тем – художественное и философское наследие Станислава Лема; теоретические основания научной фантастики: теоретико-литературные и философские подходы; история и современное состояние научно-фантастической литературы: темы, идеи, авторы; модели будущего в научной фантастике: неочеловек и альтернативные социальные модели; научная фантастика и война идеологий; кибернетическое бессмертие и трансгуманизм; научная фантастика и научно-технологический прогресс: прогностические модели реальной науки и их история; педагогический потенциал научной фантастики. Почетным гостем Четвертых Лемовских чтений стал переводчик Станислава Лема **Виктор Язневич** (Минск), предоставивший для публикации в сборнике материалов конференции две оригинальные, ранее не издававшиеся на русском языке статьи Станислава Лема: «Литература и философия, или “Я хотел спасти мир”» и «Уэллс, Ленин и будущее мира». В рамках Четвертых Лемовских чтений были проведены мастер-класс для молодых ученых от профессора Бременского университета **Ивонны Пёрцген** (Бремен) и круглый стол «Жив или мертв пилот Пиркс на самом деле? Изобретение в литературе, технике и философии».

В 2020 году прошли Пятые Лемовские чтения. В условиях пандемии коронавируса COVID-19 они впервые проводились в смешанном формате. В конференции участвовали более 50 человек из 13 регионов России, Казахстана, Германии и Польши. В сборник трудов [Пятые Лемовские чтения... 2020], изданный при поддержке РФФИ, вошли 60 статей 66 авторов. Почетными гостями конференции в 2020 году стали *Гунтер Шольц* (Бохум), *Альфред Нордманн* (Дармштадт), *Нильс Вербер* (Зиген), *Ивонна Пёриген* (Бремен), *Павел Околовский* (Варшава), *Ивона Анна Ндяй* (Ольштын). В сборнике трудов конференции впервые на русском языке опубликовано эссе Станислава Лема «Видение философа на льдине» в переводе Виктора Язневича. Впервые в истории Лемовских чтений был организован конкурс детского научно-фантастического рассказа, произведение победителя опубликовано в сборнике.

Шестые Лемовские чтения состоялись в 2022 году и объединили более 60 участников из 13 регионов России, Казахстана, Беларуси, Германии, Италии. В рамках конференции прошел междисциплинарный круглый стол «Процессы создания действительности: метавселенные визионеров и их воплощения», в котором приняли участие *В.И. Аршинов* (Москва, Институт философии РАН), *П.Н. Барышников* (Пятигорск, Пятигорский государственный университет), *Е.В. Введенская* (Москва, ИНИОН РАН, РНИМУ), *Е.А. Гаврилина* (Москва, ИНИОН РАН, МГТУ), *А.Р. Ефимов* (Москва, Сбербанк), *Г.В. Заломкина* (Самара, Самарский университет), *В.Е. Лепский* (Москва, Институт философии РАН), *А.В. Никоноров* (Самара, Институт искусственного интеллекта Самарского университета), *О.В. Попова* (Москва, Институт философии РАН), *Ю.Ю. Черный* (Москва, ИНИОН РАН), *Н.А. Ястреб* (Вологда, Вологодский государственный университет). Модераторами дискуссии выступили *О.Н. Гуров* (Москва, РАНХиГС) и *А.Ю. Нестеров* (Самара, Самарский университет) [Гуров 2022].

В сборниках материалов конференции (с Третьих Лемовских чтений) представлены произведения самарской художницы *Светланы Лихачевой*. При оформлении сборника Вторых Лемовских чтений использованы работы *Карла Аймермахера*.

Определение фантастического

Значимым результатом Лемовских чтений можно считать разрабатываемый участниками методологический аппарат теоретического описания научной фантастики. В ряде публикаций

сформулированы определения понятия фантастического, уточнены его специфика и структура. Например, **И.В. Саморукова** рассматривает три способа конструирования фантастического: 1) «репрезентация фантастического как “онтологического”, как безусловного атрибута модели мира в произведении», конструирование мира, отделенного от читателя пространственно-временной и ценностной дистанцией; 2) фантастическое «конвенциональное» – имеющее отношение к жанровой структуре литературы, в которой фантастические жанры «воспринимаются таковыми только на фоне т.н. нефантастических», миметических жанров; 3) функциональный способ конструирования фантастического, где фантастическое выступает в качестве функции внутри поэтической структуры и связано с мотивом тайны, загадки¹.

А.Ю. Нестеров определяет фантастическое как логический парадокс – ситуацию, в которой оказывается логически невозможно определить условия, при которых высказывание истинно или ложно, как автореферентное (самоприменимое) отрицание². **А. Михайлов** трактует фантастическое как «иное культуры», как мировоззренческую категорию, «фиксирующую разрыв в привычном, вызванный таким пересечением границы естественного и сверхъестественного, в результате которого воспринимающий испытывает колебание в отношении реальности происходящего»³. **С.А. Голубков** и **Т.В. Казарина** характеризуют фантастическое как «еще не объясненное, еще не познанное»⁴.

Авторы и жанры

Значительная часть докладов на Лемовских чтениях традиционно посвящена различным аспектам творчества польского писателя и философа⁵. Однако за годы проведения конференции

¹ Саморукова И.В. Конструирование фантастического в литературе [Фантастика и технологии... 2009, 3–12].

² Нестеров А.Ю. Фантастическое как логический парадокс [Фантастика и технологии... 2009, 13–31].

³ Михайлов А. Фантастическое как иное культуры [Фантастика и технологии... 2009, 34–35].

⁴ Казарина Т.В. Трансформация чудесного в современной фантастике [Третьи Лемовские чтения... 2016, 109–127].

⁵ См., например: Аишкинази Л. Космологические идеи Лема в сопоставлении с современной космологией [Фантастика и технологии... 2009, 57–60]; Ковтун Е. «Понять друг друга...»: Проблема контакта с инопланетным разумом в творчестве Станислава Лема [Фантастика и технологии...]

в центре внимания участников оказывалось множество других авторов: современные фантасты, такие как Н. Стивенсон⁶, Ч. Мьевиль⁷, Р. Рюкер⁸, Р. Морган⁹, Т. Чан, У. Гибсон, В. Виндж, Д. Симмонс, Д. Нун, Г. Розендорфер¹⁰, Г.В. Франке, А. Эшбах, Т.Э.Д. Клайн и др.; классики западной *sci-fi*, как, например, А. Азимов, Р. Желязны, Р. Брэдбери, Ф. Дик; отечественные фантасты, например, А.Н. Толстой, А. Богданов, А.Р. Беляев, И. Ефремов, К. Булычев, Аркадий и Борис Стругацкие, В. Пелевин, М. Галина, а также множество авторов, творчество которых не маркируется жанром научной фантастики, однако фантастический элемент играет в нем важную роль. Среди них – М. Булгаков, Н.В. Гоголь¹¹, А. Грин, С. Кржижановский, И. Ильф и Е. Петров, А. Платонов, А.К. Гольдебаев, В.И. Крыжановская, М.Ю. Харитонов, И. Холин, Е. Сосновский, А.Б. Касарес, Г.Г. Маркес и многие др.

В числе традиционно освещаемых на конференции вопросов – художественный вымысел в различных жанровых системах,

2009, 67–76]; *Смердова Е.А.* Станислав Лем о возможности кибернетического моделирования творческих процессов. Машина и текстопорождение [Вторые Лемовские чтения... 2014, 120–129]; *Гомулка Я.* Аргумент Станислава Лема против пари Паскаля [Третьи Лемовские чтения... 2016, 335–352]; *Язневич В.И.* Философ будущего Станислав Лем [Четвертые Лемовские чтения... 2018, 228–241]; *Перцген И.* Вампирический Лем [Четвертые Лемовские чтения... 2018, 117–124]; *Конев В.А.* Андрей Тарковский vs бр. Стругацкие и Станислав Лем [Пятые Лемовские чтения... 2020, 63–73]; *Нестеров А.Ю.* Концепция искусственной культуры («синтуры») Лема в контексте философии техники и философии культуры [Пятые Лемовские чтения... 2020, 73–81].

⁶ *Вольф М.Н.* История философии как роман: «Анафем» Нила Стивенса [Третьи Лемовские чтения... 2016, 310–335].

⁷ *Сериков А.Е.* Мыслеречь как наркотик, метафора как лекарство: о модели языка в «Посольском городе» Ч. Мьевеля [Четвертые Лемовские чтения... 2018, 138–144].

⁸ *Демина А.И.* Психологические теории этапов творческого процесса на примере тетралогии Р. Рюкера «Ware» [Четвертые Лемовские чтения... 2018, 61–75].

⁹ *Попов Д.В.* «Окончательная смерть» биополитики как сумма технологий в «Видоизмененном углероде» Р. Моргана [Пятые Лемовские чтения... 2020, 399–406].

¹⁰ *Ишимбаева Г.Г.* Триады М. Бубера в фантастическом романе Г. Розендорфера «Большое соло для Антона» [Пятые Лемовские чтения... 2020, 250–253].

¹¹ *Кривонос В.Ш.* Фантастика и гротескная реальность у Гоголя [Третьи Лемовские чтения... 2016, 145–162].

эволюция жанра научной фантастики¹², жанровые особенности фэнтези¹³, утопия и антиутопия¹⁴, фантастика и образы будущего, прогностический потенциал фантастики¹⁵, фантастический элемент в разных жанрах и видах искусства¹⁶, связь фантастического с различными эстетическими категориями¹⁷.

Подходы

За годы работы конференции спектр исследуемых проблем трансформировался и расширялся. Первые Лемовские чтения были сосредоточены в большей степени на творчестве Станислава Лема и рассмотрении фантастики как элемента художественного

¹² Мальцева Н.Г., Разумовская Е.А. Американская *sci-fi* 1950-60-х годов: перевод как инструмент идеологического воздействия [Третьи Лемовские чтения... 2016, 177–198]; Саморукова И.В. Фантастический мир и фантастический сюжет: проблема инновации в *science fiction* [Вторые Лемовские чтения... 2014, 8–17].

¹³ Афанасьева Е. Жанр фэнтези: проблема классификации [Фантастика и технологии... 2009, 86–94]; Денцова Т.Ю. Трансформация жанра фэнтези в современном медиaprостранстве. Редакторский аспект [Пятые Лемовские чтения... 2020, 231–236].

¹⁴ Гуларян А.Б., Третьяков О.В. Эволюция жанра антиутопии и утопии в социальной фантастике в 1990-х годах [Фантастика и технологии... 2009, 101–118]; Гуларян А.Б., Третьяков О.В. Место эсхатологии и антиутопии в современной фантастике [Вторые Лемовские чтения... 2014, 71–77]; Лобин А.М. Мистика и фантастика как типы художественного вымысла в современной ретроспективной прозе и антиутопии [Вторые Лемовские чтения... 2014, 77–88].

¹⁵ Бочкова О.С. Взаимодействие фантастичности и прогностичности в экологической фантастике, создаваемой учеными (на материале повести «Популярная глобалистика» Р.Р. Габдуллина, И.В. Ильина, А.В. Иванова, Е.Е. Захарова) [Третьи Лемовские чтения... 2016, 11–24]; Голубков С.А. Роман А.Р. Беляева «Борьба в эфире»: судьба писательских прогнозов [Четвертые Лемовские чтения... 2018, 45–51]; Вербер Н. Гарантия количества: роль техники в размышлениях о будущем [Вторые Лемовские чтения... 2014, 143–161].

¹⁶ Заломкина Г. Специфика фантастического в литературной готике [Фантастика и технологии... 2009, 128–138]; Поздняков К.С. Совмещение элементов готической и научной фантастики в романе Т.Э.Д. Клайна «Церемонии» [Пятые Лемовские чтения... 2020, 306–311]; Ройфе А. Фантастика в театре новейшего времени [Фантастика и технологии... 2009, 196–209]; Шевченко В. Взаимодействие научной фантастики и публицистического дискурса [Фантастика и технологии... 2009, 235–243].

¹⁷ Голубков С.А. Фантастическое и комическое (на материале русской литературы XX века) [Фантастика и технологии... 2009, 50–56].

языка. Сборник Первых Лемовских чтений включал в себя такие разделы, как «Понятие и проблема фантастического», «Интерпретация и анализ творчества Станислава Лема в физике, космологии и литературоведении», «Фантастические жанры, темы и направления», «Интерпретации интерпретаций произведений Станислава Лема», «Фантастическое в литературе и культуре», «Универсальность фантастического». Вторые Лемовские чтения расширили спектр рассматриваемых авторов и, помимо художественных аспектов фантастических произведений, вынесли на обсуждение варианты развития современного общества, роль техники в этом развитии. Статьи сборника Вторых Лемовских чтений сгруппированы в два раздела: «Фантастическое в художественных языках» и «Фантастическое как философия и история будущего». В Третьих Лемовских чтениях развернут и проанализирован широкий круг философских вопросов, поднимаемых фантастикой: от философии техники до истории философии, философской антропологии и теории познания¹⁸ (разделы «Филологические вопросы научной фантастики» и «Философские вопросы научной фантастики»). Четвертые Лемовские чтения дополнились анализом вопросов образования в аспекте научной фантастики, а также публикациями архивных материалов Станислава Лема (разделы «Фантастические вопросы в филологии», «Фантастические вопросы в философии», «Фантастические вопросы в социологии и образовании»). Пятые Лемовские чтения акцентировали внимание на теоретических вопросах философии техники и творчества (разделы «Философия техники и творчества», «Фантастика в литературе», «Фантастика в социальных проектах», «Лемовский архив», «Детский взгляд»).

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вторые Лемовские чтения... 2014 – Вторые Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. – Самара: Изд-во Самарского государственного аэрокосмического университета, 2014.

Гуров 2022 – Гуров О.Н. Панельная дискуссия «Процессы создания действительности: метавселенные визионеров и их воплощения» (30 марта 2022 г.) // Искусственные общества. 2022. Т. 17. № 2.

¹⁸ Катречко С.Л. Фантастика, фантазма и проблема ментальных образов [Третьи Лемовские чтения... 2016, 404–421]; Твердынин Н.М. Влияние научной фантастики на научное и обыденное сознание: сходство и различия [Третьи Лемовские чтения... 2016, 534–546].

Нестеров, Демина 2016 – Нестеров А.Ю., Демина А.И. Фантастическое есть еще не познанное // Философские науки. 2016. № 6. С. 143–148.

Пятые Лемовские чтения... 2020 – Пятые Лемовские чтения: сб. материалов Международной научной конференции памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020.

Третьи Лемовские чтения... 2016 – Третьи Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2016.

Фантастика и технологии... 2009 – Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): сб. материалов Международной научной конференции, 29–31 марта 2007 г. – Самара: Раритет, 2009.

Четвертые Лемовские чтения... 2018 – Четвертые Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018.

REFERENCES

Gurov O.N. (2022) Panel Discussion “The Processes of Reality Creation: Metaverses of Visionaries and Projects of its Embodiment” (March 30, 2022). *Iskusstvennye obshchestva*. Vol. 17, no. 2 (in Russian).

Nesterov A.Yu. (Ed.) (2014) *Second Lem Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation in Memory of Stanislaw Lem*. Samara: Samara State Aerospace University Publishing House (in Russian).

Nesterov A.Yu. (Ed.) (2016) *Third Lem Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation in Memory of Stanislaw Lem*. Samara: Samara University Publishing House (in Russian).

Nesterov A.Yu. (Ed.) (2018) *Fourth Lem Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference With International Participation in Memory of Stanislaw Lem*. Samara: Samara Humanities Academy (in Russian).

Nesterov A.Yu. (Ed.) (2020) *Fifth Lem Readings: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Stanislaw Lem*. Samara: Samara Humanities Academy (in Russian).

Nesterov A.Yu. & Demina A.I. (2016) The Science Fictional as Yet Unknown. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. No. 6, pp. 143–148 (in Russian).

Nesterov A.Yu. & Kuznetsova E.R. (Eds.) (2009) *Science Fiction and Technology (in memory of Stanislaw Lem). Proceedings of the International Scientific Conference, March 29–31, 2007*. Samara: Raritet (in Russian).

Семинар как практика формирования философского сообщества: теоретический семинар «Философия культуры» кафедры философии Самарского университета

А.С. Костомаров, И.В. Пахолова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению теоретического семинара В.А. Конева «Философия культуры» как культурного и философского явления. В статье проанализирована исследовательская программа семинара, ее основные научные принципы, а также дан обзор содержания ключевых сборников, опубликованных по итогам работы семинара. Теоретический семинар «Философия культуры» стал основой для формирования философского сообщества в Самаре. Благодаря постоянной работе теоретического семинара самарские философы оказались в ситуации принуждения к фундаментальным философским практикам – чтению и обсуждению философских текстов, полемике, диспуту. Чтение и обсуждение основополагающих текстов современной философии стало хорошей школой для многих самарских философов, позволило им прояснить или выработать заново свою методологическую позицию. Самарский теоретический семинар «Философия культуры» дает нам пример того, как возможно существование и развитие философии не только в России, но и в культуре в целом, как для философии жизненно необходима очень насыщенная среда философского общения, живой философской мысли.

Ключевые слова: онтология индивидуальности, метафизика апостериори, трансцендентальный эмпиризм, социальность, небытие, метатеория сознания.

Костомаров Артур Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Социально-гуманитарного института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.
arthur_boyard@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0733-3011>

Пахолова Ирина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Социально-гуманитарного института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.
vienn@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5565-1036>

Для цитирования: *Костомаров А.С., Пахолова И.В.* Семинар как практика формирования философского сообщества: теоретический семинар «Философия культуры» кафедры философии Самарского университета // Философские науки. 2022. Т. 65. № 2. С. 151–159.
DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-151-159

Seminar as a Practice of Creating a Philosophical Community: Philosophy of Culture Seminar at the Philosophy Department of Samara University

A.S. Kostomarov, I.V. Pakholova

Samara National Research University, Samara, Russia

Abstract

The article reviews the Philosophy of Culture Seminar (lead by V.A. Konev) as a cultural and philosophical phenomenon. The article discusses the seminar's research program, its basic scientific principles, as well as the content of books published as a result of the seminar. The Philosophy of Culture Seminar became the basis for the formation of a philosophical community in Samara. Thanks to the constant work of the theoretical seminar, Samara philosophers found themselves in a situation of compulsion to fundamental philosophical practices – reading and discussing philosophical texts, polemics, debates. Reading and discussing the fundamental works of contemporary philosophy has become a good school for many Samara philosophers, allowing them to clarify or redevelop their methodological position. The Philosophy of Culture Seminar in Samara gives us an example of how the existence and development of philosophy is possible not only in Russia but in the whole culture, of how a very rich environment of philosophical communication and living philosophical thought are vital for philosophy.

Keywords: ontology of individuality, metaphysics of a posteriori, transcendental empiricism, sociality, non-existence, metatheory of mind.

Artur S. Kostomarov – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Humanities, Samara National Research University.

arthur_boyard@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0733-3011>

Irina V. Pakholova – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Humanities, Samara National Research University.

vienn@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5565-1036>

For citation: Kostomarov A.S & Pakholova I.V. (2022) Seminar as a Practice of Creating a Philosophical Community: Philosophy of Culture Seminar at the Philosophy Department of Samara University. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 2, pp. 151–159.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-151-159

Более 30 лет на кафедре философии Самарского университета работает постоянно действующий семинар «Философия культуры» (научный руководитель – Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор Владимир Александрович Конев), на заседаниях которого каждый третий вторник месяца учебного года выступают с докладами как члены кафедры, так и ученые из других городов и ву-

зов. Приглашенными докладчиками на семинаре в разное время были В.И. Молчанов, А.И. Алёшин (Российский государственный гуманитарный университет), С.С. Неретина (Институт философии РАН), В.В. Савчук (Санкт-Петербургский государственный университет), А.В. Магун (Европейский университет в Санкт-Петербурге). Благодаря деятельности семинара вокруг кафедры философии Самарского университета сложилось сообщество философов, получившее известность в стране. Результаты работы отражены в сборниках научных статей «Философия культуры», выходящих в 1993, 1995, 1996, 1997, 1998, 2000 годах в издательстве «Самарский университет», а также в сборниках научных статей «Философия и культура» (1997) и «Смысл и выражение: Контровверзы современного гуманитарного знания» (2001), «Идея университета и топос мысли» (2005) [Философия культуры... 1993; Философия культуры... 1995; Философия культуры... 1996; Философия культуры... 1997; Философия культуры... 1998; Философия и культура... 1997; Смысл и выражение... 2001; Идея университета... 2005].

Регулярная деятельность семинара способствовала профессиональному росту многих представителей самарского философского сообщества. За время работы теоретического семинара «Философия культуры» постоянные участники семинара защитили кандидатские и докторские диссертации: С.И. Голенков, В.Л. Лехциер, С.В. Соловьева, Ю.А. Разинов, А.Ю. Нестеров, С.А. Лишаев, Е.Я. Бурлина, Л.Б. Четырова, Н.А. Чуракова, Е.Д. Богатырева, И.В. Дёмин, Е.В. Максимова (Захарова), А.С. Костомаров, И.В. Пахолова и др. Философское сообщество, сложившееся вокруг семинара, стало точкой роста для многих коллег не только в вузах Самары и Самарской области, но и за ее пределами.

Теоретический семинар «Философия культуры» посвящен рассмотрению мира культуры как мира значимого, ценностного бытия, выявлению онтологических оснований индивидуального бытия, обнаружению оснований креативной, творческой деятельности. Исследовательская оптика семинара в осмыслении мира культуры определена работами В.А. Конева, который рассматривает человеческий мир, мир культуры через оппозицию бытия и небытия. Такой ракурс позволяет увидеть любое культурное явление в перспективе времени и события, в его уникальном, неповторимом историческом характере. Методологическим направлением семинара стал анализ мира культуры, философская критика, аналитика основания всякого произведения. Важная научная специфика семинара заключается в том, что рассмотрение онтологических оснований культурного и индивидуального бытия происходит через обращение к современной постклассической философии и диагностике современности.

Исследовательская программа семинара «Философия культуры» сформировалась в контексте идей, развиваемых научным семинаром М.А. Розова в Новосибирском государственном университете, москов-

ским методологическим кружком Г.П. Щедровицкого, школой диалога культур В.С. Библера. Благодаря этим идеям не только определился научный горизонт семинара, но в его деятельность была привнесена живая, свободная от всякого догматизма творческая атмосфера.

Анализ актуальных проблем современности, обращение к современной философии, дух творчества – все это постепенно сделало теоретический семинар «Философия культуры» заметным явлением не только в университетском пространстве, но и в культурной жизни Самарской области и за ее пределами. Вокруг семинара как живого опыта мысли, как сознания вслух (М.К. Мамардашвили), сложилось сообщество людей, для которых работа в семинаре становится не только способом познания конкретной социально-исторической ситуации, но формой критического осмысления самих себя. В этом, бесспорно, заключается экзистенциальная значимость семинара «Философия культуры»: прививка к мышлению, умение рождать себя в мысли и пользоваться своим собственным разумом в динамически меняющемся мире.

Особенно стоит отметить роль и значение семинара «Философия культуры» для университетского пространства. Регулярная и систематическая работа семинара, выступления аспирантов, студентов, исследователей в конкретных областях знания позволили университету обрести свой содержательный, а не формальный облик, стать свободной площадкой для дискуссий, полемическим пространством рождения истины, содружеством различных научных школ. Концептуальный характер семинара «Философия культуры» и его методологическое единство сыграли решающую роль в формировании философского сообщества в Самарском регионе. На семинаре под руководством В.А. Конева философы получили возможность обсуждения актуальных философских проблем, выработки глубокого научного видения современного состояния культуры и представления результатов своей творческой работы. Это живое сообщество, которое определено не институциональной принадлежностью своих представителей, но общим стилем, этосом, стремлением через свободную философскую рефлексию постичь истоки и основания того явления, которое удивляет и вызывает к своему изучению и осмыслению.

Одно из центральных направлений работы теоретического семинара связано с техникой медленного чтения знаковых текстов современных философов, обращенных к проблемам сознания и социокультурного бытия. Не только для самарского, но и для всего отечественного философского сообщества штудирование главных философских произведений XX века в какой-то момент стало необходимым, чтобы восполнить пробелы, возникшие в советский период в знании современной отечественной и западной мысли. Обращение к наиболее важным текстам современной философии стало не только школой философской мысли

для участников семинара, но и повлияло на их исследовательские интересы.

Мы хотели бы обратить внимание читателя на те ключевые сборники семинара «Философия культуры», по которым можно проследить его становление как философского и культурного явления.

Одной из первых значимых работ, к которой обратились участники семинара, явился текст М.К. Мамардашавили «Картезианские размышления» [Конев 1996]. Задачей при этом было не только стремление раскрыть авторское понимание специфики философии, сознания, предназначения человека, но и определение контуров новой неклассической метафизики. Согласно мысли В.А. Конева, Мамардашавили создает оригинальную метафизику апостериори. Если классическая метафизика исходит из существования определенных трансцендентальных структур, которые выступают основанием порядка, то метафизика апостериори отказывается от всякой предпосылочности и исходит из свершающегося опыта (события индивидуальности), по окончании которого можно говорить о всеобщих законах и истинах, которые только на втором шаге уже предстают как вечные и безусловные. Эмпирическая метафизика, или метафизика апостериори, показывает, что символические структуры требуют онтологического прецедента, события индивидуальности, рождения индивидуальности, без которой их продуктивное существование оказывается невозможным. То есть символические структуры не существуют всегда в готовом и завершенном виде, и мы не можем коммуницировать их содержание, если не свершилось событие рождения индивидуальности. Представляется, что метафизика апостериори, предложенная Мамардашавили, является одним из способов ответа на вопрос Ж.-Ф. Лиотара, о том, как возможно существование символического пространства и присутствие человека в культуре в условиях кризиса и заката претендующих на универсальность метанарраций.

Следующей значимой вехой в развитии семинара «Философия культуры» стало обращение к фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, к трактату «Бытие и время» [Конев 2000]. Следует отметить, что выпущенный по итогам работы семинара сборник «Критика способности быть (семинары по “Бытию и времени” Мартина Хайдеггера)» сыграл заметную роль в рецепции экзистенциальной философии Хайдеггера в отечественной философии. В своих выступлениях участники семинара определяют экзистенциальную аналитику Хайдеггера как критику способности быть. Это означает, что философия как критическая онтология имеет дело не с миром сущего, а с критикой самой способности быть, которая предполагает экспликацию и понимание бытия, выявление его смысла. Главной в сборнике оказалась идея о том, человеческое присутствие определяет себя из своей способности быть, которая невозможна без временности, без выбора и решимости.

А значит, философия начинает определять мир не в терминах сущности и субстанции, но в перспективе события, произведения и свободы. Понимание философии как критической онтологии стало тем общим методологическим принципом, который начал реализовываться не только в преподавании философских дисциплин, но и в исследовании конкретных философских проблем.

Идея метафизики апостериори, принадлежащая Мамарадашвили, получила свое выражение в цикле семинаров, посвященных трансцендентальному эмпиризму Ж. Делеза [Конев 2001]. Участники семинара, отталкиваясь от концептуального различия между возможным и реальным опытом, рассматривают реальный опыт как опыт свершения, как процесс порождения произведения. Внимание семинара сосредоточено на поиске трансцендентальных оснований реального опыта. Особенность реального опыта состоит в том, что он не имеет образца, он уникален и неповторим, несет в себе чистое, а не повторяемое или регулярное различие. Онтология реального опыта неотделима от его герменевтики: свершение реального опыта требует понимания его оснований. Главный акцент в рассмотрении онтологии совершающегося опыта делается на идее о том, что реальный опыт как опыт различия несет в себе проблемное бытие (Идею), новую конфигурацию реальности, новый, всегда грядущий порядок. Однако для того чтобы идея могла получить свое воплощение, необходимо усилие (М.К. Мамарадашвили), энергия человеческого действия, поступок (М.М. Бахтин), который позволяет идее утвердиться и в свою очередь обеспечивает ее повторяемость. Представляется, что данный подход не только позволяет по-новому рассмотреть онтологию творчества и природу творческого процесса, но и понять, как в современной культуре человек действует перед лицом постоянно меняющихся ситуаций.

Один из циклов специальных семинаров был посвящен обсуждению проблемы знаковой реальности в концепциях ряда европейских философов философов XX века (Гуссерль, Деррида, Делёз, Витгенштейн [Конев, Лехциер 2002]). Тексты для обсуждения выбирались исходя из общей методологической направленности семинара на анализ онтологических проблем значимого бытия. Поэтому за пределами семинара остались тексты, отражающие семиотический подход к пониманию знака, и на первый план вышли философские работы, где прослеживается связь между знаком и социокультурным бытием. Знаки – это производное от социальности, и в то же время, благодаря знакам социальность себя поддерживает и воспроизводит в цикле повторений. Различные типы знаков становятся для человека условиями свершающегося социального и культурного опыта. Человек не только существует в социальной реальности, но в ней он понимает себя и придает смысл своему существованию, поэтому социальность предстает одновременно наполненной знаками, и сама проявляет себя как знаковость, как то, что

порождает новые значения. Социальность требует от человека овладения знаками, а овладение знаками, в свою очередь, конституирует социальность. Существование человека в социокультурном мире сопряжено с различными социальными практиками, которые ему нужно осваивать – это одна сторона жизни человека, другая сторона – понимание своего существования. Знак для человека становится своеобразной точкой входа как в социальные практики, так и в саморефлексию. Знак в социокультурном мире проявляет свою схожую с социальностью структуру, также как социальность действует как такая знаковая структура. Социальность предполагает социальное отношение, и это отношение есть отношение к Другому, такая отнесенность, которая невозможна без опознавания смысла, наделения смыслом, т.е. социальность действует как знак. В то же время, знак есть средство действия социальности, поскольку социокультурный мир насковзь символичен.

Еще одна серия специальных семинаров была посвящена ряду текстов французской философии (М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж.-П. Сартр), которые сопряжены с проблемой ничто и порядка социального бытия [Ничто и Порядок... 2004]. Классическая европейская философская традиция предполагала, что человек в социокультурном мире должен действовать исходя из неизменных культурных образцов, отсылающих к вечным сущностям, законам и истинам бытия. Главная культурная задача для человека в этом случае – быть так, чтобы быть достойным вечных идеалов, стремиться соответствовать им, но никогда не совпадать с ними. Современная философия ориентирует человека совсем на другие условия существования в социокультурном мире, где нет готовых образцов, которым можно следовать, где человек чаще оказывается в ситуации неопределенности, когда приходится определяться и опираться только на себя. Иначе говоря, онтология человеческого существования с необходимостью включает в себя небытие и усилия человека по его преодолению, чтобы породить новую социокультурную реальность, привести новые смыслы. Небытие – отправная точка для творчества; чтобы появилось что-то новое, нужно увидеть то, чего нет, увидеть то, что требует восполнение из небытия, и тогда появится произведение. Творение совершается в этом напряжении между обнаружением небытия и усилиями восполнения того отсутствия, которое было обнаружено. Небытие в социокультурном мире становится полем свершения события. Событие своей необратимостью (никогда уже не будет как прежде) является своеобразной мерой и измерением социальности, истории, культуры. Событие вносит в социокультурный мир опыт различия, иногда болезненного разлома реальности, но оно же и конституирует новый социальный порядок. Опыт осмысления существования человека между небытием и установлением нового порядка в социокультурном мире, который был предпринят французской философией XX века, вос-

требован как на уровне повседневных экзистенциальных ситуаций, так и на уровне социально-гуманитарного познания.

Знаменательной была серия семинаров, посвященных анализу трактата М.К. Мамардашвили и А.П. Пятигорского «Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке» [Конев 2008]. В рамках семинара была предпринята одна из немногих попыток в отечественной философии прочесть этот философский текст как программу принципиально нового подхода к сознанию в философии. Поначалу авторы трактата рассуждают о сознании не выходя за рамки его классического понимания, предполагающего, что человек знает свое сознание, как непосредственно доступное ему явление. Вместо теории сознания, которая отвечала бы на вопрос «что́ есть сознание?», Мамардашвили и Пятигорский предлагают создать метатеорию сознания – сознание о сознании, – отвечающую на вопросы о том, как человек понимает сознание и как он работает с сознанием. Работа с сознанием есть способ существования человека. Работать со своим сознанием для человека означает различать сознание и содержание сознания. Метатеория сознания Мамардашвили и Пятигорского направлена на практику работы с сознанием, и не просто с сознанием, а с этим конкретным сознанием. Понимание у человека происходит всегда как это конкретное понимание, и это понимание принадлежит ему, оно не может быть транслировано кому-то еще. Метатеорию сознания Мамардашвили и Пятигорского можно рассматривать как критику опыта сознания, имеющую практическую направленность на опыт сознания конкретного человека.

Теоретический семинар «Философия культуры» продолжает свое развитие, а значит, развивается философское сообщество, которое, как всякое сообщество, по мысли Ж.Л. Нанси и Дж. Агамбена, есть возможное, всегда грядущее сообщество.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Идея университета... 2005 – Идея университета и топос мысли: материалы конференции, посвященной 25-летию кафедры философии гуманитарных факультетов СамГУ / редкол. В.А. Конев, В.Л. Лехциер, Ю.А. Разинов. – Самара: Самарский университет, 2005.

Конев 1996 – *Конев В.А.* Семинарские беседы по «Картезианским размышлениям» М.К. Мамардашвили. – Самара: Самарский университет, 1996.

Конев 2000 – *Конев В.А.* Критика способности быть (семинары по «Бытию и времени» Мартина Хайдеггера). – Самара: Самарский университет, 2000.

Конев 2001 – *Конев В.А.* Трансцендентальный эмпиризм Ж. Делёза (семинары по «Различию и повторению»). – Самара: Самарский университет, 2001.

Конев 2008 – *Конев В.А.* Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского «Символ и сознание». – Самара: Самарский университет, 2008.

Конев, Лехциер 2002 – *Конев В.А., Лехциер В.Л.* Знак: игра и сущность. Самарские семинары. – Самара: Самарский университет, 2002.

Ничто и Порядок... 2004 – Ничто и Порядок. Самарские семинары по французской философии / отв. ред. В.А. Конев, В.Л. Лехциер. – Самара: Универс-групп, 2004.

Смысл и выражение... 2001 – Смысл и выражение: Контroversы современного гуманитарного знания. Статьи и выступления / редкол. С.И. Голенков, В.А. Конев, В.П. Филатов, В.Л. Лехциер. – Самара: Двадцать первый век, 2001.

Философия и культура... 1997 – Философия и культура: сборник научных статей / отв. ред. Л.А. Конева. – Самара: Самарский университет, 1997.

Философия культуры... 1993 – Философия культуры: мжвузовский сборник научных статей / отв. ред. В.А. Конев. – Самара: Самарский университет, 1993.

Философия культуры... 1995 – Философия культуры – 95 / отв. ред. В.А. Конев. – Самара: Самарский университет, 1995.

Философия культуры... 1996 – Философия культуры – 96 / отв. ред. В.А. Конев. – Самара: Самарский университет, 1996.

Философия культуры... 1997 – Философия культуры – 97 / отв. ред. В.А. Конев. – Самара: Самарский университет, 1997.

Философия культуры... 1998 – Философия культуры – 98 / отв. ред. В.А. Конев. – Самара: Самарский университет, 1998.

REFERENCES

Golenkov S.I., Konev V.A., Filatov V.P., & Lekhtsier V.L. (Eds.) (2001) *Meaning and Expression: Controversies of Contemporary Humanitarian Knowledge*. Samara: Dvadsat' perviy vek (in Russian).

Konev V.A. (Ed.) (1993) *Philosophy of Culture*. Samara: Samara University (in Russian).

Konev V.A. (Ed.) (1995) *Philosophy of Culture – 95*. Samara: Samara University (in Russian).

Konev V.A. (Ed.) (1996a) *Philosophy of Culture – 96*. Samara: Samara University (in Russian).

Konev V.A. (1996b) *Seminar Discussions on M.K. Mamardashvili's Cartesian Reflections*. Samara: Samara University (in Russian).

Konev V.A. (Ed.) (1997) *Philosophy of Culture – 97*. Samara: Samara University (in Russian).

Konev V.A. (Ed.) (1998) *Philosophy of Culture – 98*. Samara: Samara University (in Russian).

Konev V.A. (2000) *Criticism of the Ability to Be (Seminars on Martin Heidegger's Being and Time)*. Samara: Samara University (in Russian).

Konev V.A. (2001) *Transcendental Empiricism of G. Deleuze (Seminars on Difference and Repetition)*. Samara: Samara University (in Russian).

Konev V.A. (2008) *Criticism of the Experience of Consciousness: Samara Seminars on M.K. Mamardashvili and A.M. Pyatigorsky's Symbol and Consciousness*. Samara: Samara University (in Russian).

Konev V.A. & Lekhtsier V.L. (2002) *Sign: Game and Essence. Samara Seminars*. Samara: Samara University (in Russian).

Konev V.A. & Lekhtsier V.L. (Eds.) (2004) *Nothing and Order. Samara Seminars on French Philosophy*. Samara: Univers-group (in Russian).

Konev V.A., Lekhtsier V.L., & Razinov Yu.A. (Eds.) (2005) *The Idea of the University and the Topos of Thought*. Samara: Samara University (in Russian).

Koneva L.A. (Ed.) (1997) *Philosophy and Culture*. Samara: Samara University (in Russian).

Цели и задачи

«Философские науки» – ежемесячный рецензируемый научный журнал, публикующий статьи на русском и английском языках. Журнал был учрежден в 1958 г. как научное образовательное просветительское издание для системы отечественного образования. Статьи журнала посвящены как традиционным, классическим философским темам, так и актуальным проблемам современности и перспективам социокультурного и цивилизационного развития человечества.

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале и порядке рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 – 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 25.06.2022 г. Формат 60x90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info